

Л. Л. КАСАТКИН

ПРОГРЕССИВНОЕ
АССИМИЛЯТИВНОЕ
СМЯГЧЕНИЕ
ЗАДНЕНЕБНЫХ
СОГЛАСНЫХ
В РУССКИХ
ГОВОРАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. Л. Касаткин

ПРОГРЕССИВНОЕ
АССИМИЛЯТИВНОЕ
СМЯГЧЕНИЕ
ЗАДНЕНЕБНЫХ
СОГЛАСНЫХ
В РУССКИХ ГОВОРАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

Монография посвящена явлению, широко распространенному в русских говорах. Работа построена на новом материале атласов русских говоров, что дало возможность установить территориальное распространение разновидностей явления, проследить характер его проявления в речи носителей диалекта.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. Г. ОРЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задненебные согласные занимают особое место в фонетической и фонологической системах славянских языков. Своеобразна и история задненебных согласных в славянских языках. Между тем многое здесь остается неясным. Поэтому решение хотя бы некоторых вопросов, связанных с историей и функционированием задненебных согласных в одном из славянских языков, уже представляет определенный интерес для лингвиста.

Произношение *Вань*[к'ля, *день*[г'лям, *наверь*[х'лю и т. п., представляющее собой результат прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных, — явление, известное большому числу русских говоров. Вопрос о его происхождении и развитии, о своеобразии его территориального распространения и многие другие вопросы, относящиеся к истории этого явления, не могут считаться окончательно решенными.

В 1913 г. вышла известная монография Д. К. Зеленина, посвященная этому явлению¹. В этой книге был собран большой материал по русским говорам, на основе которого автор строил свое объяснение изучаемого явления при помощи лингвогеографического подхода с широкой исторической и этнографической перспективой. Однако за полвека со времени выхода этой книги лингвистическая география накопила большой новый фактический материал и значительно продвинулась в области теории. Это и позволяет по-новому подойти к рассмотрению ряда вопросов истории прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных в русских говорах.

В настоящее время собран материал по произношению задненебных согласных после различных мягких согласных по всей территории старого русского заселения (см. карту 1). Кроме изданного «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» подготовлены к печати «Атлас русских говоров северо-западных областей РСФСР», «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атлас русских говоров юго-западных областей РСФСР». Закончено

¹ См. [72]. Цифры в квадратных скобках, напечатанные прямым шрифтом, указывают на номер в списке литературы, приведенном в конце книги; цифры, напечатанные курсивом, обозначают страницы указанной работы.

обследование территории «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» и обследована большая часть территории «Атласа русских говоров центральных областей к юго-востоку от Москвы» (закончен сбор материалов в квадрате между 39 и 44° восточной долготы и 51 и 53° 30' северной широты, по остальной части территории материал собран только частично).

На этих материалах главным образом и основана книга. Кроме того, в 211 населенных пунктов территории «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» была разослана составленная мною программа с целью уточнения произношения задненебных согласных в ряде позиций и в ряде слов. Было получено 64 ответа на эту программу, значительная часть которых дополняла материалы атласа. Произношение задненебных мне пришлось также наблюдать самому в связи со сбором материала для атласов в 46 населенных пунктах на севернорусской и среднерусской территории (в Вологодской, Горьковской, Ивановской, Кировской, Костромской, Московской, Ярославской областях) и в 29 населенных пунктах на южнорусской территории (в Волгоградской, Воронежской, Липецкой, Рязанской, Саратовской, Тамбовской областях).

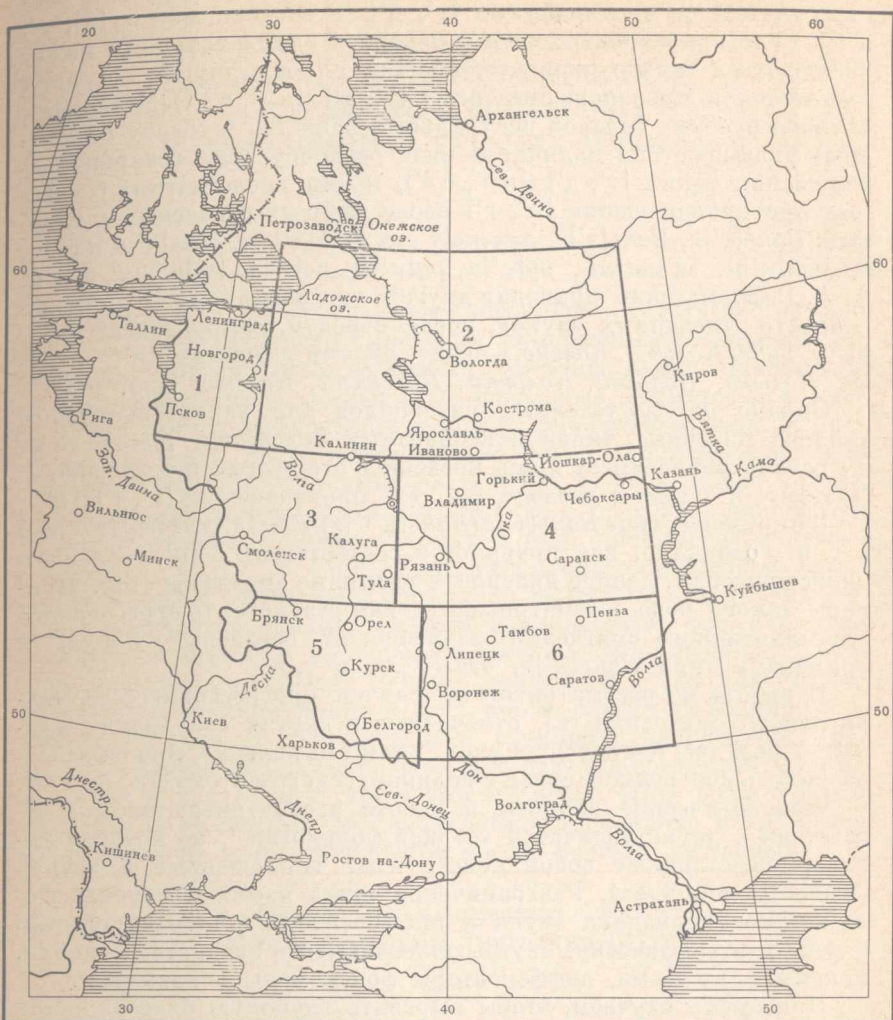
Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных заключалось в том, что после мягких согласных [к, г, х] > [к', г', х']. Поэтому в настоящей работе примеры произношения [к', г', х'] после мягких согласных типа *Вань*[к']я, *день*[г']ям, *наверь*[х']ю и т. п. рассматриваются как результат прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных.

Во многих современных среднерусских говорах на месте [к, г] литературного языка после мягких согласных отмечаются не [к, г] и не [к', г'], а [т', д']: *Вань*[т']я, *день*[д']ям и т. п. Обычно в таких говорах [т', д'] отмечаются на месте [к', г'] любого происхождения: не только *Вань*[т']я, *день*[д']ям и т. п., но и [т']ислый, *ру*[т']и, *ру*[т']е, [д']ибкий, *но*[д']и, *но*[д']е, и т. п. Часто в соответствии с [к', г'] отмечаются звуки, средние между [к', г'] и [т', д']: [к'т', г'д'] — *Вань*[к'т']я, *ру*[г'д']и и т. п., *день*[г'д']ям, *но*[г'д']и и т. п.² Объясняется это явление тем, что в таких говорах происходило «усиление степени палатализации мягких смычно-взрывных задненебных согласных... Задненебные мягкие к' и г' продвигались в своем образовании в зону средней спинки языка и совпадали в звучании с мягкими т' и д'» [156, 75].

Благодаря определенным особенностям развития в ряде говоров может возникнуть позиционная прикрепленность³ звуков типа [т', д'] ([к'т', г'д']), соответствующих [к, г] и/или [к',

² См. карту 58 и комментарий к ней в атласе [17] и соответствующие карты с комментариями в других атласах.

³ О позиционной прикрепленности см.: А. Б. П е н ь к о в с к и й [142, 19].

Карта 1. Территория атласов русских говоров центральных и западных областей Европейской части РСФСР.

1 — территория «Атласа русских говоров северо-западных областей РСФСР»; 2 — территория «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы»; 3 — территория «Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы»; 4 — территория «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»; 5 — территория «Атласа русских говоров юго-западных областей РСФСР»; 6 — территория «Атласа русских говоров центральных областей к юго-востоку от Москвы»

г') литературного языка. Так, вероятно, в связи с неравномерностью отхода от произношения [т', д'] в соответствии с* [к', г'] и [к, г] литературного языка в говоре в одних позициях может наблюдаться только произношение [к', г'], а в других позициях отмечается и произношение таких [т', д'] ([к'т', г'д']). Материалы «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» указывают на наличие в ряде среднерусских говоров произношения таких [т', д'] ([к'т', г'д']) только после мягких согласных при произношении [к', г'] после твердых согласных и гласных: *Вань*[т']я, *Вань*[т']е, *малень*[т']е, *день*[д']ям, *день*[д']и и т. п., но *нал*[к']и, [к']ислый, *ру*[к']и, *ру*[к']е, *ног*[г']и, [г']ибкий и т. п. А. А. Реформатский приводит другой тип позиционной прикреплённости указанных звуков, когда перед /и, е/ произносится [һ]: *руһи, руһе, Кольһи, Кольһе*, а перед другими гласными [к']: *Колькя, Колькю, Колькёй, Колькям, Колькями, Колькях* [154, 109].

Однако нет достаточных материалов для характеристики и анализа подобных типов консонантных подсистем. Кроме того, их рассмотрение имеет лишь косвенное отношение к теме работы. Поэтому, а также в связи с тем, что произношение [т', д'] ([к'т', г'д']) в примерах типа *Вань*[т']я (*Вань*[к'т']я), *день*[д']ям (*день*[г'д']ям) и т. п. возникало, как правило, в соответствии с [к', г'] любого происхождения, данное явление в работе не анализируется. Примеры такого рода рассматриваются как результат прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, наряду с примерами типа *Вань*[к']я, *день*[г']ям и т. п.

В работе не рассматриваются случаи прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], отмечаемые в других славянских языках: у болгар⁴, бойков⁵, гуцулов⁶: там это явление «появилось и развилось вне всякой связи с великорусской чертой» [72, 18—19].

Фонологические вопросы в работе рассматриваются в соответствии с двухступенчатой теорией фонологии⁷, по которой фонемы представляют собой конструкты, воплощенные в звуках языка (фонемоидах). Разграничение звука языка и фонемы, фонетического признака звука и дифферентора фонемы проведено в работе и графически: звуки заключаются в квадратные скобки, фонемы — в косые, дифференторы фонем даны в кавычках.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность В. Г. Орловой, оказывавшей мне научную помощь и поддержку на всех этапах написания этой работы, а также Р. И. Аванесову, С. С. Высотскому, К. В. Горпиковой, О. Н. Мораховской, А. Б. Пенковскому, Ю. Г. Сохацкой, С. К. Шаумяну, прочитавшим книгу в рукописи и сделавшим ряд критических замечаний, способствовавших ее улучшению.

⁴ См.: Ст. Стойков [179, 93].

⁵ См.: Д. К. Зеленин [72, 18].

⁶ См.: А. А. Шахматов [215, 268].

⁷ См.: С. К. Шаумян [209].

ГЛАВА I

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОГРЕССИВНОГО АССИМИЛЯТИВНОГО СМЯГЧЕНИЯ ЗАДНЕНЕБНЫХ СОГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Современные русские говоры, знающие результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, отличаются друг от друга, во-первых, по тому, какие именно этимологически твердые заднеязычные согласные произносятся мягко перед этимологическими гласными переднего ряда, и, во-вторых, по тому, после каких именно согласных отмечается произношение мягкого заднеязычного. В одних говорах после мягких согласных отмечается только мягкий [к'], а [г] и [х] произносятся твердо; в других говорах, наряду с [к'], произносятся также и мягкие [г'], [х']. В одних говорах мягкий заднеязычный отмечается и после таких согласных, после которых в других говорах отмечается только твердый заднеязычный. Это различие в употребительности по говорам мягкого заднеязычного после ряда согласных касается, однако, только [к'], так как только /к/ может в русском языке стоять после самых различных согласных, а для /г/ и /х/ такого разнообразия условий нет. В связи с этим необходимо рассмотреть отдельно результаты смягчения [к] и результаты смягчения [г] и [х]. При рассмотрении результатов смягчения [к] необходимо проследить различия в осуществлении этого смягчения после разных согласных.

Результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]

1

После парных мягких согласных [к'] отмечается во всех говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]¹. Такими парными мягкими согласными,

¹ Правда, в некоторых описаниях русских говоров и в ответах на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» встречаются примеры только с [к] после парных мягких согласных и с [к'] — после других согласных. Но такие примеры очень редки и объясняются они, по всей вероятности, случайностью и неполнотой приведенного материала или неравномерностью отхода говора от произношения [к'] после мягких согласных.

которые возможны перед [к'] (как и перед [к] в говорах, не знавших прогрессивного ассимилятивного смягчения этого заднеязычного) и которые были мягкими в этой позиции и в древнерусском языке, являются переднеязычные сонорные и глухие шумные [н', л', р', т', с'], воплощающие «мягкие» фонемы /н', л', р'/ и архифонемы $\left| \frac{т'}{д} \right|$ и $\left| \frac{с'}{з} \right|$. Например: *тихон'к'о*, *мал'ен'к'ой*, *мал'ен'к'у*, *м'ил'ен'к'айа*, *Ол'ен'к'у*, *п'ен'к'у*, *п'ен'к'ом*, *мал'ен'к'а*, *дурон'к'а*, *топл'ен'к'о*, *мал'ен'к'о*, *дад'ен'к'а*, *Иван'к'ово*, *Ман'т'а*, *Дун'т'а*, *Лол'к'а*, *скол'к'о*, *тол'к'о*, *кошел'к'а*, *Тол'к'а*, *угол'к'ом*, *Ол'к'а*, *Вал'к'а*, *Ол'к'у*, *Гал'к'у*, *вас'ил'к'обф*, *в'л'л'к'ех*, *Вар'к'а*, *В'ит'к'а*, *бат'к'о*, *Кат'т'а*, *Нат'т'а*, *Мар'ус'к'а*, *новос'блос'к'а*, *йаросл'ас'к'а*, *Ол'ен'ка*, *тоб'ен'ка*, *вал'ком*, *Хар'коф*, *бат'ку* — д. Хмелевица Пречистенского р-на Ярославской обл. в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы»; *н'ан'к'а*, *малод'ен'к'а*, *нов'ен'к'а*, *п'мал'ен'к'у*, *Мар'ус'ен'к'а*, *л'л'п'ен'к'ийа*, *мал'ен'к'ь*, *н'ад'ел'к'у*, *тол'к'ь*, *скол'к'ь*, *л'л'л'к'у*, *скол'к'а*, *юбр'к'ийа*, *Кат'к'а*, *р'ет'к'у*, *р'ет'т'а*, *Мар'ус'к'ь* — с. Демшинка Добринского р-на Липецкой обл. в «Атласе русских говоров центральных областей к юго-востоку от Москвы».

Территория распространения говоров с [к'] после указанных парных мягких согласных показана на карте 2, составленной в соответствии с картами и материалами атласов русских говоров.

2

В говорах, знающих [к'] после парных мягких согласных, отмечаются случаи произношения [к'] и после парных твердых согласных. Все эти случаи распределяются по двум типам.

1. К первому типу относятся такие случаи, когда мягкий согласный, произносившийся ранее перед [к'], отвердел (или заменился твердым), а [к'] сохранился без изменения. Так; реальность приведенного А. И. Соболевским примера *сахар'кю* [169, 116] подтверждается, как пишет Д. К. Зеленин, произношением «сахар'кю, столь естественным при народном произношении сахар'» [72, 11]. Произношение *д'ур'к'а*, отмеченное

² В древнерусском языке перед /к/ [д', з'] изменялись в [т', с'], а мягкие губные вообще отсутствовали.

Здесь выражение «перед /к/ [д', з'] изменялись...» следует понимать как «перед звуками, воплощавшими фонему /к/, [д', з'] изменялись...» Дело в том, что звуки и фонемы (архифонемы) — единицы разных уровней (ср.: С. К. Шауляна [208, 22]) и не могут поэтому находиться в одной плоскости и следовать друг за другом. Рядом со звуками могут стоять только звуки, а рядом с фонемами или архифонемами — только другие фонемы или архифонемы. С учетом этого следует понимать и другие подобные выражения в книге ([к'] после /ч/, [ʎ] перед /а/, [j] на месте /у/ перед /п/ и т. п.), употребляющиеся исключительно для краткости.

Карта 2. [к'] после мягких согласных

1 — на общей территории;
: — в отдельных населенных пунктах

КОТО
ШИХ
небн
ском
ные

р' /

л'ен'

мал'

Иван

к'а,

к'обф

Мар

вал'к

Про

стей

пъм

к'у,

р'ёт

р-на

обла

Т

НЫХ

ленн

ских

ОТМ

СОГ.

СОГ

зам

реаз

ркю

изно

изно

2]

Г

«

В

С

К

З

И

В

И

в «Атласе русских говоров юго-западных областей РСФСР» в д. Маслово Сосковского р-на Орловской обл., восходит, очевидно, к произношению *д'ыр'к'а*, отмеченному в материалах этого же атласа и других атласов во многих населенных пунктах. Таково же, по-видимому, и происхождение [р] в слове *горьеской*, отмеченном в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы» в д. Б. Мосты Ковернинского р-на Горьковской обл., так как это прилагательное образовано от существительного *Го[р']кий*. О твердом произношении [р] в этом слове можно судить по тому, что при системе обозначения в ответе мягкости согласных произношение [р'] в этом слове должно было бы обозначаться сочетанием *рь*: *горьеской*.

К подобным же случаям следует отнести примеры с [к'] в суффиксе прилагательных *-ск-*, где [с], как и предшествующий ему согласный, был мягким, а затем отвердел. А. А. Шахматов, указывая Д. К. Зеленину на такую возможность, пишет, что «в случаях как Касимофская, Шеинская, Афремовская, царскую и т. п. (примеры из Лекинского говора Егорьевского уезда) смягчение *к* доказывает, что некогда было мягко *с*» [211, 333]. Подобные примеры отмечены и в ответах на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка»³. В «Атласе русских говоров центральных областей к западу от Москвы»: Калужская обл.: *хат'к'овск'ийа* (им. п. ед. ч. ж. р.) — Думиничский р-н, д. Речица; *д'ыр'ив'ёнск'ийа* (им. п. ед. ч. ж. р.) Сухиничский р-н, с. Хотень; Тульская обл.: *руёск'ай* — Богородицкий р-н, с. Иевлево. В «Атласе русских говоров юго-западных областей РСФСР»: у *Курск'а*⁴ — Курская обл., Стрелецкий р-н, с. Верхняя Медведица. В «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы»: Вологодская обл.: *в М'икол'ск'ом*, *Н'икол'ск'о*, *М'икол'ск'ойо*, *Н'икол'ск'ово*, *лон'ск'ой*, *в маст'ерск'ой*, *костромск'ой* — Биряковский р-н, с. Боярское; *ф ко-жухофск'ем* — там же, д. Глухая; *д'ер'ев'ёнск'ой*, *жён'ск'ой* — там же, д. Загоскино; *руск'айа* — там же, д. Кошкарово; *ф'йнск'айа* — Грязовецкий р-н, д. Ваганово; *моск'обфск'ой* — Кичменско-Городецкий р-н, д. Верхнее Киркино; *д'ер'ев'ёнск'ой*, *жёнск'ой* — Кубено-Озерский р-н, д. Заболотное; *куб'ен'ск'ойо* — там же, д. Потрохово; *руск'ой* — там же, д. Шолохово; *ворон'ышск'ой* — Лежский р-н, с. Красново; *с'иб'ыр'ск'ой* — Рослятинский р-н, с. Нигино; *д'ер'ев'ёнск'ойо*, *д'ер'ев'ёнск'ой* — Сокольский р-н, д. Б. Мурга; *д'ер'ев'ёнск'ой*, *руск'ой* — там же, д. Желмино; *д'ер'ев'ёнск'айа*, *по гороцк'ему* — Сямженский р-н,

³ Не исключено, что в некоторых из приведенных ниже примеров [к'] много происхождения, а примеры должны быть отнесены ко второму типу (см. 2.2.).

⁴ Если это родительный падеж, а не предложный.

д. Бурцево; *москѡфск'ой* — там же, д. Голузино; *ф хѡроф'ск'ой*, *н'икѡл'ск'уйу*, *в вас'ил'йефск'ем* — там же, д. Лисичинская; *д'ер'ев'ен'ск'ой* — там же, д. Сафониha; *Архан'г'ел'ск'а* — там же, д. Яхренга; *ж'ен'ск'ой* — Тотемский р-н, д. Нижняя Становая; *ж'ен'ск'ой* — там же, д. Осовая; *д'ер'ев'ен'ск'ой*, *ж'ен'ск'ой*, *руск'ой* — там же, д. Топориха; *ф костромск'ой* — там же, с. Успенье; *руск'ой*, *ж'ен'ск'ой*, *москѡвск'ой* — Харовский р-н, д. Боярское; *ж'ен'ск'ой* — там же, д. Карповское; Кировская обл.: *истор'ич'еск'айа* — Арбажский р-н, д. Изиповка; *из Дѡрофск'ѡва* — Даровский р-н, д. Кокаровщина; *цѡрск'ей*, *звѡрск'ей*, *звѡрск'ему*, *морск'ей*, *русская* — Шарангский р-н, д. Арзаматово; *звѡрск'ей*, *морск'ей*, *русская*, *москѡвская*, *кировская* — там же, д. Зыково; Костромская обл.: *на мур'ман'ск'ой* — Солигаличский р-н, д. Васильево; Новгородская обл.: *д'ир'ив'ен'ск'ой* — Любытинский р-н, д. Луково; *руск'ой* — Опеченский р-н, д. Жихново; Ярославская обл.: *п'ервомайск'ой* — Первомайский р-н, д. Анкудиново. В «Атласе русских говоров северо-восточных областей РСФСР»: Кировская обл.: *дарѡфск'ой* — Даровский р-н, д. Новая Курень; *Архан'г'ел'ск'а* — там же, с. Окатьево; *пор'ел'ск'о* — там же, д. Поманёны; *стоубѡвск'ой*, *монастѡрск'а*, *м'ихайлофск'а*, *маст'ерск'ой*, *в Йарѡнск'ом*, *с'ел'ск'ой*, *род'ит'ел'ск'у*, *в Йарѡн'ск'ом* — там же, д. Тельнята; *крысѡн'ск'а* — Котельнический р-н, с. Юрьево; *маст'ерск'айа* — Макарьевский р-н, д. Немтёнки; *ол'екс'ейевск'о* — Мурашинский р-н, с. Белозерье; *д'ер'ев'ен'ск'а* — там же, д. Каратаевщина; *ж'ен'ск'ой*, *д'ер'ев'ен'ск'ой* — Свечинский р-н, д. Саменки; *д'ер'ев'ен'ск'ой* — там же, д. Скурихино; *ж'ен'ск'ой* — Сунский р-н, д. Годнёвщина; *ж'ен'ск'ой*, *д'ер'ев'ен'ск'ой* — там же, д. Ниж. Подсосенное.

2. Другой тип составляют такие случаи с [к'] после парных твердых согласных, когда перед [к'] никогда не было мягкого согласного и [к'] не мог возникнуть фонетическим путем. Такие примеры отмечены в «Атласе русских говоров центральных областей к западу от Москвы»: Калужская обл.: *руб'ѡик'а* — Тарусский р-н, д. Селиверстово; *в'ир'ѡвк'а* — там же, д. Крутицы; *м'ат'ѡлк'а*, *нѡ пад'ѡнк'у* — Ферзиковский р-н, с. Кольцово; Тульская обл.: *м'икѡлт'а* — Арсеньевский р-н, д. Сороколетово; *д'етк'а* — Воловский р-н, с. Верхоустье; *с'ирѡтк'а* — Крапивенский р-н, с. Кореневка; *ѡтк'а* — там же, с. Пришня; *йефр'емк'а*, *даск'а* — там же, с. Супруты; *д'етк'а* — Тепло-Огаревский р-н, д. Петровское. В «Атласе русских говоров юго-западных областей РСФСР»: Брянская обл.: *мѡмк'а* — Комарический р-н, д. Лагиревка; Калужская обл.: *к'ип'атк'у* — Жиздринский р-н, д. Младенск; Курская обл.: *залѡук'а* — Валуйский р-н, с. Насоново; *куск'а* — Дмитриев-Льговский р-н, с. Почепное; *траук'у* — Касторенский р-н, с. Котовка; *Ан'утк'а* — Нижне-Оскольский р-н, с. Проточное; *пѡлк'у* — Советский р-н, с. Переволочное; Липецкая

обл.: *махотк'а* — Елецкий р-н, с. Рогатово; *б'элк'а* — там же, д. Быковка; Орловская обл.: *пахл'опк'а* — Шаблыкинский р-н, д. Навля; Тульская обл.: *Шурк'а* — Куркинский р-н, с. Михайловское. В «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»: Владимирская обл.: *карт'инк'а* — Гусь-Хрустальный р-н, д. Демино; *лап'атк'ай* — Курловский р-н, с. Уляхино; Мордовская АССР: *нас'этк'а* — Ковылкинский р-н, д. Червленая; Рязанская обл.: *л'инк'а* — Рязанский р-н, д. Наумово; *В'эрк'а* — Спасский р-н, с. Веретье; *йтк'а* — Чучковский р-н, д. Александровка. В «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы»: Вологодская обл.: *корз'инк'а*, *троп'инк'а*, с *Л'итк'ой*, *исп'отк'у* — Биряковский р-н, с. Боярское; *ф'катк'ах*, *гр'атк'а*, *ж'арк'о*, *гул'анк'а*, в *молот'илк'у* — там же, с. Дороватка; *Л'итк'а* — там же, д. Кошкарowo; *ск'латк'а* — там же, д. Липовица; *ч'асб'венк'а* — Кичменгско-Городецкий р-н, д. Шатенево; *кр'инк'а* — Никольский р-н, д. Быстрая; *м'еу'к'ой* — там же, д. Пенома; *по д'ел'анк'ам* — Рослятинский р-н, с. Нигино; *порос'онк'у* — Сокольский р-н, д. Тырыково; *Н'инк'а* — Сямженский р-н, д. Лисичанская; *Файнк'а* — Тотемский р-н, д. Брюхачиха; *ко-с'инк'а* — Усть-Кубинский р-н, д. Елюнино; *в'ешолк'а* — Харовский р-н, д. Макаровская; *мамк'а* — Чёбсарский р-н, д. Васьково; Горьковская обл.: *й'инк'у* — Залесный р-н, д. Смольки; с *п'алк'ей* — Ковернинский р-н, д. Б. Мосты; Ивановская обл.: *п'алк'у* — Кинешемский р-н, д. Косикино; *Л'итк'а* — Юрье-вецкий р-н, с. Пелегово; Кировская обл.: *Г'енк'ю* — Свечинский р-н, д. Драгуныта; *кашонк'я*, *нак'олк'я* — там же, д. Кроты; в *ст'енк'у* — там же, д. Шапки; *кваш'онк'а* — Тужинский р-н, д. Тайбанур; *Н'инк'а* — Черновский р-н, д. Бушуй; *мамк'а*, *п'апк'а* — там же, д. Раменье; Костромская обл.: *В'овк'я* — Буйский р-н, с. Борок; *Лар'иск'а* — Павинский р-н, д. М. Медведица; Новгородская обл.: *зыпк'а* — Любытинский р-н, д. Дымовая; Ярославская обл.: *б'апт'а* — Брейтовский р-н, с. Горелово; *Над'онк'у* — Гаврилов-Ямский р-н, с. Осенево; *в'ез'анк'а* — Даниловский р-н, д. Антонково; *м'атк'а* — там же, д. Измайлово; *д'ефч'онк'у*, *прост'инк'а* — Некрасовский р-н, д. Яхробол; *Нинк'я*, *Зинк'я*, *Аринк'я* — Первомайский р-н, д. Анкудиново; *карт'обфк'у* — Петровский р-н, с. Рославлево; *коровк'я* — Пречистенский р-н, д. Акишево; *С'лавк'я* — Середский р-н, д. М. Левашево. В атласах северо-восточных областей Европейской части РСФСР и центральных областей к юго-востоку от Москвы, материал по которым собран только частично: Кировская обл.: *д'эфк'а* — Бельский р-н, д. Макуши; *скот'инк'у* — Макарьевский р-н, д. Юферята; *на кол'енк'ах* — Мурашинский р-н, д. Каратаевщина; Свердловская обл.: *суш'илк'а*, *лихор'атк'а* — Билимбаевский р-н, с. Каменка; Воронежская обл.: *н'инк'а* — Алешковский р-н, с. Лебяжье; *ар'инк'а* — Байчуровский р-н,

с. Горелка; *л'ус'атк'а* — Верхне-Хавский р-н, с. Шукавка; Саратовская обл.: *махотк'а* — Питерский р-н, с. Новотуловка; Тамбовская обл.: *н'урк'а* — Бондарский р-н, с. Бычки.

У Д. К. Зеленина [72] приведены следующие примеры с [к'] после твердых согласных: Воронежская губ.: *ва горенкю, ягодкя, дитяткя* — Нижнедевицкий у. [91]; Курская губ.: *марскёй, марскёя, пескю, крепкю, мелкя, делянкю, платкёв, малаткёв, коровкя, ниткяй, толкям, парядкям, теляткя* — Старооскольский у. [138—139]; *палкя, палкю* — там же [140]; *малодкя, шкатулкя, калыскя* — Новооскольский у., с. Проточное [139—140]; Калужская губ.: *сходкя* — Малоярославецкий у., приход с. Запажья [248]; *кваскю, на Мскёвском канцу* — там же, с. Неделино [248]; *малкя* — Мещовский у., с. Недоходово [255]; *вечеркём* — Перемышльский у., с. Ревякино [256]; Тульская губ.: *милкю* — Новосильский у., с. Паньково [288]; *ягодкя* — Ефремовский у., приход с. Хмелевого [304]; Тамбовская губ.: *сучонкя* — Кадомский у. [338]; *ягыткя* — Тамбовский у., с. Беломестная Слобода [343]; Самарская губ.: *ягодкя* — Бузулуцкий у., с. Новоключевка [351]; Ставропольская губ.: *сиротинкя* [358]; Вятская губ.: *травкя* — Нолинский у., с. Соколово [394]; Яранский у., с. Кугушерга [406]; Малмыжский у., д. Большое Жирново [420]; Вологодская губ.: *лескём, травкя* — Вологодский у. [428—429]; *козляткя* — там же, д. Яковлевская [429]; *травкя* — Грязовецкий у., Расловский приход [429]; Ярославская губ.: *шибкё* — Романово-Борисоглебский у. [448]; *москёскёй* — Рыбинский у., Николокормская вол. [450]; *маковкя, коркю, божаткё, мостинкя, пивкё, кислеткя, ловкёй, милкёй* — Моложский у., с. Захарьино [458]; *гладкёй, валкёй, меледкё, крохоткя, травкя* — там же, приход с. Станилова [459]; Владимирская губ.: *диготкю* — Покровский у., Воронцовская вол. [469]; *Черкясово* — Переяславский у., с. Славитино [472]; *яркя* — Судоготский у., Высокорецкая вол. [483]; Пермская губ.: *мелкёхонькё* — Ирбитский у., с. Шмаковское [519].

Отдельные примеры с [к'] после твердых согласных отмечены также авторами некоторых диалектологических работ: *Юрк'я* — Владимирская обл., Курловский р-н, с. Уляхино [126, 201]; *наб'ёйк'а* — Вологодская обл., Вохомский р-н, д. Малая Стрелка [51, 30]; *сладжай* — Калужская обл., Жиздринский р-н, д. Славенка [159, 84]; *йблк'а, тардѣфк'а, с'ер'отк'а* — Башкирская АССР [219, 131].

В примерах второго типа [к'] возник аналогическим путем, в результате действия морфологического фактора. Дело в том, что в русском языке сочетание «мягкий согласный + к» возможно только на стыке морфем. В подавляющем большинстве случаев /к/ после мягкого согласного восходит к суффиксу *-ьк-*; иногда такое сочетание возникает на стыке глагола с частицей *-ка*.

В говорах, которые некогда знали действие фонетического

закона смягчения [к] после мягких согласных, появляются два варианта суффикса: -к- и -к'-, в зависимости от того, твердый или мягкий согласный стоит перед суффиксом. В настоящее время связь между суффиксом -к- (-к'-) и предшествующим согласным нарушается; твердость или мягкость суффикса -к- начинает восприниматься как самостоятельный его признак и не связывается с качеством предшествующего согласного. В связи с этим появляется тенденция к выравниванию суффикса: к объединению суффикса -к- и суффикса -к'- в одном -к'-; в результате этого -к'- возникает и после твердых согласных.

Эта тенденция не может в настоящее время сама стать законом потому, что в противовес ей все сильнее начинает действовать другая тенденция — отход от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], т. е. тенденция, которая приводит к объединению суффикса -к- и суффикса -к'- в одном суффиксе: -к- твердом.

Возникновение в языке новообразований по аналогии можно рассматривать под разным углом зрения. Начиная с младогограмматиков, которые установили огромную роль аналогии в развитии языка, долгое время аналогия рассматривалась как тенденция «сохранить или восстановить то, чему угрожают фонетические законы или что они разрушают» [20, 41]. Иными словами, аналогия рассматривалась в связи с фонетическим законом, но при противоположном направлении этих двух процессов, когда действие аналогии противоречило действию фонетического закона. Рассмотрение аналогии именно с этой точки зрения у младогограмматиков вполне понятно: при доказательстве того, что «фонетические законы не знают исключений», важно было объяснить и все отклонения от них; эти отклонения и объяснялись аналогией.

Однако, как пишет В. М. Жирмунский, такое указание «на роль аналогии в «восстановлении» разрушенной звуковыми изменениями грамматической системы может быть отнесено только к случаям внутренней (или «материальной») аналогии, где речь идет о восстановлении морфологического единства слова («корня»). Оно никак не объясняет существа аналогии внешней, имеющей значение для перестройки грамматической системы языка в целом» [71, 87].

Возникновение [к'] после твердых согласных и относится к такому типу аналогии, которая, действуя в одном направлении с фонетическим законом, способствует перестройке системы словообразования.

3. В русских говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], встречаются также примеры произношения [к'] после гласного. В «Атласе русских говоров центральных областей к западу от Москвы»: *т'лак'а* — Калужская обл., Барятинский р-н, д. Плота; *с'иб'ир'ак'ом* — Москов-

ская обл., Уваровский р-н, д. Подъелки; *крупн'ик'а* — Тульская обл., Крапивенский р-н, с. Пришня. В «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»: *пл'и-м'ей'ик'а* — Рязанская обл., Ковернинский р-н, с. Старо-Березово; *нач'ал'н'ик'а* — там же, Рязанский р-н, д. Наумово. В «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы»: *к пр'азн'ик'у* — Вологодская обл., Биряковский р-н, с. Боярское; *брусн'ик'а* — там же, с. Дороватка; *в'ал'ик'ом* — там же, д. Кокшарово; *з зб'итик'ом* — Горьковская обл., Ковернинский р-н, д. Марковка; *муж'ик'ам* — Ивановская обл., Кинешемский р-н, д. Закусихино; *мужик'об'ф* — Новгородская обл., Боровичский р-н, д. Сушилово; *с м'ал'ч'ик'ом*, *гн'от'ик'ом* — Ярославская обл., Масловский р-н, с. Труфаново. В «Атласе русских говоров центральных областей к юго-востоку от Москвы»: *нач'ал'н'ик'ъ* — Тамбовская обл., Тамбовский р-н, с. Незнановка; *агар'од'ик'а* — Саратовская обл., Питерский р-н, с. Агафоновка; *п'иш'ит'и-к'а*, *п'сма'тр'ит'и-к'и* — там же, Черкасский р-н, с. Самодуровка. В «Атласе русских говоров северо-восточных областей Европейской части РСФСР»: *от мн'ик'а* — Кировская обл., Свечинский р-н, д. Б. Ковали-Зайцы.

Примеры с [к'] после гласных встречаются и в некоторых описаниях диалектов. Так, у Д. К. Зеленина приведено: *жди-кё* — Вятская губ., Яранский у. [15]; *малакё, малакём, рукёй, рукёю, возьми'к'ясь, прутик'яв, работник'яв, наследник'яв* — Курская губ., Старооскольский у. [139]; *кавальчик'ям* — Орловская губ., Карачевский у., д. Мокрая [193]; *у куш'инчик'ю* — Тульская губ., г. Крапивна [301]; *гостинчик'я* — Саратовская губ., Аткарский у., с. Морец [348]; *клюк'я* — Вятская губ., Уржумский у. [413]; *дудошник'я, балалаешник'я* — Вологодская губ., Вологодский у., д. Яковлевская [429]; *тройник'ёв* — Ярославская губ., Пошехонская вол. [453]; *взгляни-кё* — там же, Моложский у., приход с. Станилова [459]. В ответе на академическую программу в с. Борисоглебском Высоковской вол. Вологодского у. отмечено *счук'я, счюк'я* [199, 49].

Примеры с [к'] после твердых согласных и гласных вызывают сомнения некоторых лингвистов. Так, Е. Ф. Будде относится с недоверием к примерам *квас'к'ю, кваск'ю, Петрен'еюшк'я, Лаг'утк'я*, приводимым В. И. Далем для Курской губ., и примерам *головк'ю, сахарк'ю, сверх'ю*, приводимым А. И. Соболевским [37, 224—225]. Д. К. Зеленин, указывая на несправедливость сомнения Е. Ф. Будде в существовании в русских говорах случаев аналогического [к'] после твердых согласных [72, 11], сам, однако, видел в примере *кавальчик'ям* ошибку наблюдателя или опечатку [72, 193]. Точно так же Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров ошибкой или опечаткой объясняли пример *с ц'ипак'ам'и*, записанный в Вологодской обл. [14, 500]. Однако мы видим, что такие случаи вполне возможны.

Среди примеров с [к'] после гласного следует в первую очередь выделить глаголы с частицей *-ка*. Появление [к'] после гласного в этой глагольной частице объясняется, вероятно, тем же, чем и появление [к'] после твердого согласного, а именно: тенденцией к объединению [к] и [к'] в [к'] в одной и той же морфеме.

В остальных случаях [к'] после гласного отмечен в суффиксах *-ак-*, *-ик-* и производных, а также в конце корня, т. е. в тех морфемах, где был только [к] и не было [к']. Эти примеры свидетельствуют о том, что [к'] появляется вместо [к] не только в той же морфеме, но и вообще в конце основы, производной или производной.

4. В говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], отмечены и такие случаи, когда в сочетании «мягкий согласный + к'» перед этимологическим гласным переднего ряда не только [к'] стоит на месте этимологического [к] твердого, но и предшествующий мягкий согласный находится на месте этимологического твердого согласного.

Так, в «Атласе русских говоров центральных областей к западу от Москвы» отмечено: *д'эф'к'а* — Калужская обл., Дугнинский р-н, с. Костомарово; *у́л'уб'к'а* — Тульская обл., Тульский р-н, д. Алферьево. В «Атласе русских говоров юго-западных областей РСФСР»: Белгородская обл.: *справ'к'у* — Старо-Оскольский р-н, с. Теплый Колодезь; Брянская обл.: *Н'ур'к'а* — Севский р-н, с. Ново-Ямское; Воронежская обл.: *клáф'к'а*, *пъулас'к'ам* — Нижнедевицкий р-н, с. Новая Ольшанка; Курская обл.: *см'етáн'к'а* — Касторенский р-н, с. Прокуророво; *кап'он'к'у* — там же, с. Котовка; *Н'ур'к'а* — Хомутовский р-н, с. Клевень. В «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»: Рязанская обл.: *занав'іес'к'у* — Захаровский р-н, с. Троицкое; *ф нар'к'ю* (в парк) *итти* — Можарский р-н, с. Можары; *Л'уб'к'а* — Спас-Клепиковский р-н, д. Абрахово; Ярославская обл.: *Ст'оп'к'а* — Рязанцевский р-н, с. Славитино. В «Атласе русских говоров центральных областей к юго-востоку от Москвы»: *рып'к'а* — Воронежская обл., Водопьяновский р-н, с. Каменная Лубна. В «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы»: Архангельская обл.: *Л'ит'к'а* — Каргопольский р-н, д. Еремеевская; Вологодская обл.: *кл'ейон'к'а* — Бабушкинский р-н, д. Веретья; *кур'к'ом* — Биряковский р-н, д. Глухая; *булаф'к'а* — Вологодский р-н, д. Дубровская; *пáл'к'а* — Кадуйский р-н, д. Марлыково; *Л'юд'к'а* — Кичменгско-Городецкий р-н, д. Лыченица; *просты́н'к'ой* — там же, д. Москва; *Л'ит'к'а* — Кубено-Озерский р-н, с. Липник; *б'йл'к'а* — Лежский р-н, д. Кашино; *Л'юд'к'а* — там же, с. Красново; *Л'ит'к'а* — Междуреченский р-н, д. Андреевское; *моркбв'к'а* — там же, д. Б. Верховье; *кошбл'к'а* — там же, д. Лаврентьево; *кошн'к'а* — Петриневский р-н, д. Красково; *Зинья* — Пришекснинский р-н, д. Дуброво; *Л'ит'к'а* — Росля-

тинский р-н, с. Нигино, с. Сенино; *косын'к'а* — Сокольский р-н, д. Б. Мурга; *Л'ит'к'а* — там же, д. Чекшино; *косын'к'а* — Усть-Кубинский р-н, д. Елюнино; *косын'к'а*, *косын'к'у* — Череповецкий р-н, с. Надпорожье; Горьковская обл.: *игбол'т'у* — Залесный р-н, д. Мостовка; Калининская обл.: *бл'ис'т'о* — Сонковский р-н, д. Пуршево; Кировская обл.: *б'ис'ет'к'а* — Свечинский р-н, с. Октябрьское; Костромская обл.: *М'ил'к'а* — Боговаровский р-н, д. Коровинцы; *булаф'к'а*, *п'ийаф'к'а*, *голуб'к'а*, *траф'к'а*, *моркоф'к'а* — там же, д. Мальцевская; *шестеренька* — Нерехтский р-н, д. Б. Пирогово; *пов'ас'к'а* — Солигаличский р-н, д. Васильево; Ленинградская обл.: *косын'к'а* — Тихвинский р-н, д. Лазаревичи; Новгородская обл.: *дв'ер'к'а* — Дрегельский р-н, д. Б. Гольцы; *простын'к'а* — Любытинский р-н, д. Хирово; *М'ил'к'а* — Хвойнинский р-н, с. Минца; Ярославская обл.: *Шур'к'а* — Любимский р-н, д. Мотыгино; *троп'ин'к'а* — Мышкинский р-н, с. Еремейцево; *Лорк'а* — Некоузский р-н, с. Введенское; *Нинька*, *Зинька* — Первомайский р-н, с. Анкудиново; *косын'к'ам* — Середской р-н, с. М. Левашово. В «Атласе русских говоров северо-восточных областей Европейской части РСФСР»: *бал'к'у* — Кировская обл., Кайский р-н, д. Лупшер⁵.

У Д. К. Зеленина [72] такие примеры приведены в характеристике говоров д. Б. Заболотье Рыбинского у. Ярославской губ. — *Зиньтя* [14], г. Брянска — *Хролькя* [189], прихода с. Запажья Малоярославецкого у. Калужской губ. — *лежанькя* [248], Вологодского у. Вологодской губ. — *банькя* (вм. банка), *свинькя* [429].

Среди примеров этого типа встречаются такие, в которых перед [к'] стоит [л']. Часть из них записана в таких севернорусских говорах, которые знают произношение «среднего» [л]. Д. К. Зеленин полагал, что [к'] в таких случаях мог возникнуть фонетическим путем. Так, он писал, что «*милкю* могло возникнуть и фонетически, если в данном говоре обычно среднее европейское *л*, широко распространенное во многих говорах» [11]. Однако обычно [л] в севернорусских говорах произносится перед гласным. Известны, правда, говоры, где [л] иногда встречается перед согласным и на конце слова вместо [у] или вместо отвердевшего [л'] перед [н, ш]. Но «звук *л* в этих положениях является, безусловно, вторичным: он появился на путях утраты описанных диалектных черт едва ли не под влиянием литературного языка»⁶. Кроме того, «западноевропейское *л* так же мало палатально, а следова-

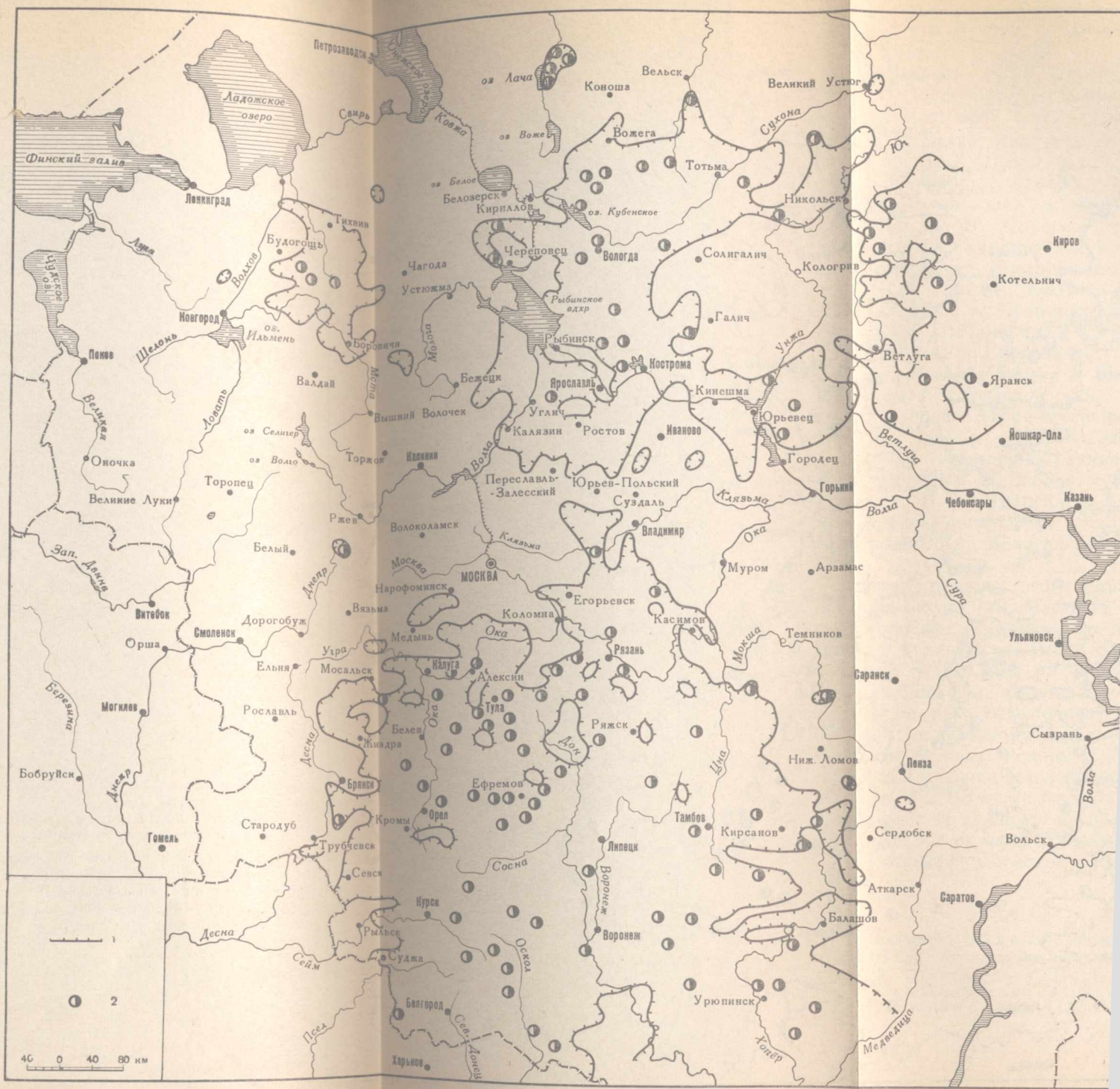
⁵ Не исключено, что в некоторых из приведенных примеров [к'] мог возникнуть фонетическим путем после мягкого согласного. К таким случаям, возможно, относятся *пал'к'а* (если это уменьшительное от *Павел*), *Л'ит'к'а* (ср. *Лид'ия*), *простын'к'а* (ср. *простыня*), *дв'ер'к'а* (ср. *дверь*).

⁶ Р. И. Аванесов [10, 170].

Карта 3. [к'] после парных мягких и твердых согласных и гласных

1 — после парных мягких согласных;
2 — после исконных твердых согласных:
Нин'к'я и т. п.; 3 — после гласных: *моло-*
[к'л] и т. п.; 4 — после исконных твердых
согласных и гласных

тельно, неспособно вызвать смягчение следующей заднеязычной согласной, как *t*, *n* и другие» непалатальные согласные звуки⁷.

Среди примеров этого типа встречаются и такие, где перед [к'] стоит мягкий губной согласный. Часть из них записана в говорах, где губные смягчаются (заменяются мягкими) перед [к'и, к'е] (например: *д'эф'к'и*, *д'эф'к'им'и*). В таких случаях, возможно, происходит обобщение основы с конечным мягким губным, после которого [к'] закономерно. Возможно также, что [к'] перед гласными непереднего ряда возникает здесь аналогическим путем, как и в других примерах с [к'] после твердого согласного, приведенных выше, а затем уже происходит смягчение губного, так же, как происходит оно перед [к'и] в этих говорах⁸.

| Однако часть примеров с [к'] после мягкого губного записана в говорах, где губные перед [к'и] не смягчаются. Возникновение таких случаев, так же, как, вероятно, и появление мягких язычных согласных перед [к'], может быть связано с тем, что в говорах, знавших некогда действие закона ассимилятивного смягчения [к], возникает как следствие этого закона, с одной стороны, фонетическая модель «мягкий согласный + к'», а с другой — тенденция к объединению в [к'] суффиксов -к- и -к'-, и даже шире — любого [к] в конце основы, т. е. тенденция, которая ведет к разрушению этой модели, потому что [к'] появляется и не после мягкого согласного. Но поскольку модель эта, вероятно, держится еще прочно, она и накладывает своеобразный отпечаток на проявление указанной тенденции: в результате действия этой тенденции нефонетическим путем возникает [к'], а в результате действия модели возникновению [к'] сопутствует и замещение предшествующего твердого парного согласного мягким. Таким образом снимается противоречие между влиянием модели «мягкий согласный + к'» и действием указанной тенденции.

Возникновение модели «мягкий согласный + к'» при модели «твердый согласный + к» связано, вероятно, не только с прогрессивным ассимилятивным смягчением [к], но и с регрессивным ассимилятивным смягчением согласных перед [к']. Об этом говорит отмеченное во многих русских говорах смягчение переднеязычных согласных перед [к'и, к'е] типа *ст'énка* — *ст'én'к'и*, *йт-ка* — *йт'к'и*, *краска* — *крас'к'е* и т. п. Явление это отмечают, в частности, О. Брок [34, 87], [32, 80], В. Мансикка [114, 73],

Карта 4. [к'] после парных мягких согласных и / ш / ж /

1 — после парных мягких согласных

2 — после / ш / ж /

⁷ А. А. Шахматов [211, 334].

⁸ Ср. замечание А. А. Шахматова по поводу приведенных Е. Ф. Будде примеров *дехья* — им. п. мн. ч., *дехьям* — дат. п. мн. ч.: «...Несомненно, что в им. мн. ч. было получено мягким перед мягким окончанием этого падежа (*девки*), причем мягкость предшествующей губной (*дефьки*, откуда *дехьки*) вызвана мягким к: следовательно, *дехья*, а также *хлопья* им. мн., где я вм. и, не могут быть поставлены рядом с *глупинькою*, *понька*, *понька*... Дат. мн. *дехьям* явилось вм. *дефкам* под влиянием им. мн. *дехьки*, *дехья* так, как после твердого согласного звука *ж*» [212, 33].

Е. С. Клейменова [91, 11]. Указывают его и авторы ряда ответов на диалектологические программы⁹.

5. Д. К. Зеленин, говоря о существовании в русских говорах случаев аналогического [к'] после твердых согласных [72, 11], называет это явление «доведением до абсурда» ассимилятивного смягчения к [139, 458, 464]. Д. К. Зеленин считает, что такое «доведение этой черты «до абсурда», употребление м. к (мягкого к. — Л. К.) после твердых согласных мы встречаем вообще лишь там, где эта черта сравнительно нова и модна...» [139].

Однако приведенные выше материалы, собранные Д. К. Зелениным в его книге, ответы на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», а также некоторые другие описания русских говоров свидетельствуют о том, что примеры с [к'] после твердых согласных встречаются на всей территории распространения результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]. Примеры с [к'] после гласных, которые встречаются гораздо реже, чем примеры с [к'] после твердых согласных, также не имеют определенной локализации на этой территории (см. карту 3). При этом нужно еще учесть, что «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», как и большинство диалектологических программ конца XIX — начала XX в., не предусматривает приведения примеров с [к'] нефонетического происхождения. Поэтому такой [к'] получил только случайное отражение в ответах на указанные программы. Очевидно, в говорах он встречается чаще, чем можно судить по этим материалам.

Кроме указаний на территориальное распространение [к'] нефонетического происхождения, его «экстенсивность», диалектологические материалы дают указания и на частотность, «интенсивность» такого [к']: он встречается обычно в единичных случаях и обладает очень низкой частотностью. Так, обычно даже при большом количестве примеров с [к'] фонетического происхождения в ответах на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [к'] нефонетического происхождения отмечается в одном-двух примерах. Если же таких примеров больше, чем один-два, то примеров с [к'] фонетического происхождения все равно во много раз больше. Таковы ответы по с. Боярскому и с. Дороватка Биряковского р-на Вологодской обл., где приведено соответственно 5 и 6 примеров с [к'] нефонетического происхождения и 75 и 52 примера — с [к'] фонетического происхождения.

В материалах, собранных в книге Д. К. Зеленина, в большинстве случаев приведено по одному-два примера с [к'] нефонетического происхождения и только в трех случаях таких примеров

⁹ Мне самому приходилось наблюдать это явление в Горьковской, Кировской, Ярославской областях.

гораздо больше: в описании старооскольского говора Курской губ., сделанном учителем уездного училища Ф. Солодовниковым, и в описаниях говора с. Захарьина и говора Станиловского прихода Моложского у. Ярославской губ., сделанных одним и тем же автором, семинаристом А. Преображенским. Именно на основании этих описаний Д. К. Зеленин считал, что в данных говорах употребление [к'] «доведено до абсурда». Обратимся к этим описаниям.

Ф. Солодовников указывает в своей статье, что главная его задача — показать «местные искажения русской народной речи» [174, 61]. Так он и поступает: вся его статья и представляет собой перечисление отступлений от литературного языка. Но так как автор все эти отступления старается возвести в систему, то естественно, что он их гиперболизирует. По поводу методов сбора диалектного материала автор статьи пишет, что он собирал материал «в продолжение долгого времени, внимательно прислушиваясь к народному говору приезжающих в город здешних поселян и вообще деревенских жителей, частью же через нарочитые расспросы» [60] (выделено мною. — Л. К.). Естественно, что при таком методе сбора материала, да еще имея целью отметить только «искажения», автор показал в своей статье несуществующие отношения в говоре. Хотя не подлежит никакому сомнению, что в старооскольском говоре действительно встречаются случаи с [к'] нефонетического происхождения.

В статье А. Преображенского [148] также рассматривается говор не одного пункта, а целого района, охватывающего восемь сел «с принадлежащими к приходам их деревнями» [125]. При этом сведения о говоре даются в трех разделах: в кратком описании диалектных особенностей, в словаре местных слов и в песнях, записанных со стремлением передать произношение. Все эти три раздела дают разное представление о наличии в говоре [к'] нефонетического происхождения. Так, при описании особенностей говора автор, указывая на произношение [к'], приводит примеры только фонетического происхождения¹⁰. Также почти нет примеров с [к'] нефонетического происхождения в песнях¹¹. И только в словаре приведено большее количество слов с [к'] нефонетического происхождения. Почти все они перечислены у Д. К. Зеленина. Таким образом, нет оснований считать говор

¹⁰ Характерно, что А. Преображенский не видит причины смягчения такого к. Так, он пишет: «Букву а выговаривают как букву я, когда перед ней стоит буква к; например: редька, сайка, скамейка, линейка и т. п.» [131].

¹¹ Интересно проследить по фольклорным записям А. Преображенского пути формирования аналогического [к'], ср.:

«... Уж воскинъ-кё восплесни рукам мыльем,
Взгляни-кё ты оцам-це ясным,
Роспеда-тай-кё свое уста сахарные,
Вымолви-кё с нами ты слово гладкёжо...» [160].

прихода Станиловского отличающимся от других говоров, где отмечено [к'] нефонетического происхождения, по широте распространения в нем этой черты.

О говоре с. Захарьина середины XIX в. я мог судить только по книге Д. К. Зеленина. Старое описание, сделанное тем же А. Преображенским, хранится в рукописи в Архиве Географического общества. По словам Д. К. Зеленина, говор с. Захарьина автор «описывает чертами, весьма близкими к говору Ситчины» [72, 458]. Судя по ответу на краткую программу учителя М. Торопова, результатов прогрессивного смягчения [к] в говоре с. Захарьина не было уже в 1900-х годах [72, 458]. Не отмечает там этого явления и Н. П. Гринкова [62, 250]. Таким образом, в середине XIX в., когда А. Преображенский отметил в говоре с. Захарьина [к'] нефонетического происхождения, произношение [к'] после мягких согласных было там, очевидно, явлением отмирающим. Но вряд ли частотность [к'] нефонетического происхождения сильно отличалась там от частотности его в других местах.

3

В говорах, знающих [к'] после мягких согласных, встречаются примеры с [к'] после $\left/ \frac{\text{ш}}{\text{ж}} \right/$: *Маи*[к']*я*, *кош*[к']*я*, *пирож*[к']*я* и т. п. А. А. Шахматов, предполагая фонетическое возникновение [к'] в таких случаях, считал, что они свидетельствуют о древности происхождения прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] [211, 352].

Д. К. Зеленин в своей книге [72] пишет: «Смягчение в сочетаниях *ш(ж)ка(о,у)* встречается лишь в немногих говорах — в тех, где шипящие мягки или же еще недавно были мягкими» [10]. И затем приводит примеры из Белозерского у. Новгородской губ., Яранского у. Вятской губ., Нижнедевицкого у. Воронежской губ., Козловского и Шацкого уездов Тамбовской губ., Новосильского у. Тульской губ., Болховского у. Орловской губ., из Курской губ. Однако тут же Д. К. Зеленин оговаривается: «В некоторых случаях тут можно предполагать влияние аналогии со стороны других уменьшительных» [11]. Затем, описывая рязанские говоры, Д. К. Зеленин высказывается более определенно: «Замечательно, что в Рязанской губ. м. *к*, обычное после *ч* (*пяточья* и т. д.), не встречается после *ш* и *ж*: *Сашка* и т. п. Сочетания типа *-шья* вообще приходится признать характерными гл. обр. для северновеликорусских говоров, да и то не для всех. От мягкости звука *ш* они вообще в зависимости почти не находятся: в этом обстоятельстве, кстати заметить, мы имеем доказательство того, что м. *к* на севере возникло не самостоятельно, а проникло со стороны, как мода... М. *к* после *ш*, б. ч. твердого уже, мы встречаем гл. обр. в говорах, которые усвоили

эту черту недавно, как модную, от соседей и «довели ее до абсурда», что так естественно, когда известная черта развивается не органически, а по одному подражанию соседям» [321].

Однако материалы, собранные в книге Д. К. Зеленина¹², отдельные описания диалектов, появившиеся после выхода этой книги¹³, а особенно материалы атласов русских говоров свидетельствуют о том, что случаи с [к'] после $\left/ \begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right/$ спорадически встречаются на всей территории распространения результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] без определенной локализации (см. карту 4).

Кроме того, если в материалах, собранных в книге Д. К. Зеленина, и в ответах на диалектологические программы конца XIX — начала XX в. не всегда есть указания на степень распространения в говоре [к'] после $\left/ \begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right/$ по сравнению с [к'] после парных мягких согласных, а также после /j/ и /ч/ (если в говоре [к'] отмечается и после них), то материалы, собранные для атласов, показывают, что во всех говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], произношение [к'] после $\left/ \begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right/$

не только не охватывает все возможные случаи с /к/ после $\left/ \begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right/$, но встречается гораздо реже, чем [к'] после парных мягких согласных, /j/ и /ч/. Все это дает возможность предполагать, что случаи с [к'] после $\left/ \begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right/$ объясняются действием аналогии: [к'] в таких примерах возник нефонетическим путем¹⁴.

Предположению о фонетическом происхождении [к'] после [ш'], изменившегося позднее в [ш], противоречит следующее. Во многих современных севернорусских говорах отмечено произношение мягких шипящих [ш', ж']¹⁵. В большинстве случаев такие [ш', ж'] позиционно обусловлены: они отмечаются перед /е, и/, парными мягкими согласными и /j/, наряду с [ш, ж] в других позициях. Однако в некоторых говорах (главным образом ивановских и Кировских) [ш', ж'] отмечаются и в таких позициях,

¹² См. [72, 10, 11, 91, 111, 112, 138, 139, 140, 145, 146, 186, 190, 197, 209, 248, 249, 254, 259, 283, 301, 321, 338, 340, 342, 344, 349, 358, 363, 383, 394, 400, 407, 414, 420, 426, 428, 429, 430, 433, 458, 459, 464, 508, 519, 520, 522].

¹³ См. ответы на диалектологические программы: [161, 11, 29, 42, 53, 71, 80, 82, 87, 95], [162, 74, 88, 150], [163, 29, 70, 123], [150, 14], [199, 49], [52, 78]; см. также [83, 110], [143, 33], [168, 151].

¹⁴ Примеры с [к'] после $\left/ \begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right/$ в орловских говорах С. И. Котков также объясняет аналогией [94, 55]. Ср. также указания С. И. Коткова и В. Н. Новопокровской, что в елецких, новосильских и рязанских памятниках XVII в., отражающих смягчение [к] после мягких согласных, [к] всегда тверд после $\left/ \begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right/$ [95, 53], [132, 167—168].

¹⁵ Кроме материалов атласов, см. об этом также: Е. П. Лупцова [112].

где их мягкость позиционно не обусловлена, в частности перед /к/: ко[ш']ка, бабу[ш']ка, ло[ш']ка и т. п. Хотя и в таких говорах гораздо более последовательно в этих позициях произносятся [ш, ж]. И в тех, и в других севернорусских говорах отверждение [ш'] перед /к/ произошло, видимо, недавно, во всяком случае намного позднее, чем в южнорусских. Таким образом, если бы [к'] после [ш'] возникал фонетическим путем, мы должны были бы найти и ббльшую, чем в южнорусских, частотность севернорусских говоров с [к'] после [ш, ш'] и ббльшую частотность [к'] после [ш, ш'] в севернорусских говорах по сравнению с частотностью [к'] после [ш] в южнорусских говорах¹⁶. Однако нет ни того, ни другого: [к'] после [ш, ш'] в севернорусских говорах, как и в южнорусских, встречается только в единичных примерах и такие говоры среди севернорусских, знающих [к'] после мягких согласных, так же редки, как и среди южнорусских¹⁷.

Кроме того, если бы [к'] после [ш'] возникал фонетическим путем, а затем в связи с изменением [ш'] > [ш] и в результате действия модели «твердый согласный + к», наряду с моделью «мягкий согласный + к», происходила и замена [к'] на [к] после [ш] при сохранении [к'] после мягких согласных, то в этом случае отдельные слова могли сохранить эту мягкость в силу каких-либо особых причин. Лексикализация проходивших в прошлом разных фонетических процессов — явление известное и довольно распространенное. Однако если бы лексикализация происходила с [к'] после [ш], то мы вправе были бы предполагать наличие какого-то определенного круга слов, большего или меньшего, где бы только и сохранялись следы бывшего некогда распространенным [к'] после [ш']. Но встретившиеся в говорах примеры с [к'] после [ш] никак не свидетельствуют о такой лексикализации: это все слова самые разнообразные, почти не повторяющиеся. Единственная группа слов, которую можно выделить среди этих примеров, — это имена собственные. Между тем, указание С. И. Коткова и В. Н. Новопокровской об отсутствии [к'] после

/ $\frac{\text{ш}}{\text{ж}}$ /

при наличии [к'] после мягких согласных в елецких, новосильских и рязанских говорах XVII в. относится именно к именам собственным. Кроме того, среди случаев с [к'] после парных твердых согласных также значительное количество составляют име-

¹⁶ Ср., например, указанное выше почти полное отсутствие примеров с [к'] после [с] на месте давно отвердевшего [с'] в суффиксе -ск- в южнорусских говорах и большое количество примеров с [к'] после недавно ставшего твердым [с] в этом суффиксе в севернорусских говорах.

¹⁷ В статье [88] мною было указано, что в севернорусских говорах случаи с [к'] после / $\frac{\text{ш}}{\text{ж}}$ / встречаются чаще, чем в южнорусских и среднерусских [41]. Однако последующие обследования и дообследования населенных пунктов на территории «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» показали неправомерность такого вывода.

на собственные. Таким образом, примеры с [к'] после $\frac{\text{ш}}{\text{ж}}$ в именах собственных лишь подчеркивают тенденцию к морфологизации [к'] в суффиксе, тенденцию, сильнее проявляющуюся в данной категории слов — именах собственных.

4

1. В говорах, знающих [к'] после парных мягких согласных, возможно также регулярное произношение [к'] после звуков, выступающих на месте этимологического ч'. Таковы многие южнорусские говоры, где на месте этимологического ч' произносится [ч']. В этих говорах [к'] после [ч'] произносится с такой же регулярностью, с какой и после парных мягких согласных. Например: *Вáл'к'а, л'ѹл'к'у, л'ѹл'к'а, Кóл'к'а, пат пóл'к'у, скóл'к'и, Тán'к'а, мál'ин'к'аја, Марѹс'к'а, хаз'ајк'а, пастрóјк'а; јачи'к'а, рѹч'к'а, Пóл'ич'к'а, м'ѹлч'к'а, кáдч'к'а, дóч'к'а, п'асóч'к'у, с мѣлач'к'ом, бáнч'к'у, д'éвч'к'а, дóж'ж'ич'к'а, дóж'ж'ич'к'у, ѹдч'к'ај, ѹнѹч'к'а, мѣлач'к'а, сыпóч'к'а* — с. Ново-Ракитино Лебедянского р-на Липецкой обл. в «Атласе русских говоров центральных областей к юго-востоку от Москвы».

Такая же картина наблюдается в севернорусских говорах с мягким цоканьем, где на месте этимологического ч' произносится [ц'] или близкий к нему мягкий согласный. В этих говорах [к'] выступает после [ц']. Например: *б'ил'ен'к'ой, мал'ен'к'у, ѹист'ен'к'ой, тол'к'о, стар'ен'к'ой, л'ул'к'а, запад'ен'к'а, бой'к'ой, подумай'к'о, стай'к'а, постой'к'а, бан'ку; бл'уд'ец'к'а, вну'ц'к'а, доц'к'а, крышоц'к'а, руц'к'а, кадоц'к'а, воц'к'ах, п'ец'к'а, пр'ивыц'к'а, запац'к'ајоѹ'о, доц'асоц'к'у, молоц'ка* — д. Заболотная Тотемского р-на Вологодской обл. в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы».

В говорах с мягким цоканьем [ц'] часто не является единственным звуком, употребляющимся на месте этимологического ч'. Кроме промежуточных звуков типа [ц'ч', ч'ц'], под влиянием литературного языка в эти говоры проникает и [ч']¹⁸. В таких говорах [к'] выступает также и после этих звуков. Кроме того, в результате действия внутренних фонетических процессов и влияния литературного языка на месте этимологического ч' в говорах с мягким цоканьем, наряду с [ц'], могут произноситься и [ц, ч] твердые и полумягкие. Отверждение [ц, ч] в этих говорах происходит в позднее время, уже после окончания действия закона ассимилятивного смягчения [к]. Поэтому в таких говорах [к'] отмечается не только после [ц'], но и после [ц, ч, ц', ч']¹⁹.

2. Существуют и такие говоры, где [к'] не наблюдается после этимологического ч'. В этих говорах [к'] отмечается только после парных мягких согласных, в некоторых еще и после /ж/.

¹⁸ См.: В. Г. Орлова [135, 25, 27 и др.].

¹⁹ См.: В. Г. Орлова [135, 50, 51 и др.].

Четыре компактные группы таких говоров расположены в разных местах территории распространения результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] (см. карту 5). Отсутствие [к'] после этимологического ч' в некоторых говорах отмечалось еще в диалектологических работах конца XIX — начала XX в., но только в результате сбора материалов по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» окончательно определилась территория всех четырех групп.

2.1. Д. К. Зеленин указывает в своей книге на отсутствие [к'] после ч в говорах запада южнорусского наречия: в Орловской, Курской, Калужской, Тульской губерниях. Указывает он и примерную границу этого явления. Так, он пишет: «В пределах Калужской губернии нам удалось установить границу между двумя типами м. к: 1) к смягчается и после ч, 2) к после ч не смягчается. Граница эта проходила здесь по р. Угре..., служащей диалектологическою границею и в некоторых других отношениях» [72, 10].

В западных южнорусских говорах, знающих результаты ассимилятивного смягчения [к], на месте этимологического ч' широко распространено произношение [ш']. Однако явление утраты затвора аффрикатой [ч'] и территория распространения этого явления наиболее полно описаны только недавно²⁰. В начале XX в. «сведения о данном явлении имели отрывочный и, в известной мере, случайный характер»²¹.

Д. К. Зеленин пишет о произношении [ш'] вместо [ч'] в некоторых говорах [220], однако он не связывает с этим отсутствие [к'] после ч: «Известно, что одни говоры с м. к смягчают его также и после ч, другие же в этом сочетании не смягчают, причем разница эта не зависит от различия в произношении звука ч: оно одинаково мягко там и здесь» [251].

Впервые на совпадение границы утраты затвора у аффрикаты [ч'] и отсутствия [к'] после [ш'] указывает С. И. Котков: «Ясно одно — сквозь налет отклонений проступает определенная закономерность: если к следует после ч', смягчение налицо; если следует после ш', смягчение отсутствует» [94, 54]. Это действительно подтверждается ответами на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». Однако «наряду с говорами, в которых широко представлено употребление ш' вместо ч', на юго-западной территории встречаются также и говоры, где употребление ш' значительно сужено за счет распространения ч', также начинающего, как правило, употребляться в любой фонетической позиции; это говоры, в наибольшей степени подвергшиеся влиянию нормализованного типа языка или соседних говоров с различием ч' и ц»²².

²⁰ См.: В. Г. Орлова [135].

²¹ См.: В. Г. Орлова [135, 141].

²² В. Г. Орлова [135, 157].

Карта 5. [к'] и [к] после парных мягких согласных и звуков, выступающих на месте этимологического ч'

1 — [к'] после парных мягких согласных и звуков, выступающих на месте этимологического ч': Вань[к']я, гор[к']я и т. п.; 2 — [к'] после парных мягких согласных и [к] после звуков, выступающих на месте этимологического ч': Вань[к']я, доч[к]а и т. п.; 3 — [к'] после парных мягких согласных и в единичных случаях [к] после звуков, выступающих на месте этимологического ч': Вань[к']я, доч[к]а и т. п., единичное доч[к']я и т. п.

В некоторых говорах, расположенных в центре или на окраине территории утраты затвора аффрикаты [ч'], употребление [ш'] окончательно вытеснено таким вторичным [ч']. В таких говорах, где [ш'] вытесняется или окончательно вытеснен новым [ч'], [к'] после [ч'], как правило, отсутствует так же, как и после [ш'].

2.2. Другая группа говоров, знающих [к'] после парных мягких согласных и /j/ и [к] после этимологического ч', занимает часть юго-западных районов Владимирской обл., крайний восток Московской обл. и проходит полосой с севера на юг через всю Рязанскую и Тамбовскую области, частично заходя и в Пензенскую обл. Сведения о говорах этой территории в начале XX в. были немногочисленны и не отражали отсутствия [к'] после этимологического ч' в говорах, знающих [к'] после парных мягких согласных и /j/, хотя вообще произношение [к'] после мягких согласных в некоторых говорах этой территории было известно уже тогда. Не пишет об отсутствии здесь [к'] после этимологического ч' и Д. К. Зеленин. Отдельные сведения об этом явлении начали появляться уже после выхода его книги ²³.

Хорошо известно стало это явление на указанной территории только в связи со сбором материалов для составления «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». В это же время появляются и работы, в которых описывается указанное явление ²⁴. В этих работах отсутствие [к'] после этимологического ч' при наличии [к'] после парных мягких согласных и /j/ объясняется цоканьем.

Действительно, как показывают материалы «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», большинство говоров этой территории, знающих [к'] только после парных мягких согласных и /j/ и [к] после этимологического ч', — это говоры с твердым цоканьем или со следами его. Изогlossы цоканья и отсутствия [к'] после этимологического ч' здесь почти совпадают: к востоку от изогlossы идут говоры цоканьющие и знающие [к'] только после парных мягких согласных и /j/, к западу — нецоканьющие и знающие [к'] после парных мягких согласных, /j/ и /ч/.

В говорах с цоканьем или с его следами и с произношением [к'] после парных мягких согласных твердый [к] выступает после [ц], а также после [ц', ц'', ч, ч', ч'] — звуков, возникающих на месте этимологического ч' в связи с «попытками непосредственного овладения произношением мягкой шипящей аффрикаты ч» ²⁵ при переходе от твердого цоканья к различению /ч/ и /ч/.

²³ См.: Р. И. Аванесов [9, 187]; Д. В. Бубрих [36, 342]; [160, 14]; [162, 35].

²⁴ См.: Л. Э. Калнынь [80, 41]; В. Г. Орлова [136, 70]; И. А. Оссовецкий [138, 61]; Т. Г. Строганова [180, 124].

²⁵ В. Г. Орлова [135, 84].

Отсутствие [к'] после [ч'] при произношении [к'] после парных мягких согласных и /j/ наблюдается также в некоторых цокающих говорах. Как правило, эти говоры находятся на выступающих за пределы территории цоканья северной, западной и южной окраинах общей территории произношения [к'] только после парных мягких согласных и /j/. Такое положение, по всей вероятности, связано с сокращением территории цокающих говоров ²⁶. Кроме того, некоторые из этих говоров, особенно на юге Рязанской обл. и в Тамбовской и Пензенской областях, вероятно, возникли в результате переселения из более северных районов.

2.3. Третья группа говоров, знающих произношение [к'] после парных мягких согласных и [к] после этимологического ч', занимает северо-восточные районы Новгородской обл. и примыкающие к ним с севера районы Ленинградской обл. Эта группа находится в окружении говоров, не знающих результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]. В начале XX в. сведения о распространении здесь результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] были весьма скудными ²⁷. И только материалы, собранные для «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы», дают ясную картину территории распространения здесь этого явления и фонетических позиций, в которых осуществляется это смягчение.

На этой территории произносится, как правило, [ч] твердый. Различение [ч] и [ц] твердых, которое возникло в результате отхода от твердого цоканья, распространено на всей территории северо-западных русских говоров. Только в последнее время, главным образом уже после революции, под влиянием литературного языка вместо [ч] твердого появляется полумягкая и мягкая аффриката ²⁸. Известен [ч'] мягкий и в некоторых говорах, знающих произношение [к'] после парных мягких согласных. Однако после такого [ч'] все равно произносится [к], так же как после [ч, ч'].

2.4. Четвертая группа говоров, в которых произносится [к] после этимологического ч' и [к'] после парных мягких согласных, занимает всю Ярославскую обл., прилегающие к ней районы Калининской обл., крайний юго-запад Костромской обл., западные, северные и восточные районы Ивановской обл. и прилегающие к ней районы Горьковской обл. Эта территория определилась также только в результате собирания материалов для атласа. В большинстве говоров этой территории на месте этимологического ч' произносится [ч'], отмечается также иногда произношение [ч'] и [ч].

²⁶ В. Г. Орлова [136, 70].

²⁷ Д. К. Зеленин [72, 508—509]; [64, 115, 116, 121, 123, 126, 127]; кроме того [163, 70, 73].

²⁸ В. Г. Орлова [135, 58 и след.].

Таким образом, произношению [к] после этимологического ч' в говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], как правило, сопутствует произношение [ш'] на месте ч' в первой группе рассмотренных говоров, произношение [ц] — во второй, [ч] — в третьей и [ч'] — в четвертой.

3. Однако в ряде говоров всех этих четырех групп, при наличии указанных сопутствующих черт, отмечен [к'] также и после этимологического ч'.

С. И. Котков, указывая, что «смягчение к после ш' имеет место в... пунктах, расположенных, главным образом, на территории, примыкающей к зоне смягчения к после ч'», считает, что «это вторичная, а не старая особенность данных говоров, вызванная влиянием говоров, где сохранилось ч'» [94, 54]. С таким предположением можно согласиться. В ряде таких говоров недавнее появление [к'] после [ш' (ч')] подтверждается тем, что произношение [к'] после [ш' (ч')] здесь гораздо менее последовательно, чем после парных мягких согласных и /j/. Такие же говоры имеются и на территории второй из указанных групп, характеризующейся наличием твердого цоканья. Почти все эти говоры граничат с говорами нецокающими, знающими [к'] и после [ч'], или окружены такими говорами. В большинстве из них твердое цоканье сильно поколеблено и на месте ч' чаще всего выступают палатализованные звуки типа [ч', ц', ц'']. Произношение [к'] после звуков, выступающих на месте ч', в таких цокających говорах следует также признать вторичным по сравнению с произношением [к'] после парных мягких согласных и /j/. Появилось оно, так же, как и в первой группе, вероятно, не только под влиянием соседних говоров, но и по аналогии с произношением [к'] после парных мягких согласных и /j/, которая поддерживалась появлением на месте твердого [ц] палатализованных звуков. Возможно, что такие же говоры со вторичным [к'] после [ч'] имеются и на территории четвертой группы. Но там определение подобных говоров затрудняется тем, что в говорах этой группы, так же, как и в соседних говорах, знающих [к'] не только после парных мягких согласных, но и после [ч'], в настоящее время, как правило, произносится [ч'] мягкий.

Однако произношение [к'] после этимологического ч' имеет место в этих группах не только на территории, примыкающей к зоне произношения [к'] после [ч'] — говоры с [к'] после этимологического [ч'] встречаются на всей территории указанных четырех групп. В этих говорах произношение [к'] после этимологического ч' также следует признать чертой вторичной. Вызвано оно действием аналогии со смягчением [к] после парных мягких согласных и /j/. О позднем появлении в таких говорах произношения [к'] после этимологического ч' свидетельствует то, что случаи такого произношения отмечаются гораздо реже, чем случаи произношения [к'] после парных мягких согласных. Таковы,

например, говоры, описанные в ответах на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка»: Калужская обл., Баятинский р-н, д. Асмолов: *вал'к'ом, п'ан'к'овный, п'ин'к'а, скбл'к'а, мал'ьн'к'а, тол'к'а, выкрай'ку, лар'к'а, хъз'айк'а, мал'ин'к'а, строй'к'а, бат'к'а, кап'ейк'у, с'им'ейк'а, стол'ка, д'евъш'к'а, мѣлаш'к'а, балъш'ка, крѣжъш'ка, в'ид'брѣчка, в'ид'брѣчку*; Курская обл., Михайловский р-н, д. Курбакино: *тол'к'а, ч'айк'ѹ, п'ан'к'ѹ, нѣ вал'к'ѹ, л'ѹ-л'к'а, л'ѹл'к'у, п'ин'к'а, мал'ьн'к'айа, тол'к'о, нѣдай-к'а, кап'ейк'а, скбл'к'а, здаров'ьн'к'а, вбдъш'к'а, прал'н'иш'ка, рѹш'ка, в'ид'брѣш'ку, п'еш'ку, атл'ич'ш'ка, пл'атѹш'ч'ш'ка, махбтъч'ш'ка, кр'уч'ком, аббрѣч'ку, в'изан'ч'ку, бѣчка, пл'ит'бнѣч'ку*; Владимирская обл., Курловский р-н, д. Астахово: «к' в существительн. редко, чаще: *Ван'ка, угал'ка, бан'ка, бан'ку* и т. п. Отмечено неск. случаев с к': *п'ан'к'ом, угал'к'а, п'ан'к'а, п'ен'к'ом, Ман'к'а, Сан'к'а*; но в прилагательных — очень часто к': *мал'ьн'к'ийу, нѣв'ьн'к'ийа, з'ал'бн'ин'к'ийа, Татар'с'к'ийа*; обычно *чк, цк* и т. д. с тверд. к. Однако отмечено два случая с к': *дбѣц'к'а, даѣѣц'к'а*, но: *дбѣц'ка, даѣѣц'ка, бѣчка, бѣц'ка, мѣлац'кѣ* и т. д.»; Новгородская обл., Дрегельский р-н, д. Порог: *мал'ен'к'о, вѣл'к'а, вѣс'ин'к'а, тол'ин'к'а, кол'ин'к'а, кѣт'к'а, л'ѹс'к'а, ч'йс'т'ен'к'а, вѣн'к'а, ман'к'а, т'епл'ен'к'о, гбр'к'а, тол'ин'к'ој, мал'ен'к'ој; д'бч'к'у, јѣјѣч'ко*; Ярославская обл., Угличский р-н, д. Ложкино: *бѣбон'к'а, ман'ен'к'о, вал'к'ом, л'ѹл'к'у, тол'к'о, Вѣл'к'а, Гѣл'к'а, скбл'к'а, кн'аз'к'ом, мал'ин'ка, ман'ин'ка, т'бт'ин'ка, Тѣн'ка, скор'ен'ко, н'искбл'кѣ, тол'кѣ, скбл'кѣ, хоз'айку; дбч'к'а, дѹдѣч'ку, п'ѣч'ку, пт'ич'ку, в'ѣзч'кѣ, рѹч'кам, мнѹч'ка, дбч'ка, крѣжеч'ку*.

О недавнем появлении случаев произношения [к'] после звуков, выступающих на месте этимологического ч' в этих говорах, мы можем судить иногда по описаниям одного и того же говора, сделанным в разное время. Так, кроме ответа на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», сведения о говоре д. Лека (в прошлом Егорьевского у. Рязанской губ., в настоящее время Корововского р-на Московской обл.) содержатся в описаниях говора А. А. Шахматовым в начале XX в. и С. С. Высотским в середине XX в. А. А. Шахматов приводит примеры произношения [к'] только после парных мягких согласных и /j/: *гус'к'а, гус'к'у, з гус'к'ом, с вал'к'ам'и, Сан'к'а, Сан'к'у, тол'к'а, трѣјк'а, доцин'к'у, ниустѣјк'а, н'итаскујк'а, падружун'к'а, гор'к'а, тон'ин'к'ај прут'ик, в рад'ит'ил'с'к'ај дом, ат Арлѣс'к'ај, тушн'ин'к'ај, Арлѣс'к'а схѣткѣ, пѣт'ихон'к'у, харашен'к'а, л'ихад'ѣјк'а, пр'ин'имајк'а, ад'ин'ошын'к'а, ман'ин'к'ај* [216, 212]. С. С. Высотский указывает: *л'ѹл'к'а, л'ейк'а, кѣйк'у, ч'ейк'ѹ, кан'к'ом, угал'к'ом, архѣн'г'ѣл'с'к'у, ф'бдѣрѣс'к'а, крѣс'н'ин'к'ай* (муж. р.), в *н'ан'ках, в бан'ках*. В примерах на *чк* смягчение к более редко (как и в цокающих

формах со смягченной аффрикатой): *pāl'č'k'a*, *vān'iu'k'a*, *krī-
n'č'k'a*, *m'lač'k'o* [48, 52]. В ответе на «Программу» дано: «При-
меры с ассимилятивным смягчением встречаются наряду с при-
мерами без такого смягчения: *Vān'k'a*, *Vāl'k'a*, *č'eik'ŭ*, *kap'ēi-
k'ŭ*, *uġal'k'ōm*, *l'ēik'a*, *l'ŭl'k'a*, *kōik'ŭ*, с *kan'k'ōm*, *Sān'k'eŭ!*
(зват. форма); *Vān'č'k'a*, *krīl'č'ka*».

Итак, в говорах, знающих [к'] после парных мягких соглас-
ных и [к] после звуков, выступающих на месте этимологическо-
го ч', может возникать произношение [к'] и после этих последних
звуков. Появление такого [к'] вызвано аналогией с произноше-
нием [к'] после парных мягких согласных. Характерно, что слу-
чай такого аналогического [к'], как правило, единичны в говорах,
находящихся в глубине территории, на которой [к'] отсутствует
после этимологического ч'. И только в говорах, расположенных
на границе этой территории, рядом с говорами, где смягчение
[к] осуществляется не только после парных мягких согласных,
но и после [ч'], такое произношение [к'] после [ч'] или звуков,
выступающих на его месте, может быть более или менее по-
следовательным. Возникает оно также нефонетическим путем:
кроме аналогии со смягчением [к] после парных мягких соглас-
ных, его появлению способствует также влияние соседних го-
воров, где произносится [к'] и после [ч'].

5

1. В южнорусских говорах, знающих результаты прогрессив-
ного ассимилятивного смягчения [к], позиция после /j/ не отли-
чается при смягчении от позиции после парных мягких соглас-
ных: в этих говорах [к'] после /j/ выступает с такой же регуля-
рностью, с какой выступает [к'] после парных мягких согласных.

2. Среди севернорусских говоров, знающих результаты про-
грессивного ассимилятивного смягчения [к], встречаются такие
говоры, в которых произношение [к'] наблюдается после парных
мягких согласных, иногда еще и после звуков, выступающих
на месте этимологического ч', но отсутствует после /j/. В диалек-
тологической литературе на эту интересную особенность смяг-
чения [к] внимание до недавнего времени (см. [88]) не обраща-
лось, ничего не пишет о ней и Д. К. Зеленин. Однако еще к на-
чалу XX в. относятся два описания говоров, которые с полной
очевидностью говорят о существовании этого явления.

Олаф Брок в ответе на полную академическую программу,
который приложен к его «Описанию одного говора из юго-запад-
ной части Тотемского уезда», указывает: «Переход *к* в *к'* под влия-
нием предшествующей палат. согласной представляет частое яв-
ление в описываемом говоре... В некоторых примерах можно и
здесь определить границы явления: *xož'eika*, *s'äikōm*, *kor'eiku*,
postrōika — *vōis'k'ō* (войско). — *vān'k'a*, *na s'etv'er'én'k'ax*, *odna d'ē-
n'g'a*, и так обыкновенно после *n'* — *r'ēt'k'ā*. — *tōl'k'ō* и др.

После *š: sāška, t'ótuška*, как и ждем по характеру шипящей...» [34, 147—148]. В ответе на программу МДК слушательница М. В. Ж. курсов А. Л. Жданова отмечает в с. Протасово Сараевской вол. Нерехтского у. Костромской губ.: *копейка, заяка, хозяйка, чайку, ручайком; конькѣм, с уголькя, на верхю; Ольга, серьга; дочка, девочка, уточька, по пятачку; барашка* [162, 165].

Ни в диалектологических программах конца XIX в. и начала XX в., ни в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» положение /к/ после /j/ никак не выделено и примеры с /к/ после /j/ приведены вместе с примерами с /к/ после парных мягких согласных. Таким образом, внимание исследователя не было обращено при собирании материала на возможность существования говоров, в которых после /j/ [к] «ведет себя» иначе, чем после парных мягких согласных, и не было дано задание установить «поведение» [к] после /j/. В результате этого отсутствие произношения [к'] после /j/ в ответах на эти программы получило, безусловно, недостаточное полное отражение.

Материалы «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» вполне определенно свидетельствуют об отсутствии [к'] после /j/ в ряде говоров, знающих [к'] после парных мягких согласных. Например: Вологодская обл.: Биряковский р-н, д. Липовица ²⁹: *молбѣн'к'у, тбл'к'о, р'ет'к'у, мал'ен'к'о, молбѣн'к'а, л'ул'к'а, хорошен'к'аја, дбл'к'а, Волѣт'к'а, р'ет'к'а, скбл'к'о, помол'ен'к'у, хорошен'к'о, М'икѣл'к'а; ив'ейка, хоз'айка, шейка*; Сокольский р-н, д. Мишаково: *мал'ен'к'о, помал'ен'к'у, мал'ен'к'уйу, т'ат'ен'к'а, р'ет'к'а, тбл'к'о, скбл'к'о, гбр'к'о, мал'ен'к'ой, род'им'ен'к'ой, красн'ен'к'айа, за род'им'ен'к'ой, мал'ен'кова; Збйкай, хоз'айку, х'ил'ейка, ч'уйка, воу'ченайко*; Ивановская обл.: Юрьевецкий р-н, д. Родинка: *тбл'к'о, мамон'к'а, Кбл'к'а, по н'ескол'к'у, долбн'к'о, мал'ен'к'а, ман'ен'к'е, Кбл'т'а, молбѣн'т'а, тбл'т'о, с Л'бн'т'ой, Л'бн'т'а, долбн'т'о, хорошен'ко; шв'ейку, хоз'айку, шайку, хоз'айкой*; там же, д. Софутиха: *Кбл'к'а, Пан'к'а, Ман'к'а, Мит'к'а, р'ет'к'а, Вал'к'а, к'ул'к'а, ман'ен'к'а, т'ат'ин'к'а, тбл'к'о, хорошен'к'о, р'ет'к'у, Л'ул'к'а, пѣман'ен'к'у, збр'к'а, ф'ус'ен'к'а; коп'ейка, Збйка, хоз'айка, шайка*; Кировская обл.: Арбажский р-н, д. Изиповка: *мал'ен'к'о, молбѣн'к'ой, р'ет'к'а, тбл'к'о, т'ул'к'о, Ван'к'а, Гбр'к'ова, Вас'к'а, Паран'к'а, мал'ен'к'е, с Вас'к'ей, хорошен'к'е, костромс'к'ой, истор'ичес'к'айа, стбл'ко; коп'ейкам, коп'ейка, кбйка, трбйка, Ондр'ейком, попробуйко*; Котельнический р-н, д. Гущины: *огон'к'а, мал'ен'к'а, вал'к'бм, скбл'к'о, з'ем'ел'к'у, сукбн'ен'к'о, л'ул'к'а, молбѣн'к'ой, Петрун'к'а, Ван'к'а, Вас'к'а, Кбл'к'а, тбл'к'о, бан'к'у, ку-*

²⁹ Привожу примеры с [к'] и [к] только после исконных парных мягких согласных и /j/.

д'эл'к'у, крас'ив'ен'к'а, к'ирос'к'ой, варварос'к'а, гур'йес'к'а; шайка, рукомойкой, Райка, Збйка, койка, стройка; там же, д. Шурчицы: д'ад'ен'к'а, ш'ироч'ен'к'а, корут'ен'к'а, Ал'к'а, ѓз'ен'к'а, мал'ен'к'а, скѹл'к'о, м'ил'ен'к'а, Кбл'к'а, оглоб'ел'к'ам, вал'к'ом, л'огон'к'а, вал'к'ам, мал'ен'к'о, Ман'к'о, мал'ѹс'ен'к'а, тбл'к'о, мулоб'ен'к'а, стан'-к'о, рѹс'к'ой, к Йеран'с'к'ему, скѹл'ку, Кбл'ка, по ман'ен'кой; н'егод'айка, куфайку, ббйка, ббйко, Мар'йико; Костромская обл.: Островский р-н, д. Дарьино: б'ел'ен'к'ово, нбв'ен'к'ой, шырбон'к'ой, б'ан'к'а, Л'бн'к'а, Кбл'к'а, Дѹн'к'а, молбд'ен'к'а, бат'к'о, бат'к'а, Сан'к'а, Г'ал'к'! мал'ин'к'а, л'ѹл'к'ой, Г'ал'к'а, Ван'к'а, Тан'к'а, з'ем'эл'к'а, в н'ан'к'ах, стар'ен'к'а, розоѹл'к'а, мал'ен'к'айа, вал'к'ом, помал'ен'ку, многоб'к'о, л'огон'кайа, работ'ен'ка; Збйка, лужайку, под'д'ергайка, Райку, Тайку, под'д'ер'г'айка, хоз'айка, коп'ейку, с'ем'ейкой; Судиславский р-н, д. Куломзино: тбл'к'о, хѹд'ен'к'айа, мал'ен'к'ой, скбл'к'о, Кбл'к'а, Бал'к'а, такос'к'айа, з'ем'эл'ка; ч'айкѹ, коп'ейка, куфайка; Новгородская обл., Окуловский р-н, д. Полици: ч'ч'ас'т'ен'к'о, ч'ѹс'т'ен'к'ой, дбч'ен'к'а, Ман'к'а, корбт'ен'к'ой, Бал'ен'к'а, Мѹс'к'а, хорбшен'к'а, п'ин'к'а, тбл'к'о, н'ан'к'а; мал'ин'к'а; бойкайа, хоз'айка; Ярославская обл.: Пречистенский р-н, д. Телячья Слобода: Ван'к'у, скбл'к'о, мал'ен'к'а, св'ахон'к'а, б'ел'ен'к'о, дал'екбн'к'о, з'ем'эл'к'ой, Ван'к'а, Л'ѹс'к'а, Волбт'к'у, Ман'к'а, молбд'ен'к'у, молбд'ен'к'а, Тан'к'а, Тан'к'у, хорбшен'к'а, Тан'к'ой, мал'ен'к'о, В'ѹт'к'а, ран'бшен'к'о, св'ежен'к'ой, Волбд'ен'к'а, Г'ал'к'у, кошен'к'а, угол'к'обф, м'ѹкбн'к'ой, помал'ен'к'у, Ван'к'а, Нам'к'а, с'ер'ен'к'а, рад'бшен'к'а, тбѹст'ен'к'айа, л'огон'к'а, мал'ен'к'аа, д'ен'к'обф, р'ет'к'у, л'ѹл'к'ой, р'ет'к'у, м'ил'ен'к'ево, хѹд'ен'к'ей, скбл'к'е, мал'ен'к'е, с'ер'ен'к'ейа, молбд'ен'к'ей, сѹхон'к'ей, Волбт'т'а, в н'ан'т'ах, стар'ен'кой, мал'ен'кой, п'ес'ен'кам, тбл'к'о, нбв'ен'кой, мал'ен'ка, хм'ел'кѹ, н'ескол'к'о; скам'ейка, на трбйках, ч'ейку, кбйка, хоз'айка, ч'айкѹ, сайкой, стайкой, трбйка, ускокол'ейка, стбйку, водогр'ейку, шейка, шейку; Ростовский р-н, с. Шугорь: Дѹс'к'а, вал'к'бм, Мѹс'к'а, т'ихбн'к'у, молбд'ен'к'у, Кбс'к'а, н'ан'к'а, Ман'к'а, плбхбн'к'ай, ч'ерн'ин'к'а, н'ед'эл'к'у, П'ал'к'а, мал'ен'к'у, ман'ен'к'о, р'ет'к'а, Ан'к'а, гбр'к'а, Г'ал'к'а, д'ен'к'а, тбл'к'о; Тайка, Райка, к'итайка, балалайку.

Материалы «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» свидетельствуют также и о том, что в ряде севернорусских говоров, знающих [к'] после парных мягких согласных, с такой же регулярностью осуществляется смягчение [к] и после /j/. Например: Вологодская обл.: Сокольский р-н, д. Рыкуля: л'ѹл'к'а, н'ан'к'а, тбл'к'о, вал'к'бм, мал'ен'к'айа, ч'асбш'ен'к'а, Ман'к'а; Збйк'а, х кбйк'ам, ч'айк'ѹ, шейк'а, пострбйк'а, балалайк'у, хоз'айк'у; Усть-Кубинский р-н, д. Дор.: тбл'-

к'а, мал'ен'к'а, Ван'к'а, Ван'к'у, помал'ен'к'у, Мар'ус'к'а, Бор'к'а, р'ет'к'а, рад'ошен'к'а, ж'ен'с'к'айа, хорбошен'кайа; хоз'айк'а, тр'ойк'у, н'егод'айк'а, майк'а, койк'у, постр'ойк'у, постр'ойк'а; Горьковская обл., Уренский р-н, д. Буренино: Ван'к'а, н'ан'к'а, п'ен'к'а, р'ед'к'а, т'ол'к'о, в Г'ор'к'ой, м'амон'к'а, н'ан'к'у, хорбошын'к'а, т'ат'ин'к'а, н'эскол'к'о, С'ан'к'у, т'от'ен'к'а, д'ад'ен'к'а, д'бч'ен'к'а, г'ор'к'а, В'ас'ен'к'у, бат'к'о, мал'ен'к'о, мол'бд'ен'к'ой, м'ул'ен'к'ой, В'ит'ен'к'а, бат'к'у, из Г'ор'к'ова, Н'ас'т'ин'к'а, пос'т'ел'к'а, в Г'ор'к'им, М'уйн'ка, бат'к'о, бат'ку, ч'ер'ен'ен'ку; хоз'айк'а, куф'айк'а, дайк'а, ч'айк'у, шайк'а, скам'ейк'а, скамейка; Ивановская обл., Лухский р-н, д. Писцово: Бор'к'а, мал'ен'к'айа, св'етл'ен'к'о, м'акан'к'у, поман'ен'к'у, вал'к'ом, м'ул'ин'к'а, к'ап'ыл'к'ам, т'ол'к'е, д'ен'т'а, т'ол'т'о, ман'ен'т'о, дал'окон'к'о, т'ол'к'о; фуф'айк'а, З'ойк'а, чайк'а, паш'ш'итайк'а, хоз'айк'а, стр'ойк'ой, хоз'айкой; Кировская обл., Яранский р-н, д. Н. Важенково: Кол'к'а, Л'он'к'а, Г'ал'к'а, ман'ен'к'о, М'ан'к'а, т'ол'к'о, мал'ен'к'ой, Кол'к'у, мал'ен'к'а, С'ан'к'а, мал'ен'к'уйу, Н'ил'к'у, з д'ушен'к'ей; хоз'айк'а, койк'а, З'ойк'а, зб'эгайк'о, з З'ойк'ей; Новгородская обл., Маловишерский р-н, д. Опути: йаблон'к'у, В'ас'к'а, Т'ас'ин'к'а, д'бчын'к'а, В'ит'к'а, м'ел'кон'к'а, т'ихон'к'о, мал'ен'к'о, М'ит'к'а, с'уйн'к'у, гр'уз'ин'к'а, мал'ен'к'ой, ч'ерн'ен'к'айа, М'ан'к'а, р'ус'к'ой, моск'бс'к'ой, йап'он'с'к'ой, д'ир'ив'ен'с'к'ой, в'ишор'с'к'ой, многобн'к'о, ск'ол'к'ъ, л'ул'ка, н'эскол'к'о; хоз'айк'а, с коп'ейк'ам, руком'ойк'а, руком'ойк'у, коп'ейк'а; Ярославская обл., Брейтовский р-н, д. Копань: ск'ол'к'о, т'ол'к'о, Н'ад'ен'к'а, в н'ан'ках, М'ан'к'а, под'р'ужен'к'а, наск'ол'к'о, мол'бд'ен'к'а, т'ол'к'о; тр'ойк'а, дв'ойк'а, коп'ейк'у, Райк'а.

Таким образом, в севернорусских говорах нашли отражение следующие две разновидности прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]:

1) t'k', jk — [к] смягчается после парных мягких согласных и не смягчается после /j/;

2) t'k', jk' — [к] смягчается после парных мягких согласных и /j/ (t' — любой парный мягкий согласный).

3. Определение территории, на которой распространена 1-я разновидность, и территории, на которой распространена 2-я разновидность, представляет некоторые трудности. Эти трудности связаны, во-первых, с характером самого явления и, во-вторых, с характером материалов по данному явлению.

В связи с тем, что смягчение [к] в современных говорах не осуществляется последовательно, а может быть осложнено действием аналогии, с одной стороны, и стремлением к отходу от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных — с другой, исконная система нарушается. Так, в говорах с 1-й разновидностью появляются случаи произношения [к'] и после /j/ и, следовательно, возникает новая разно-

видность — 1а: *t'k', jk, jk'*. О начальном этапе действия аналогии на 1-ю разновидность свидетельствует ряд ответов на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». Например: Костромская обл.: Кадейский р-н, д. Латыниха: *Зор'к'а, долгбн'к'о, баб'ен'к'а, Вэл'к'а, тбл'к'о, мал'ен'к'а, бабон'к'а, пѣман'ен'к'у, бабу'с'к'а, п'ен'к'ам, ф стар'ен'к'ом, ман'ен'к'а, хорбшен'к'а, хорбшен'к'ойо, в н'ан'к'ах, стар'ен'к'а, бан'к'у, бан'к'а, Сбн'к'а, Ал'к'у, з'ем'ел'к'у, р'аб'ен'к'а, Йул'ен'к'а, Л'бл'к'а, хор'к'а, В'йт'к'а, Гбр'к'ой, х'йл'ен'к'а, плбхон'к'а, ман'ен'к'о, эхон'к'а, глэд'ен'к'о, скор'охон'к'о, Нас'к'а, в н'ан'к'ах, скбл'к'ь, ман'ен'к'ей (им. п. м. р.), стар'ен'к'ей (тв. п. ж. р.); ч'айк'у, Ондр'ейк'а, скам'ейка, хоз'айка, Райка, Збйка, ч'айк'у; Сусанинский р-н, д. Акулово: первичное обследование — Ванька, скблкѣ, тблкѣ, лблкя, маленькая; чайк'у, коп'ейка; повторное обследование — бат'к'а, бат'к'о, помал'ен'к'у, Жѣн'к'а, Бан'к'а, П'ет'к'а, Тбл'к'а, В'йт'к'а, н'ан'к'а, мал'ен'к'а, рѣжын'к'ой, тбл'к'о, тбн'ин'к'ой, Гбр'к'ой, б'ел'ен'к'ево, р'ус'к'ой, р'ѣб'ин'кова; Райк'а, помбйка, стрбйка, б'уйка; Ярославская обл., Некрасовский р-н, д. Яхробол: Ван'к'а, с угол'к'а, Бас'к'у, угол'к'ов, угол'к'бм мал'ин'к'аја, с Вар'к'ой, П'ет'к'а, р'ет'к'а, Кат'к'у; коп'ѣк'а (употребляется редко, чаще — коп'ѣжа), чајк'у и чајк'у (чаще употребляется чајк'у).*

Наряду с появлением аналогического [к'] после /j/ в говорах идет другой процесс — появление [к] после парных мягких согласных. В результате действия обоих этих процессов случаев с [к'] после /j/ может становиться больше, а случаев с [к] после парных мягких согласных — меньше. Таким образом, на определенном этапе может возникнуть положение, когда уже трудно решить, какова первоначальная система такого говора — 1-я разновидность или 2-я разновидность.

Главным образом в связи с отсутствием в «Программе» специального вопроса о произношении [к] или [к'] после /j/ материал на эту позицию в ответах на «Программу» довольно неоднороден, часто таких примеров вообще не приведено. Поэтому интерпретация материала ответов иногда представляет определенные трудности.

Даже лучшие ответы не дают и не могут дать совершенно точной картины употребления [к'] и [к] в говоре. Только некоторые ответы позволяют с большой долей вероятности отнести описываемые ими говоры к 1-й, 1а или 2-й разновидности. По другим ответам отнесение говора к одной из этих разновидностей невозможно, либо мала степень вероятности того, что такое отнесение произведено правильно. Степень приближенности к истинному положению зависит, главным образом, 1) от опыта и знаний наблюдателя: хорошие наблюдатели приводят больше примеров, и на разные позиции, в том числе и на позицию после /j/, в случае колебания [к'] и [к] устанавливаются закономерности

такого колебания; 2) от того, [к'] или [к], как правило, произносится после /j/ в данном говоре: если [к'], то больше вероятность, что такие примеры будут записаны; 3) от методики собирания материала и отражения его в ответе, в частности от того, приводятся в ответе примеры из «Программы» или другие примеры.

В большинстве ответов на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» приведены примеры не только с [к'] после парных мягких согласных, но и с [к]. В таких случаях отсутствие [к'] после /j/ может быть связано не с исконным его отсутствием, а с общим процессом утраты говором результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]. Однако и среди этих ответов можно выделить такие, которые в большей степени свидетельствуют об исконном отсутствии смягчения [к] после /j/. Например: Вологодская обл.: Биряковский р-н, д. Воробьево: *ма́м'ен'к'а, т'а́т'ен'к'а, Ко́л'к'а, то́л'к'а, ско́л'к'а, ма́л'ен'к'а́а, помал'е́н'к'у, то́л'к'о, л'у́л'к'а, Л'о́н'к'а, р'е́т'к'а, то́л'ко, до́ц'ен'ка, н'ед'и́л'ку; хоз'а́жа, ча́жкү; Междуреченский р-н, д. Шейбухта: Му́с'ин'к'а, м'и́л'ин'к'а, мо́лб'ин'к'а, с'и́р'ьн'к'а, хо́рби́ен'к'а, л'у́л'к'а, ва́л'к'а, ма́м'ьн'к'а, т'а́т'ьн'к'а, н'ид'е́л'к'у, н'е́ско́л'к'а, ско́л'к'а, ма́л'ен'к'а, то́л'к'а, Ко́л'ка, ско́л'ка, в'е́киан'ка, ва́л'ко́м, то́л'ко, мо́лб'ен'ка, б'и́л'ин'ка, ч'е́рн'ен'ка, ма́л'ин'ка, ба́т'ен'ка, с Ва́н'ко́, то́л'ка; ко́п'е́жкү, тро́жка, ч'а́жкү, ч'а́жкү, соше́жка, хоз'а́жа, шв'е́жка, ша́жа; Костромская обл., Нерехтский р-н, с. Новленское: Ванька и Ваньтя, Женья, Санья, уго́лтя и уго́лья (редко — уго́лька), копейка, ва́лтям, чайку, уго́лтёф, ма́леньтя; Новгородская обл., Окуловский р-н, д. Полежалово: Ванька, с уго́лька, копейка, чайку, Васью, уго́лком, Петья, Ванья, с уго́лька.*

В ряде таких ответов примеры с [к] после /j/ приведены наряду с большим количеством примеров с [к] после парных мягких согласных. Эти ответы в некоторых случаях характеризуют говоры, находящиеся на границе полной утраты результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], в других случаях они недостаточно хорошо отражают произношение [к']. В настоящее время [к'] после /j/ в этих говорах не отмечен, но вопрос о том, был ли он в них раньше, должен решаться в каждом конкретном случае с учетом ряда других вопросов.

В некоторых случаях об отсутствии [к'] после /j/ могут свидетельствовать и такие ответы, где вовсе не приводятся примеры с [к] и [к'] после /j/. Дело в том, что слов с /к/ после /j/ в русском языке довольно много, и если таких примеров в ответе нет, то это может говорить о том, что наблюдатель в первую очередь записывал примеры, где произносится [к'], и меньше обращал внимания на случаи, где произносится [к]. Поэтому если в ответе приведено после парных мягких согласных много примеров с [к'] и мало или нет примеров с [к] и при этом нет примеров ни с [к'], ни с [к] после /j/, то это может служить косвенным свидетельством того, что

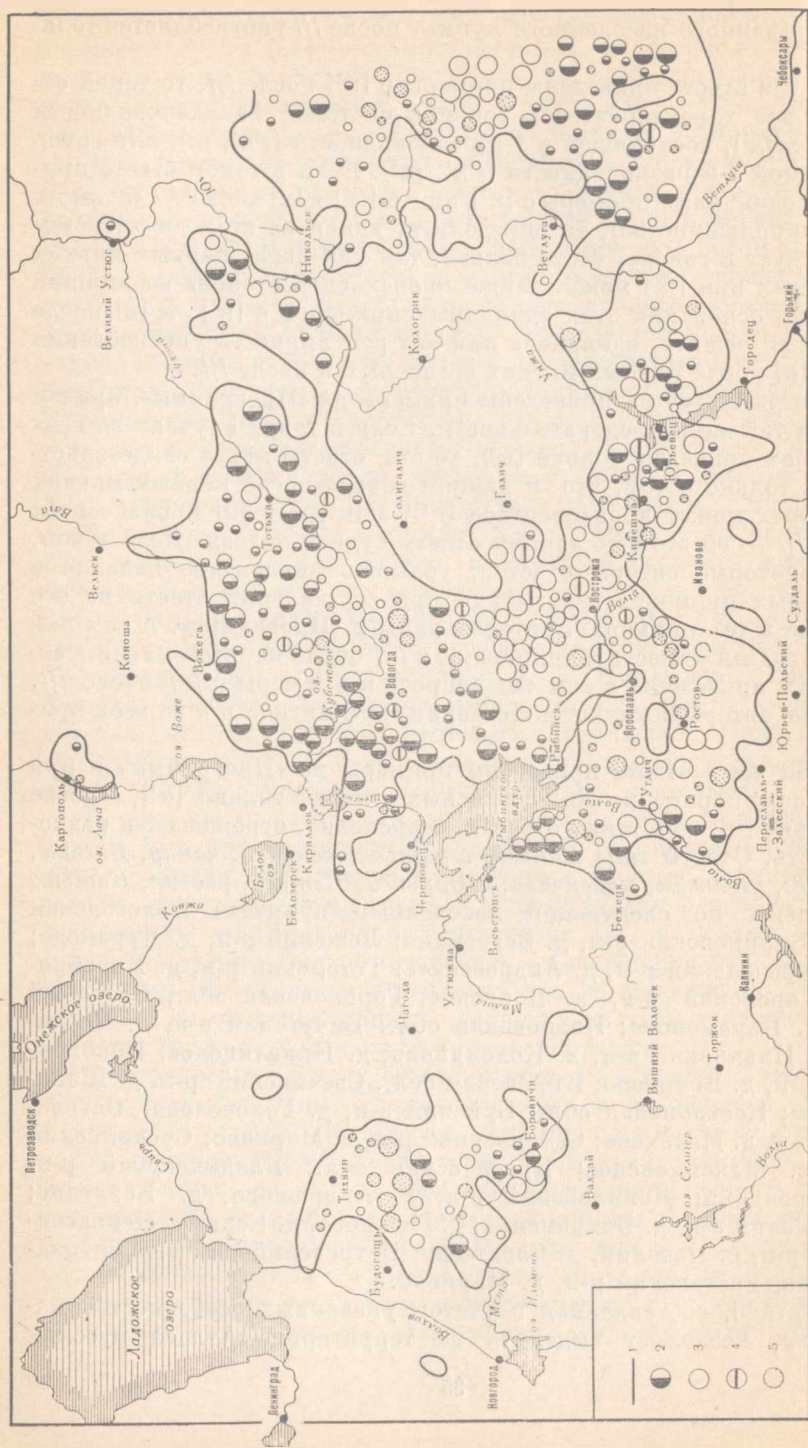
в говоре данного населенного пункта после /j/ употребляется только [к].

Если в ответе приведены примеры с [к'] после /j/, то такой ответ может характеризовать говор с системой 1а разновидности (*t'к', jк, jк'*), восходящей к 1-й разновидности (*t'к', jк*), или говор с системой 2-й разновидности (*t'к', jк'*). Если в таком ответе приведены единичные примеры с [к'] или с [к'] и [к] после /j/ (а таких ответов большинство), то определить, какая из этих двух систем существует в говоре, часто нельзя, так как после парных мягких согласных при [к'] может также произноситься вновь возникший [к], а на основании этих единичных примеров с [к'] и [к] после /j/ нельзя решить, одинакова или нет регулярность употребления [к'] и [к] после парных мягких согласных и после /j/.

Иногда в ответах приведены примеры из «Программы», причем часто в той же последовательности. Если в таких случаях во всех примерах приведен только [к'], то эти ответы могут свидетельствовать только о том, что в данном говоре после парных мягких согласных может произноситься [к'], а [к'] или [к] произносится после /j/ — об этом по такому ответу судить нельзя. Дело в том, что некоторые авторы ответов, услышав диалектное явление в некоторых примерах, указывали при составлении ответа на это явление в тех примерах, которые даны в «Программе». А так как в «Программе» вместе с примерами с /к/ после парных мягких согласных приведены в том же вопросе и примеры с /к/ после /j/, то такие авторы механически ставили знак мягкости *к* во всех примерах.

Если же в ответе приведены примеры из «Программы» и при этом после парных мягких согласных отмечен только [к'], а после /j/ только [к], то в таких ответах, безусловно, отражена 1-я разновидность. Ответы типа *Ванька, с уголькя, копейка, чайку, Васью, уголькёв, уголькём, маленькая, с Варькёй, Петькя, редькя, Катькю* приведены по следующим населенным пунктам: Вологодская обл.: Биряковский р-н, д. Загоскино; Лежский р-н, д. Дураково; Междуреченский р-н, д. Андреевское; Тотемский р-н, д. Хороброво; Харовский р-н, д. Боярское; Горьковская обл., Залесный р-н, д. Парамово; Ивановская обл.: Вичугский р-н, д. Чертовищи; Ильинский р-н, д. Колокуново, д. Никитинское; Наволокский р-н, д. Есиплево; Кировская обл., Свечинский р-н, д. Шалаиновы; Костромская обл.: Буйский р-н, д. Голочелово; Островский р-н, д. Мелехово; Семеновский р-н, д. Марково; Сусанинский р-н, с. Максимовское; Ярославская обл.: Владыченский р-н, д. Берендяки; Даниловский р-н, д. Андрюково, д. Бохатино; Любимский р-н, д. Вахрамейка, д. Гиганово, д. Ескино; Некрасовский р-н, с. Печелки, д. Саватеево; Петровский р-н, д. Дмитриановское; Ростовский р-н, д. Марково.

Карта 6, составленная с учетом указанных особенностей материала, позволяет выделить на территории «Атласа русских

Карта 6. [к'] и [к] после парных мягких согласных и [л]

1 — [к'] после парных мягких согласных; 2 — [к'] после [л]; 3 — [к] после [л]; 4 — единичные [к'] при массовом [к] после [л];

5 — нет примеров с [к'] и/или [к] после [л]. Размер круга означает степень достоверности материала, на основании которого поставлен знак

говоров центральных областей к северу от Москвы» преимущественное распространение говоров с 1-й разновидностью (*t'к'*, *jk*) и распространение говоров со 2-й разновидностью (*t'к'*, *jk'*). 1-я разновидность преобладает на территории всей Ярославской обл., кроме ее крайнего запада и северо-запада, на юго-западе Костромской обл., в ряде районов Ивановской и Горьковской областей, в Арбажском, Котельническом и Свечинском районах Кировской обл., в южной части Харовского, восточной части Сокольского, в центральной и северной части Биряковского и в Междуреченском районах Вологодской обл., в ряде районов Ленинградской и Новгородской областей. 2-я разновидность отмечена в большей части говоров следующих районов Вологодской обл.: Вологодского, Чебсарского, Пришекснинского, Кубено-Озерского, Усть-Кубинского, Сямженского, в части Харовского, Вожегодского Тотемского, Бабушкинского, Рослятинского и Кичменгско-Городецкого; в Тужинском, Яранском, Кикнурском, Санчурском, Шарангском районах Кировской обл., в ряде районов Горьковской обл., в Кинешемском и Лухском районах Ивановской обл., в Брейтовском, Масловском, Некоузском, Мышкинском, Рыбинском, Арефинском, Пошехоно-Володарском, Владыченском, Первомайском районах Ярославской обл., в ряде районов Новгородской обл.

* * *

Итак, в современных русских говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], мягкий [к'] перед этимологической гласной фонемой непереднего ряда отмечается в общем после всех существующих в русском языке в этой позиции согласных, как мягких в настоящее время или в прошлом, так и твердых в настоящее время или в прошлом. Однако после одних согласных употребление [к'] закономерно для говора и отмечается в большом количестве примеров, тогда как после других согласных употребление [к'] встречается только в редких случаях. Такая разница в употреблении [к'] после разных согласных, безусловно, свидетельствует о различии в путях появления и дальнейшей истории [к'] после разных согласных.

После парных мягких согласных [к'] отмечается во всех говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]. После остальных согласных [к'] отмечается только в части говоров, знающих [к'] после парных мягких согласных. Употребительность [к'] после этих остальных согласных неодинакова. Можно выделить с этой точки зрения согласные двух типов. После одних согласных [к'] встречается всегда только в единичных случаях при обычном [к] — это парные твердые согласные и $\left[\begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right]$. После других согласных: /j/, /ч/ или при цоканье /ц/ — про-

произношение [к'] отмечается как закономерное только на определенных территориях, а на других территориях если [к'] и встречается после этих согласных, то только в единичных случаях

6

Некоторые исследователи пишут о том, что в русских говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], существует определенная зависимость произношения [к'] и от того, после какого именно мягкого согласного он стоит. Так, Н. П. Гринкова отмечает, что в воронежских диалектах особенно широко представлены примеры на палатализацию после ч и й, реже — после палатальных согласных. В последнем варианте наиболее часто встречается палатализация к после н; следующим палатализирующим звуком является л, далее р. В редких случаях отмечена палатализация после переднеязычных с, д и т. Таким образом, говоря о палатализации к после мягкого согласного, следует подчеркнуть, что таковая по преимуществу имеет место после соноров [61, 216]. К такому же примерно выводу приходит и Р. А. Юналиева: «Собранный материал показывает, что смягчение «к» распространено наиболее широко после мягких аффрикат «ц'» (ц') и «ч'», после сонорного «н'» и йот, реже — после «л'». Случаи смягчения «к» после других согласных спорадичны» [219, 131]. Отдельные формулировки Д. К. Зеленина также наталкивают на вывод, что в некоторых говорах произношение [к'] наблюдается после одних парных мягких согласных и не наблюдается после других парных мягких согласных. Так, например, о говоре прихода с. Шулец Ростовского у. Ярославской губ. он пишет: «М. к отмечено только в случаях после нь: холодненькё и т. п., и после ть: титькя» [72, 445].

Ответы на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» дают примерно такое же количественное соотношение примеров с [к'] после разных парных мягких согласных и /j/, какое указывает Н. П. Гринкова. Отличие существует только для ряда севернорусских говоров, где примеры с [к'] после /j/ встречаются реже, чем примеры с [к'] после других мягких сонорных согласных.

Однако только такая констатация разницы в количественном соотношении примеров с [к'] после разных мягких согласных еще ни о чем не говорит. Больше того, она может привести к неверным выводам о том, что произношение [к'] более последовательно после одних парных мягких согласных и менее последовательно после других парных мягких согласных. Для того чтобы можно было сделать какие-то выводы на основании этой количественной разницы, необходимо сопоставить примеры с [к'] с примерами, где после соответствующих мягких согласных в этом же говоре произносится [к] твердый. Однако такое сопоставление не производилось. Надо сказать, что оно и не могло производиться. Дело в том,

что и Д. К. Зеленин, и Н. П. Гринкова по преимуществу пользовались мужскими описаниями говоров. Авторы этих описаний не ставили своей задачей привести все примеры произношения в говоре [к] или [к'] после мягких согласных; чаще всего они ограничивались только тем, что приводили несколько примеров с [к']³⁰. Это же надо сказать и о большинстве ответов на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка».

То, что примеров с [к'] после одних мягких согласных встречается в говорах больше, чем примеров с [к'] после других мягких согласных, объясняется в большинстве случаев, очевидно, разным количеством слов с этими сочетаниями и разной их употребительностью. Так, в «Обратном словаре современного русского языка» Г. Г. Бильфельдта [25] приведено следующее количество примеров:

Существительные

на -чка — 480	на-чок (род. п. ед. ч.-чка) — 89
» -йка — 219	» -ёк (» » » » -йка) — 15
» -нька — 60	» -нёк (» » » » -нька) — 15
» -лька — 51	» -лёк (» » » » -лька) — 15
» -рька — 4	» -рёк (» » » » -рька) — 6
» -тька — 4	» -зёк (» » » » -зья) — 1
» -ська — 3	» -сёк (» » » » -ська) — 1
» -дька — 2	» -тёк (» » » » -тька) — 1
» -зья — 1	
	на-чко — 23
	» -йко — 1
	» -рько — 1

Прилагательные Наречия

на -нький — 103	на-нько — 23
» -йкий — 11	» -лько — 8
» -чий — 1	» -чко — 7
» -рький — 1	

Уже из этого сопоставления видно, насколько больше в русском языке слов, где /к/ стоит после /ч, ј, н', л'/, по сравнению с теми, где /к/ стоит после других парных мягких согласных. Разница эта, пожалуй, не намного изменится и при поправках к обратному словарю с учетом слов, не отмеченных там и встречающихся в русских говорах, и слов книжных, отмеченных в обратном

³⁰ Так, например, П. Соколов, на сообщение которого ссылается Д. К. Зеленин при описании говора с. Шулец, пишет только следующее: «Нередко а переходит в соответствующую мягкую я, например: *Петинья* вместо *Петинька*; *титья* вместо *титька*; *хорошенька* вместо *хорошенькая*» [173, 7].

словаре и не встречающихся в русских говорах, а также при учете разной употребительности слов с сочетанием «мягкий согласный + к». Таким образом, большее количество примеров с [к'] после /н', л'/ по сравнению с [к'] после других парных мягких согласных связано с большим количеством слов в русском языке с этими сочетаниями. Сочетание /jk/ встречается в русских говорах не менее часто, чем /н'к/, /л'к/. Этим и объясняется большое количество примеров с [к'] после /j/ в описаниях южнорусских говоров, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]. Меньшее количество примеров с [к'] после /j/ в ряде севернорусских и оказующих среднерусских говоров объясняется, очевидно, тем, что там [к'] после /j/ возникает нефонетическим путем.

Результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [г, γ, х]

1

В русских говорах после мягких согласных известно произношение и других, кроме [к'], мягких задненебных согласных на месте этимологических твердых: *Оль[г']я, день[г']ям, сверь[х']ю* и т. п. Д. К. Зеленин указывал, что кроме [к'] «смягчение других задненебных встречается несколько реже», и считал, что это, «конечно, только потому, что меньше встречается слов с требуемым для него сочетанием звуков» [72, 12]. Действительно, при том, что в русском языке слов с /к/ после мягких согласных очень много, /г/ и /х/ после мягких согласных могут стоять только в нескольких словах: *Ольга, деньга, серьга, шаньга, вольготно, пустельга, сельга, кочерьга, четверьга, зерьгало, дерьгать, тайга; сверьху, ольха* и родственных им, а также в некоторых словах, имеющих очень узкое распространение, в частности в топонимах на-*ньга* (Кичменьга, Нореньга, Яхреньга и т. п.). Из всех этих слов только одно — *деньги* известно всем русским говорам. Другие либо распространены не везде (например, *пустельга, шаньга, сельга, тайга, ольха* могут отсутствовать вместе с соответствующими понятиями; вместо *кочерьга* могут употребляться *клюка, крюк*), либо выступают в такой разновидности, где /г, х/ оказываются после твердого согласного или гласного (например, *четверг, кочерга, дергать, сверху* или *четверег, елоха* и др.) или где вместо /г, х/ отмечены другие фонемы (например, *зерькало, Оля, ольшина*).

В начале XX в. сведений о распространении произношения [г' (γ'), х'] после мягких согласных было слишком мало, однако и они дали возможность Д. К. Зеленину написать: «Формы вроде *верхём...* обычнее именно в северновеликорусских говорах» [72, 213]. Однако при этом Д. К. Зеленин не разделял сомнений Е. Ф. Будде в реальности примера *качя^ерь^я*, услышанного

Е. Ф. Будде в Рязанской губ. [72, 12, 320]. Между тем Е. Ф. Будде, указав на широкую распространенность в рязанских говорах [к'] после мягких согласных и на то, что «звук *г* не поддается в таком положении влиянию предыдущего слога или звука», не придал, как писал Е. Ф. Будде, «значения единичному примеру» «ввиду того, что это же слово в других местностях мы слышали с твердым звуком *h* — каче^урь^hа, — а также ввиду возможности легко ошибиться при определении качества звука по слуху... тем более, что в других словах, напр., «сирь^hа» (=серьга) и проч. ясно слышится твердый звук *h*» [37, 225—226].

Кроме наблюдения Е. Ф. Будде, произношение *г'* после мягкого согласного в материалах, использованных Д. К. Зелениным, отмечено в десяти описаниях севернорусских говоров³¹ и двух описаниях говоров южнорусских³². Произношение *х'* отмечено в 23 описаниях севернорусских и среднерусских говоров (в том числе в 4 наряду с *г'*)³³ и в 4 южнорусских (в том числе в одном наряду с *г'*)³⁴. Среди пяти случаев с *г'* и *х'*, отмеченных в южнорусских говорах, один отмечен в с. Салтыки Орловского у. Орловской губ., говор которого Д. К. Зеленин считает севернорусским по происхождению [72, 212, 213]. Произношение *на верху* в Богородицком у. Тульской губ. сообщает, по словам Д. К. Зеленина, «автор плохого ответа... Богородицкий уездный воинский начальник» [290—291]. В ответе на программу МДК в с. Шахово Лесковской вол. Корочанского у. Курской губ., наряду с *г'*, *х'*, отмечено также *к'* после /ч/: *дочья*, *уточья* и т. п. [72, 133, 134; см. также 159, 51]. В материалах «Атласа русских говоров юго-западных областей» есть ответ по с. Лески. В этом населенном пункте, как и в окружающих, в настоящее время произносятся [ш'] на месте этимологического ч', после которого закономерен [к]; не отмечено здесь также и произношения [г'(γ'), х']. Таким образом, в этих трех случаях произношение [г'(γ'), х'] либо сомнительно, либо не является местной особенностью.

На то, что при произношении [к'] после мягких согласных в южнорусских говорах совершенно отсутствует смягчение других задненебных согласных, указывали, кроме Е. Ф. Будде, и другие диалектологи³⁵. Материалы, собранные для атласов русских говоров, также с полной очевидностью показали, что, кроме [к'], другие мягкие задненебные после мягких согласных отмечаются почти исключительно в севернорусских и среднерусских говорах и чрезвычайно редки на южнорусской территории, где они связаны преимущественно с переселенческими говорами.

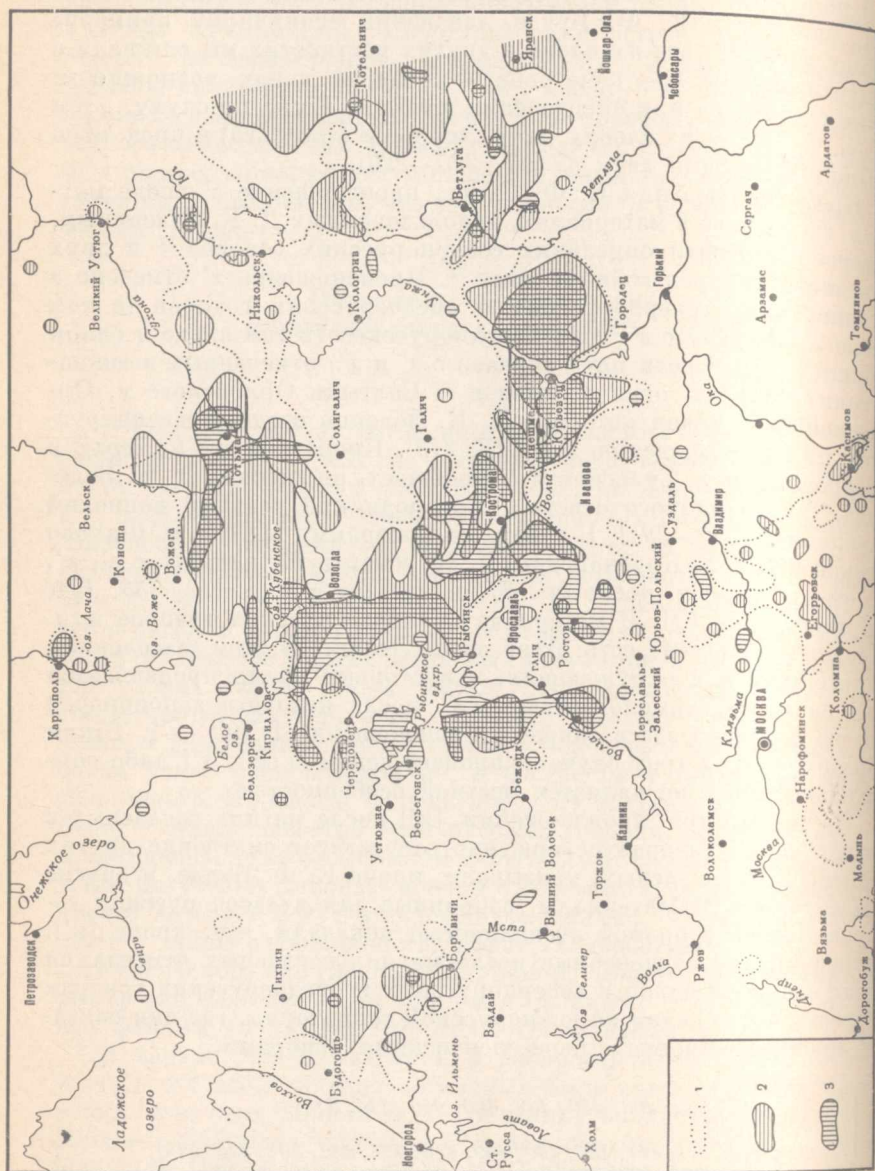
³¹ [72, 363, 392, 395, 406, 430, 432, 450, 456, 514, 515].

³² [72, 134, 526].

³³ [72, 420, 429, 431, 447, 457, 460, 469, 470, 472, 481, 508, 515, 519].

³⁴ [72, 134, 136, 212, 291].

³⁵ См., например: А. В. М и р т о в [124, 41—43], С. И. К о т к о в [94, 56], [96, 129].

Так, в «Атласе русских говоров юго-западных областей РСФСР» [к'] после мягких согласных отмечен в 410 населенных пунктах, а [γ' (г')] и/или [х'] — в 20; в «Атласе русских говоров центральных областей к западу от Москвы» [к'] отмечен на южнорусской территории в 125 населенных пунктах, а [γ' (г')] и/или [х'] — в 8. Примерно такое же соотношение [к'] и [γ' (г'), х'] в южнорусских говорах на территории «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». В «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы» соотношение это иное: [к'] отмечен в 584, а [г'] и/или [х'] — в 410 населенных пунктах, из которых [г'] и [х'] — в 135, только [г'] — в 230, только [х'] — в 45 населенных пунктах.

Произношение [г'] после мягких согласных отмечено в севернорусских говорах в большем количестве населенных пунктов, чем произношение [х']. Объясняется это, очевидно, главным образом отсутствием во многих современных говорах слов с /х/ после мягкого согласного. Как указывалось, /х/ после мягкого согласного может быть в словах с корнем *-верьх-* (*сверху, верхом, поверьху* и т. п.) и *-ольх-* (*ольха, ольховый* и т. п.). Однако во многих говорах употребляется слово *елоха* или *ольшина* вместо *ольха*, широко распространено также слово *верех* (со вторым полногласием), часто в словах с корнем *-верх-* произносится [р] твердый. Возможно, изменение [p'] > [p] в словах с этим корнем вызывало и замену следующего [х'] на [х].

В ряде ответов на «Программу», в том числе и составленных опытными диалектологами, приводятся примеры типа *чет'верг'а, св'эрх'у*, где, несмотря на произношение твердого [p], следующий задненебный сохраняет мягкое произношение.

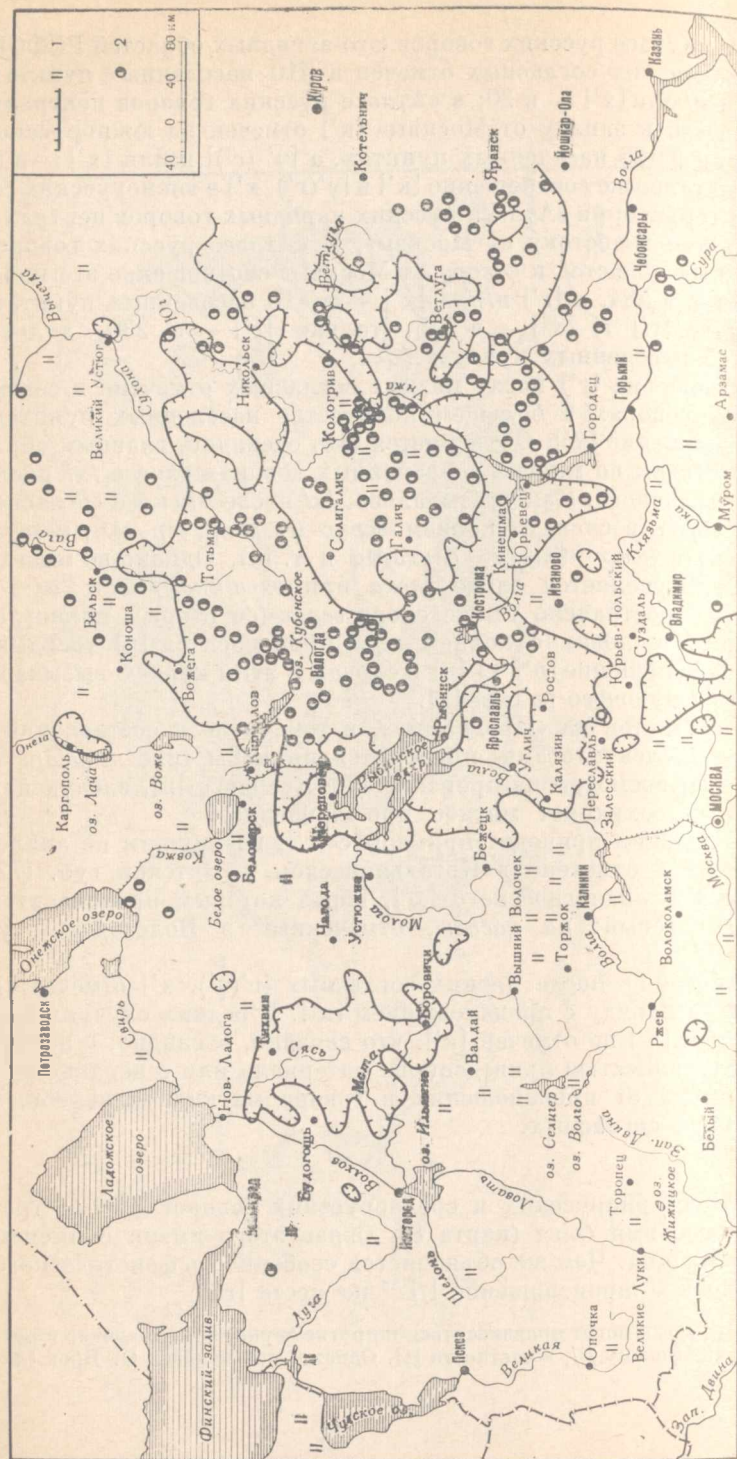
Д. К. Зеленин приводит примеры с [г'], возникшим по аналогии: *надолгѣ* — отмечено в Котельническом у. Вятской губ. [72, 13], и пример аналогического [х'], перед которым произносится мягкий согласный: *на пѣсьхю*, отмеченный в Вологодском у. [429].

Произношение после мягких согласных [г' (γ'), х'] отмечается почти всегда наряду с произношением [к']. В редких случаях при [г' (γ')] и/или [х'] не отмечен [к'], что связано, очевидно, с неполнотой и случайностью приведенного материала или с неравномерностью отхода от произношения в говоре мягких задненебных после мягких согласных.

2

В ряде севернорусских и среднерусских говоров распространено женское имя *Ольа* (карта 8). Связь этого имени с именем *Ольга* несомненна. Чем же объясняется особенность фонетического облика слова — произношение [j] ³⁸ на месте [г]?

³⁸ Кроме [j], здесь могут произноситься и другие звуки, воплощающие в русском языке фонему /j/, в частности [i]. Однако, как показал О. Брок [на-

Карта 8. Распространение имени Оля
 1 — [и, г, х] после мягких согласных; 2 — Оля

А. А. Шахматов [215, 583], а затем и Д. К. Зеленин [72, 15] связывали произношение *Оль[j]я* с прогрессивным ассимилятивным смягчением задненебных согласных, хотя и не объясняли никак своей точки зрения³⁷. В комментарии к карте 57 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» указывается, что в слове *Оль'яа*, отмеченном «в говорах со взрывным образованием г... звук й нельзя рассматривать как результат фонетического изменения мягкого г» [17, 592]. Действительно, в севернорусских и среднерусских окающих говорах прогрессивное ассимилятивное смягчение звонкого задненебного дает обычно [г']: *день[г']ям, кочерь[г']я, четверь[г']я, серь[г']я* и т. п. и только в слове *Ольга* возможно *Оль[г']я* и *Оль[j]я*. Поэтому можно предполагать, что [j] в слове *Оль[j]я* возник либо в результате нефонетической замены /г/ на /j/, либо в результате фонетического изменения в [j] звука, отличного от [г]. В соответствии с первой точкой зрения [j] может объясняться, например, обобщением форманта /-ja/ в женских именах (ср.: *Авдотья, Аксинья, Дарья, Марья, Настасья* и др.) и перенесением его на имя *Ольга*. При таком объяснении замена /-га/ в этом имени на /-ja/ никак не может быть связана с прогрессивным ассимилятивным смягчением задненебных согласных. Однако в этом случае остается неясным, почему указанная «генерализация» форманта /-ja/ произошла только на данной территории и отсутствует на других территориях. Вторая же точка зрения, связанная с предположением А. А. Шахматова и Д. К. Зеленина, объясняет близость изоглоссы произношения *Оль[j]я* к изоглоссе результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к, г, х] и поэтому имеет гораздо больше оснований.

Приняв предположение А. А. Шахматова и Д. К. Зеленина, мы, таким образом, неизбежно должны сделать следующий вывод: в период, когда прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных было живым фонетическим процессом, задненебный в слове *Ольга* по крайней мере в части севернорусских и среднерусских говоров отличался от звонкого задненебного в словах *деньгам, кочерьга, четверьга, серьга* и т. п. Отличался он, конечно, и от [к, х], которые при смягчении давали [к', х'].

Кроме [г, к, х], в русских говорах и литературном языке употребляется еще четвертый задненебный: звонкий фрикативный [γ]. Известно, что на месте этого [γ] в ряде русских говоров

пример, 33, 134], в русском языке не существует четкого разграничения этих звуков. Поэтому разницей между ними при рассмотрении данного вопроса можно пренебречь.

³⁷ Сопоставление ареалов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных и произношения *Оль[j]я* стало возможным только в результате картографирования материалов, собранных для «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы», так как раньше для такого сопоставления не хватало сведений о распространении обоих этих явлений, главным образом сведений о произношении *Оль[j]я*.

произносится [j] в тех позициях, где твердым согласным соответствуют парные мягкие ³⁸. Следовательно, [ɣ] и [j] в таких говорах связаны как члены фонетического чередования.

Таким образом, одним из вопросов, требующих рассмотрения, является следующий: мог ли в слове *Ольга* произноситься в севернорусских говорах звонкий фрикативный [ɣ]. Положительное решение этого вопроса дает, по всей очевидности, достаточно оснований для ответа на вопрос о происхождении [j] в слове *Оль[j]я* в говорах, знавших некогда прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных.

1. О. Звуки [ɣ] и [ɣ] известны всем говорам русского языка, как и звуки [к, х]. Так, например, в русских говорах произносится звук [ɣ] на месте /х/ перед звонким согласным: *засо[ɣ]-бы*, *сме[ɣ]-же*, а звук [ɣ] на месте /к/ в этой же позиции: *стари[ɣ]-был*, *вымо[ɣ]-же*. Однако [ɣ] и [ɣ] могут быть и в сильной позиции, где их звонкость, а также взрывность [ɣ] и фрикативность [ɣ] не обусловлены окружением.

Произношение [ɣ] или [ɣ] в сильной позиции считается одной из важнейших черт, по которым выделяются севернорусское и южнорусское наречия. Так, Р. И. Аванесов указывает, что «в с-в-р наречии фонема *г* имеет взрывное образование... Напротив, ю-в-р наречию свойственно фрикативное образование этой фонемы (ɣ)» ³⁹. «Взрывность-фрикативность этой фонемы, — пишет Р. И. Аванесов в другой работе ⁴⁰, — не есть дифференциальный признак, так как в говорах, имеющих /г/, отсутствует /ɣ/, а в говорах, имеющих /ɣ/, отсутствует /г/. Поэтому здесь с полным основанием можно говорить о разнодиалектных формах одной и той же фонемы общей системы языка, языка как целого (фонемы «г»)).

Целый ряд фактов, однако, свидетельствует о том, что в говорах может быть две «звонких» «задненебных» фонемы — /г/ и /ɣ/. Прежде чем рассматривать эти факты, обратимся к рассмотрению вопроса о [ɣ] и [ɣ] в литературном языке.

1.1.1. В описаниях фонологической системы русского литературного языка также обычно указывается на наличие внепарной по «взрывности ∞ фрикативности» («непрерывности ∞ прерывности») фонемы /г/, воплощенной в сильной позиции в звуке [ɣ]. Действительно, в большинстве морф русского литературного языка «звонкая» «задненебная» фонема воплощается в сильной позиции в звуке [ɣ]. Однако есть и такие морфы, в которых в сильной позиции произносится [ɣ]. Так, [ɣ] возможен в междометии *господи*, в существительных *господь*, *бога* (и других косв. падежах),

³⁸ См.: Р. И. Аванесов [8], где автор подводит итог спорам, которые велись между крупнейшими русскими лингвистами по поводу качества задненебного фрикативного звонкого мягкого согласного.

³⁹ Р. И. Аванесов [10, 136—137]; ср. также: П. С. Кузнецов [105, 142, 148].

⁴⁰ См.: [47, 39].

благо, прилагательном *богатый* и производных от них. Кроме того, [ʏ] наряду с [ɣ] может произноситься в наречиях на *-гда*: *когда, тогда, всегда, иногда* и производных от них⁴¹. Произношение [ʏ] в этих словах вытесняется произношением [ɣ]; есть два слоя говорящих на русском литературном языке: одни произносят регулярно [ʏ] во всех этих словах или только в некоторых из них, другие во всех этих словах произносят только [ɣ]⁴².

Рассматривая тип произношения указанных слов с [ʏ], Р. И. Аванесов считает возможным говорить о фонеме /ʏ/, «если признать эти факты входящими в состав современного русского литературного произношения» [13, 144]. Однако есть несколько слов, которые в литературном языке произносятся только с фрикативным звуком: *бухгалтер, ага, ого, эге, гоп*⁴³. Звук [ʏ] в этих словах, находясь в сильной позиции, может воплощать только фонему /ʏ/, отличную от других «заднеязычных» фонем⁴⁴.

1.1.2. Произношение в литературном языке [ʏ] в одних словах наряду с [ɣ] в других отмечалось еще в середине XVIII в. Тредьяковским, Ломоносовым, Сумароковым⁴⁵. Говоря о наличии [ʏ] и [ɣ] в литературном языке той эпохи, Д. Н. Ушаков признает, что «произношение ʏ вместо ɣ захватывало еще в половине XVIII века громадное количество слов» [192, 238]. С его мнением совпадает мнение А. А. Шахматова о том, что «в старших периодах» слов с фрикативным звонким «было несомненно больше; и в конце слышалось *х*, не *к*, в языке образованных лиц: *нобох, сабох, друх*» [218, 242]⁴⁶.

⁴¹ Р. И. Аванесов [13, 144]; [157].

⁴² Д. Н. Ушаков [192, 238—240]; Р. И. Аванесов [12, 56].

⁴³ То, что этот фрикативный звук в последних четырех словах иногда описывают как заднеязычный (см. [157, 682]), а иногда как фарингальный (см. [12, 56]), не меняет, вопреки мнению Д. Уорда [191, 30], существа дела, так как разница между заднеязычным и фарингальным его образованием не имеет фонологического значения (ср.: Н. С. Трубецкой [188, 268]), тогда как фрикативность его, воплощая признак дифференциальный, фонологически существенна.

⁴⁴ На основании слова *бугалт'ер* признает наличие в литературном языке особой фонемы /ʏ/ и Д. Уорд [191, 30—31]. А. А. Реформатский считает, что «фрикативный [ʏ] мог бы быть фонемой только в том случае, если бы [ɣ] и [ʏ], встречаясь в той же позиции, различали слова; в действительности же тот, кто произносит [блʏа́тэ] *богатый*, не произносит [блга́ты] и наоборот (или же произносит безразлично то одно, то другое без смысловой дифференциации)» [153, 10]. См. критику Л. Р. Зиндером подобного взгляда. «Согласно которому для возникновения фонемного противопоставления необходимо и достаточно существование хотя бы одной минимальной пары» [75, 28—29].

⁴⁵ См.: [184, 380—381, 405]; [110, 426—427, 634, 688—689]; [181, 44, 48—49].

⁴⁶ Ср. также анализ языка писем и бумаг Петра I В. А. Богородицким и К. В. Горшковой. В языке Петра I, который родился в Москве, провел детство и юность в Москве и ее окрестностях в окружении людей московских не только среднего, но и низшего класса, по словам В. А. Богородицкого, «согласный ɣ имел спира́нтное (придувное) произношение и в конце слов сменялся на *х*: *Бохъ, денехъ*» [28, 5]; Р. В. Горшкова отмечает,

Ученые XIX в. также говорят о наличии [ɣ] наряду с [г] в литературном языке их времени. Много внимания, в частности, этому различию уделяет Я. К. Грот. В своих работах он неоднократно указывает на существование четырех задненебных звуковых единиц: к — г — х — ɣ (так Я. К. Грот обозначает звонкий фриктивный задненебный звук) [63, 479, 482, 487, 504, 507]. Я. К. Грот приводит примеры того, как многие ученые, исследовавшие русское правописание и видевшие недостатки русского алфавита, в частности в том, что буква г обозначает две звуковые единицы, пытались ввести в алфавит еще одну букву, чтобы снять это несоответствие [63, 511, 643, 669].

Все это является свидетельством того, что в русском литературном языке еще в XVII в. наряду с фонемой /г/ существовала фонема /ɣ/. Изменения в литературном языке позднейших эпох вплоть до настоящего времени не привели к утрате фонемы /ɣ/, хотя и очень сильно изменили ее частотность. Так, если в XVIII в. фонема /ɣ/ отмечается в довольно большом количестве слов, то со временем происходит перераспределение между сферами употребления /г/ и /ɣ/: фонема /ɣ/ постепенно вытесняется фонемой /г/.⁴⁷

1.2. В современных севернорусских и среднерусских говорах, так же как и в литературном языке, существует наряду с [г] и произношение [ɣ] в сильной позиции. Такой [ɣ] отмечается в этих говорах чаще всего: 1) в словах *господи, господь, господин, государь, бога, богатый, убогая, благо* и в производных от них; 2) в звукоподражательных словах и словах эмоционального характера типа *гоготать, горгопать, реготать, гукать, гукать*; 3) в окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и местоимений *-ого (красного, того...)*⁴⁸.

Произношение [ɣ] в словах первой и второй групп, распространенное по всей территории севернорусского наречия, свидетельствует о наличии в этих словах фонемы /ɣ/.

Произношение [ɣ] в морфе *-ого*, известное ряду севернорусских говоров, в части этих говоров может быть позиционно обусловленным: в таких говорах в соответствии с [г], произносящимся не между гласными, в позиции между гласными произносится [ɣ] (*но[ɣ]а, на-[ɣ]олову, стро[ɣ]о, кру[ɣ]ом* и т. п.)⁴⁹. Будучи

что «на конце слова в соответствии со звонким взрывным согласным г, звучащим перед гласным, наблюдается как звук глухой взрывной к, так и еще чаще звук глухой фриктивный — х» [56, 114].

⁴⁷ Говоря об употреблении [ɣ] в некоторых словах в современном русском литературном языке, Д. Н. Ушаков пишет: «Мои наблюдения показывают, что перед нами последние остатки разрушающейся и почти разрушившейся традиции» [192, 238].

⁴⁸ Р. И. Аванесов [10, 137—138]; П. С. Кузнецов [105, 73]; [156, 72].

⁴⁹ Там же; см. также: З. К. Плотникова [145, 287 и след.].

позиционно обусловленным, [ɣ] в этом случае не воплощает собой «задненебной» «звонкой» «фрикативной» фонемы, а вместе с [ɣ] воплощает «задненебную» «звонкую» фонему, не обладающую дифферензором «взрывность ∞ фрикативность». При отсутствии такой обусловленности (т. е. при произношении *красно*[ɣ]о, *то*[ɣ]о и т. п., но *но*[ɣ]а, *стро*[ɣ]о и т. п.) [ɣ] в морфе -оуо воплощает фонему /ɣ/.

Итак, ряд слов (морф) в севернорусских и среднерусских говорах может произноситься с [ɣ]. Находясь в сильной позиции, этот [ɣ] воплощает фонему /ɣ/. Слова эти воспринимаются носителями говора как свои, не заимствованные. Колебания в речи одного и того же лица в произношении [ɣ] или [ɣ] (если эти колебания есть) обусловлены, как правило, вытеснением обычного произношения [ɣ] в этих словах новым произношением [ɣ].

2.1. Когда же в русских говорах возникает фонема /ɣ/? Вопрос этот связан с интересовавшим многих лингвистов вопросом о происхождении /ɣ/ и в других славянских языках ⁵⁰.

Большинство исследователей говорит о наличии в праславянском языке и отдельных славянских языках одной звонкой задненебной: либо *g*, либо *ɣ(h)*. Более столетия тому назад О. Бётлинг высказал предположение о том, что в праславянском языке звонкая задненебная была фрикативной согласной [24, 76]. Впоследствии аналогичную точку зрения высказал Л. Новак, считавший, что это *ɣ* в некоторых славянских языках изменилось во взрывное *g*, а в других либо осталось без изменений, либо изменилось в *h* [130, 109—110]. Однако большинство лингвистов склонно считать, что в праславянском языке более древним было *g*, из которого впоследствии развилось *ɣ*, в свою очередь изменившееся в ряде языков в *h*. Одни из этих лингвистов считают, что изменение *g* > *ɣ* происходило еще в общеславянский период и характеризовало некоторые диалекты праславянского языка ⁵¹, другие это изменение относят к более позднему периоду самостоятельного развития отдельных славянских языков после их выделения из праславянского ⁵². Что касается русских говоров, то их противопоставление по качеству звонкой задненебной согласной восходит, очевидно, к эпохе до XI в., когда на всем юге древнерусской территории произошло изменение *g* > *ɣ* (с последующим изменением *ɣ* > *h* на юго-западе и западе этой территории) ⁵³.

⁵⁰ Довольно полное изложение взглядов по этому вопросу см. в статье Р. Крайновича [98], а также в книге С. Б. Бернштейна [23, 292—297].

⁵¹ См., например: Е. Ф. Б уд д е [39, 171]; Н. С. Т р у б е ц к о й [186, 292]; [188, 270].

⁵² См., например: А. И. С о б о л е в с к и й [170, 124]; А. М. С е л и щ е в [165, 35—36]; Р. Н а х т и г а л [129, 219—220].

⁵³ См., например: Т. L e h r-S p ł a w i ŋ s k i [109, 57—58]; Р. И. А в а н е с о в [4, 44—46].

По мнению же некоторых ученых, в праславянском языке существовали две звонкие заднеязычные: *g* и *γ* (*h*). Впоследствии они могли совпасть в одной из них, а могли сохранить различие ⁵⁴.

2.2. «В древнерусском языке, — писал А. А. Шахматов, — так же как в совр. русском языке, различаются следующие три группы говоров: во-первых, группа, сохранившая *g* и *h*; во-вторых, группа, сохранившая *g*, но изменившая *h* в *g*; в-третьих, группа, изменившая и *g* и *h* в *γ*. В составе первых двух групп видим севернорусские говоры, в составе третьей группы говоры восточнорусские и южнорусские (современные южновеликорусские, белорусские и малорусские). В первой из этих групп исконное *h* или исчезло совсем, или заменилось звуком *γ*, или, наконец, заменилось звуком *v*» [217, 295]. Говоря о *γ* (*h*), А. А. Шахматов имел в виду прежде всего произношение морфы -оуо (р. п. ед. ч. м. и ср. родов прилагательных и местоимений). Существует две точки зрения относительно происхождения этого *γ* ⁵⁵. Согласно одной из них, *γ* в -оуо восходит еще к праславянскому языку ⁵⁶. Согласно другой точке зрения, *γ* в -оуо возникает в севернорусских говорах в результате фонетического ослабления *g* (*g* взрывного ⁵⁷, этот процесс может быть датирован древнерусской эпохой, так как в памятниках XV в. отмечаются уже примеры написания *o* в этом окончании (-ово) ⁵⁸, а согласно указанной точке зрения, изменение происходило следующим образом: *ogo* > *oγo* > *oo* > *ovo*.

Кроме того, [*γ*] в севернорусских говорах древнерусского языка произносился, видимо, в словах типа *господь*, *господин*, *государь* и т. п. Свидетельством такого произношения считается пропуск буквы, обозначающей звонкий заднеязычный (написания типа *ωсподаръ*, *ωспожино*, *разнѣвасъ* вместо *господаръ*, *госпожино*, *разгнѣвасъ*), так как «пропустить легче *g* при фрикативном его произношении, чем при взрывном (в силу слабости артикуляции)» ⁵⁹. Такой пропуск буквы *g* отмечается уже в южнорусских памятниках XII в. и с XIV в. — в севернорусских ⁶⁰.

Свидетельством фрикативного произношения звонкого задне-

⁵⁴ См.: И. И. Срезневский [175, 147—148]; А. А. Шахматов [217, 35—36, 294—295].

⁵⁵ Подробнее о них см.: А. И. Толкачев [183, 235 и след.].

⁵⁶ См.: Ф. Ф. Фортунатов [196, 288—289]; А. А. Шахматов [217, 34—35, 294—295]; Н. Н. Дурново [65, 117].

⁵⁷ См.: Бодуэн де Куртене [29, 100—101]; А. И. Соболевский [170, 124—126]; N. van Wijk [43, 410—417]; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов [31, 236].

⁵⁸ А. И. Соболевский [170, 126].

⁵⁹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов [31, 89]. Ср. у Е. Ф. Будде: «Едва ли не следует признать звук *γ* рядом со звуком *g* еще в общерусскую эпоху во всех говорах, по крайней мере, для некоторых слов: почему, напр., теперь в северновеликорусских говорах... где исключительно мы слышим звук *g*, говорят рядом с этим: *ωспода*, с *ωсподами*, причем я иногда слышал оттенок звука *γ* в начале этих слов» [38, 182].

⁶⁰ А. И. Соболевский [170, 125—127].

небного в отдельных словах может служить также следующее. В некоторых говорах современного русского языка отмечено произношение [j] вместо [ʏ'] перед гласными переднего ряда⁶¹. В качестве «объективных данных, свидетельствующих о том, что на месте фонемы ʏ перед гласными переднего ряда может звучать по говорам j», Р. И. Аванесов, в частности, приводит примеры малограмотных записей из сочинений школьников: ошибки одного типа, где «можно отметить обозначение j вместо г»: *Турьнев, денъи, на дорои, иря*; другого типа, где «мы находим g вместо обозначения j»: *воробъги, воробги, братьги, гих, гим*. На основании этих примеров Р. И. Аванесов делает вывод: «Неразличение на письме ʏ' и j является показателем реального неразличения говорящими ʏ' и j перед гласными переднего ряда» [8, 39]. З. К. Плотникова указывает на то, что в ответе № 167 на диалектологическую Программу (д. Ольховица Кирилловского у. Новгородской губ.) автор употребляет букву g «в написании *гиль* (вместо ель), *гилы* (вместо бли) для передачи j, что понятно лишь при предположении произношения g как ʏ, напр., в слове *гйбель, гйбну* и т. п. Тот же прием для передачи начального j наблюдается напр. у школьников с. Падмозера (Заонежье): *кошка гимала мышей* — в говоре, где заведомо нет разницы между j в положении перед гласными переднего ряда и тем согласным, кот. слышится там в этом же положении на месте g взрывного» [145, 302].

Ошибки этих же двух типов мы находим и в древнерусских памятниках. Так, с одной стороны, встречаются написания *ана рѣина, кнеинка, аньелъ, у ѡваньѣлихъ* и т. п., а с другой стороны, написания *генварь, гета, алилугиа, юргевъну* и т. п.⁶² Происхождение ошибок обоих этих типов также может быть объяснено произношением [ʏ], чередующегося перед гласным переднего ряда с [j]⁶³.

При таком произношении буква g могла обозначать как звук [ʏ], так и звук [j], причем, как правило, g обозначала [ʏ] перед гласными /а, о, ѡ, у/, а [j] перед гласными /и, е, ё/: *нога* (но[ʏ]а) — *ноги* (но[j]и), *бога* (бо[ʏ]а) — *о богѣ* (о бо[j]ѣ) и т. п. Но звук

⁶¹ См.: Р. И. Аванесов [8, 34—41].

⁶² См., например: А. А. Шахматов [217, 177]; А. И. Соболевский [170, 127].

⁶³ Е. Ф. Будде писал по этому поводу: «Известная надпись *ана рѣина* (Anna regina) дочери Ярослава Мудрого, бывшей замужем за Франциском I, на монете, не могла быть осмыслена без знания физиологии произношения g = ʏ, ʏ' = j и без знания соотношения между др.-русской графикой и живыми звуками русского языка в его наречиях (в частности, в южнорусском наречии). Срв. древн.-моск. *кнеиня* или современное ю.-в.-р. «ноji» = ноги и под.» [39, 63]. (Впрочем, написание *рѣина* могло отражать также и старофранцузское произношение этого слова; см.: Е. И. Мельников [121, 116].) А. П. Сумароков считал, что «генварь выдумали старинные подъячие, находя в литере g, когда она как латинское h произносится, некое величество и пышность» [181, 41—42].

[j] имел и другое обозначение. Так, перед /е, а, у/ [j] мог обозначаться при помощи йотации гласной буквы: *яго*, *языкъ*, *стою* ([j]его, [j]языкъ, сто[j]у) и т. п., а перед /и, ѣ/ не получать особого обозначения: *ихъ*, *мои*, *тобъ* ([j]ихъ, мо[j]и, то[j]ѣ)⁶⁴ и т. п. Таким образом, оказывалось, что звук [j] в одной и той же позиции мог обозначаться двояко: перед /е/ — *яго* ([j]его) и *гетманъ* ([j]етманъ), перед /и, ѣ/ — *ихъ* ([j]ихъ), *мои* (мо[j]и), *тобъ* (то[j]ѣ) и *гибель* ([j]ибель), *ноги* (но[j]и), *ногѣ* (но[j]ѣ).

Чем же определялся выбор того или иного способа обозначения [j]? Дело в том, что звук [j] мог воплощать в одних позициях фонему /j/, в других — архифонему (гиперфонему) $\left| \frac{Y}{j} \right|$. Так, в позиции перед /а, у/ (после изменения *е* > *о* также и перед /о/) фонемы /γ/ и /j/ различались (например, но[γ]а — мо[j]а и т. п.), поэтому звук [j] перед /а, у/ воплощал фонему /j/. В позиции перед /и, е, ѣ/ фонемы /γ/ и /j/ не различались; в этой позиции выступала архифонема (или гиперфонема) $\left| \frac{Y}{j} \right|$, воплощенная в звуке [j]. Если [j] воплощал архифонему $\left| \frac{Y}{j} \right|$ (например, но[j]и, мо [j]и), то выбор способа обозначения звука [j] на письме определялся тем, какая фонема выступает в данной морфе в сильной позиции: если /γ/ — то использовалась буква *г*, если /j/ — то использовался другой способ: при но[γ]а — *нога* и *ноги*; при мо[j]а — *мога* и *мои*. Если же [j] воплощал гиперфонему $\left| \frac{Y}{j} \right|$ (например, ан-[j]ел, [j]еремей), то выбор того или иного способа определялся исключительно традицией. В этих случаях и возникала возможность ошибочного написания. Так появилось написание *г*, соответствовавшее этимологическому *j*, и написание, обозначавшее [j] в соответствии с этимологическим звонким задненебным. Такие ошибки могли возникнуть только в том случае, когда /j/ и «звонкая» «задненебная», обозначавшаяся буквой *г*, в определенных позициях не различались. А это могло быть, очевидно, только при фрикативном произношении звонкого задненебного — [γ]. То, что такие ошибки отмечаются не только в южнорусских памятниках, но уже в XIII в. и в севернорусских⁶⁵, свидетельствует о наличии фонемы /γ/ в севернорусских говорах древнерусского языка.

2.3. По единодушному мнению русских ученых, начиная с Ломоносова, произношение [γ] в русский литературный язык проникало из церковнославянского. Эта особенность церковнославянского консонантизма, отличавшая его от старославянского, сфор-

⁶⁴ Если считать, что *j* перед *и, ѣ* в древнерусском языке произносился (см.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов [31, 47, 48, 57—59 и др.]), вопреки тому мнению, что в древнерусском языке не могло быть сочетания *j* с *и, ѣ*, так как после *j* *ѣ* изменялось в *е*, а перед *и j* исчезал (см.: А. А. Шахматов [217, 21, 28, 55 и др.]).

⁶⁵ См.: А. А. Шахматов [217, 177].

ских говоров, а не через церковнославянский язык могли заимствоваться некоторые слова с [ʏ] и среднерусскими, а затем и севернорусскими говорами.

В севернорусских и среднерусских говорах, таким образом, /ʏ/ в одной части морф может объясняться как собственно северно- или среднерусская черта (например, в -оуо), а в другой части морф — как черта заимствованная. В большинстве случаев эти заимствования — из южнорусского наречия древнерусского, старорусского или современного русского языка⁶⁹ и почти все они — церковнославянизмы. Одним из таких заимствований, вероятно, было имя *Ольга*⁷⁰.

Произношение *Оль[ʏ]а* отмечено в ряде севернорусских и среднерусских говоров, обычно знающих [ʏ] также и в словах типа *господь*, *бога* и других «церковнославянских». Так, в говоре Рогачевской вол. Дмитровского у. Московской губ., наряду с обычным [г], Р. О. Якобсон отмечает [ʏ] «в нескольких заимствованных словах: ол'уъ, ѱспѣи, ѱспод'ин, ѱспода, боу дас (... бох), боуат, бѣуат'ѣиуш'ии, бѣуатыр', бѣуатырск'им'и, бууорб'ицъ, блѣуоч'ин'ѣи, блѣуослов'ил, блѣуов'ѣш'ѣнск, кауал'ѣм, бууал'т'ѣр'ии» [223, 54]. Такое же произношение *Ол'уа* при обычном [г] отмечено в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» в д. Сущево Лысковского р-на Горьковской обл. и с. Б. Чиганары Ядринского р-на Чувашской АССР; в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы» в следующих населенных пунктах: Архангельская обл., Котласский р-н, д. Емельяновская; Вологодская обл.: Великоустюгский р-н, д. Рукавишниково; Кичменгско-Городецкий р-н, д. Павлово, д. Хохлово; Сямженский р-н, д. Коростылево; Ленинградская обл., Подпорожский р-н, д. Красный Бор; Новгородская обл., Маловишерский р-н, д. Карпина Гора; Ярославская обл., Бурмакинский р-н, д. Мужево; Тутаевский р-н, д. Белешино.

3. Имя *Ольга* не славянское, оно восходит к скандинавскому *Helga*⁷¹. Впервые в русской истории имя *Ольга* встречается как имя великой княгини, жены Игоря. В течение нескольких последующих столетий имя это употреблялось очень редко и, вероятно, только в княжеских семьях. Отмечено, что в эпоху Киевской Руси существовало разделение личных имен на имена княжеские и имена, употреблявшиеся остальными людьми. Княжеские имена были принадлежностью только княжеских семей и не использо-

⁶⁹ Хотя могут быть и заимствования иноязычные — например, *боуатырь*; см.: М. Ф а с м е р [193].

⁷⁰ О том, что *Ол'уа* — слово «церковного происхождения», пишет, в частности, Д. В. Бубрих [36, 329, 342].

⁷¹ См., например: И. И. С р е з н е в с к и й [176, 46]; М. Ф а с м е р [194]; П. Я. Ч е р н ы х [200, 82]. Восточнославянским считает имя *Ольга* С. Роспонд [155, 10, 14, 18].

вались в другой среде⁷². Такое положение существовало «почти до XV в.»⁷³ Однако и в следующие века *Ольга* как имя лица не княжеского происхождения было чрезвычайно редким⁷⁴.

Объясняется это, вероятно, следующим. В соответствии с церковными правилами новорожденного обычно называли именем того святого, день памяти которого приходился на восьмой день после рождения ребенка⁷⁵. Дни памяти святых были утверждены церковью и входили в святцы, или месяцеслов, в порядке месяцев и дней года. Несмотря на то, что великая княгиня *Ольга* была признана святой, вероятно, еще в Киеве в домонгольский период⁷⁶, общерусское почитание ее было узаконено церковью только в середине XVI в.⁷⁷ Кроме того, «для празднования памяти святого нужна была служба ему, а равно требовалось, чтобы написано было (существовало) и его житие»⁷⁸. Между тем только с XV в. получили распространение написанные Пахомием Логофетом служба великой княгине *Ольге* и ее житие⁷⁹, вошедшее в XVI в. в известные Четьи-Минеи митрополита Макария⁸⁰.

Однако часто в один день поминалось несколько святых. Так было и 11 июля, когда, кроме *Ольги*, поминалась также и *Евфимия*⁸¹. В этом случае преимущество давалось тому имени, которое входило в народный сельскохозяйственный календарь⁸². Имя *Евфимия* входило в народный календарь и было гораздо более употребительным, чем *Ольга*, не вошедшее в этот календарь⁸³.

⁷² См.: Евгений, митрополит Киевский [69, 67]; М. П. Погодин [146, 67]; А. М. Селищев [166, 135]; А. В æ s k l u n d [22, 19].

⁷³ Евгений, митрополит Киевский. Там же.

⁷⁴ Так, например, в первых восьми томах «Полного собрания русских летописей» *Ольга* встречается лишь как княжеское имя (См.: [189]). В «Новгородских писцовых книгах», в грамотах Великого Новгорода и Пскова и в I Новгородской летописи встречается около 100 женских имен и ни разу не встречается *Ольга* как имя не княжеское. При этом отмечены деревни Ольгино, Ольгово, Олюшкино (см.: [131]; А. В æ s k l u n d [22]). Среди 67 женских имен, отмеченных в «Писцовых книгах, изданных Русским географическим обществом до 1895 г.», встречается четыре раза имя *Ольга*. Однако отмечено оно только в писцовых книгах Тульского и Орловского уездов и, кроме того, относится к именам с низкой частотностью: ср., например, частотность таких имен, как *Марья* — 123, *Анна* — 63, *Авдотья* — 62... *Евфимия* (*Ефимья*, *Афимья*) — 12 (см.: [144]).

⁷⁵ См.: Г. Котошихин [97, 15].

⁷⁶ См.: Е. Е. Голубинский [54, 56—57].

⁷⁷ Там же, [90—92].

⁷⁸ Там же, [41].

⁷⁹ См.: Макарий, архиепископ [113, 157]; Е. Е. Голубинский [55, 589].

⁸⁰ Макарий, архиепископ [113, 374].

⁸¹ См.: [147].

⁸² См.: А. Н. Мировская [123, 374].

⁸³ См.: А. С. Ермолов [70, 374]; А. Н. Мировская [123, 376—377].

Таким образом, имя *Ольга* не было народным именем, оно проникло в севернорусские говоры под церковным влиянием и в качестве церковнославянской приметы могло сохранять произношение фрикативного [ʏ].

Свидетельством такого произношения может служить также и то, что имя *Олег*, парное к имени *Ольга*, произносилось в Москве в XVI в. с фрикативным согласным на конце. Об этом можно судить по написанию *Olech* Герберштейном, «хорошо владевшим славянскими языками и произношением»⁸⁴.

Итак, севернорусским говорам издавна был свойствен в сильной позиции звук [ʏ], воплощавший фонему /ʏ/. С этим звуком произносилось и имя *Ольга*. Поэтому когда в севернорусских говорах возникло прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, то наряду с *Вань*[к'я], *день*[г'я]и, *навер*[х'я] и т. п. появлялось и *Оль*[ʏ'я]. В связи с совпадением [ʏ'] и [j] возникало произношение *Оль*[j]я.

Некоторые особенности реализации прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных в современных русских говорах

1

В говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных, после [к', г', х'], выступающих на месте прежних [к, г, х], произносятся гласные переднего ряда [ä, ö, ü, ь], выступающие на месте прежних [а, о, у]. Примеры типа *пень*[к'ä], *пень*[к'ö]м, *пень*[к'ü], *Вань*[к'ä], *Вань*[к'ä]й, *Вань*[к'ь]й, *Вань*[к'ü], *малень*[к'ä]я, *малень*[к'ü]ю, *день*[г'ä]м, *оль*[х'ä], а в ёкающих говорах *Вань*[к'ö]й, *малень*[к'ö]й и т. п. обычны в говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных. Правда, в описаниях таких говоров, как правило, не указывается на переднее образование гласного, воплощающего фонемы [а, о, у], и приводятся примеры типа *п'ен'к'ä*, *п'ен'к'ö*м, *п'ен'к'ü* и т. п. Однако это объясняется тем, что произношение после мягких согласных гласных звуков переднего ряда [ä, ö, ü] закономерно для русского языка, поэтому обычно и не нужны специальные указания на это. Такие указания, однако, есть в специальных фонетических исследованиях⁸⁵.

В связи с произношением после [к', г', х'] гласных переднего ряда на месте прежних [а, о, у] окончания тех существительных и прилагательных, в конце основы которых выступают [к', г',

⁸⁴ С. А. Геденов [50, 197].

⁸⁵ См., например: О. Брок [34, 96, 101]; Д. В. Бубрих [36, 342]; Р. И. Аванесов [6, 74] и др.

х' после мягкого согласного, фонетически не отличаются от соответствующих окончаний тех существительных и прилагательных, в конце основы которых выступает мягкий согласный, возникший еще до падения редуцированных гласных. Иначе говоря, окончания существительных и прилагательных с основой на [к', г', х'] совпадают с окончаниями мягкой разновидности склонения: *Вань[к'ä]* и *Ва[н'ä]*, *Вань[к'у]* и *Ва[н'у]* и т. п. Разница между словами типа *Манькя* и *манка* сохраняется во всей парадигме. Так, в южнорусских говорах распространено произношение *Мань[к'ä]* или *Мань[к'ь]* и *ман[ка]* или *ман[кь]*, *Мань[к'у]* и *ман[ку]*, *Мань[к'ь]й* и *ман[кь]й* и т. п.; в севернорусских говорах распространено произношение *Мань[к'ä]* и *ман[ка]*, *Мань[к'у]* и *ман[ку]*, *Мань[к'ө]й* и *ман[ко]й* и т. п.

В некоторых случаях разница между окончаниями мягкой и твердой разновидностей склонения не сводится к разнице только фонетической, позиционной, обусловленной предшествующим мягким или твердым согласным. В таких случаях употребление окончания мягкой разновидности у существительных и прилагательных с мягким заднеязычным в конце основы, безусловно, свидетельствует о том, что эти существительные и прилагательные воспринимаются говорящими как существительные и прилагательные с мягкой основой и, следовательно, фонетическое изменение в конце основы привело к морфологическому преобразованию слова. Так, для большинства южнорусских говоров свойственно образование прилагательных ж. р. им. п. ед. ч. с безударным окончанием /-ийа/ типа *с'йн'ийа*. В говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], по этому же типу образуются прилагательные с [к'] в конце основы: *мäl'ен'к'ийа*, *с'йн'ен'к'ийа*, *бöй'к'ийа* и т. п.⁸⁶ Примеров такого типа очень много в материалах атласов русских говоров по южнорусской территории, отмечены такие примеры и в некоторых севернорусских говорах. Изменение разновидности склонения отражает также отмеченная в ряде южнорусских, среднерусских и севернорусских говоров форма р. п. мн. ч. *угольк'ей*, а также форма р. п. мн. ч. *ден'г'ей*, отмеченная в д. Ивановка Шарангского р-на Кировской обл.; *з'е'ер'к'ей* — в д. Увариха Харовского р-на Вологодской обл.

Таким образом, в рассматриваемых говорах после [к'] в окончаниях существительных и прилагательных может произноситься любой гласный звук переднего ряда, что связано с переходом таких существительных и прилагательных в мягкую разновидность склонения.

⁸⁶ Указав на то, что в мосальских говорах отмечается произношение типа *yöŋ'k'iiä* (*riän'isъ*), *mäl'en'k'iiä* (*wöz'ega*) и др., О. Брок пишет: «Приведенные примеры показали, что в группу мягких основ вошел ряд основ на -к-, смягченное предшествующим согласным» [32, 70].

Во многих говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных, произношение мягких задненебных после мягких согласных у старшего поколения, особенно у женщин, не знает исключений: в этой позиции данные носители говора произносят только мягкие задненебные (все или только [к']¹). Многие описания говоров, в том числе и ответы на диалектологические программы, ставящие своей целью показать в первую очередь произношение старшего поколения, приводят примеры только с мягким задненебным в указанной позиции. Однако во многих описаниях, наряду с примерами с мягким задненебным, приводятся примеры и с твердым задненебным: *Bân'k'a*, и *Bân'ka*, *d'en'g'âm* и *d'en'gâm* и т. п. Такие описания характеризуют говоры двух типов. В одних говорах, при последовательном произношении мягких задненебных старшим поколением, у младшего поколения отмечаются либо мягкие задненебные наряду с твердыми задненебными, либо даже исключительно только задненебные твердые. В других говорах даже и у старшего поколения не отмечается исключительного произношения мягких задненебных, а наряду с ними возможны в той же позиции и твердые задненебные, употребляющиеся чаще или реже в зависимости от стиля речи, ситуации и т. п.

В связи с широким распространением радио, звукового кино, школьного обучения в советскую эпоху происходит особенно интенсивное вытеснение произношения [к'] и [г', х'] после мягких согласных произношением [к, г, х]. В настоящее время, вероятно, уже нет ни одного говора, где, наряду с [к'], а также и [г', х'] не произносится [к, г, х] хотя бы у некоторых носителей данного говора⁸⁷. В некоторых говорах произношение мягких задненебных после мягких согласных отмечается уже только в единичных случаях. А в ряде говоров такое произношение окончательно вытеснено произношением твердых задненебных, и о том, что говору было ранее свойственно произношение [к'], а в ряде говоров и [г', х'] после мягких согласных, можно судить только на основании дополнительных данных. Так, о недавнем вытеснении прежних [к', г', х'] новыми [к, г, х] иногда говорят местные жители, которые произносят сами твердые задненебные, но помнят, что их отцы или деды произносили мягкие задненебные. Такие указания есть в ряде ответов на «Программу». В некоторых

⁸⁷ Отсутствие в ряде ответов на «Программу» сведений для составления диалектологического атласа русского языка примеров с твердыми задненебными после мягких согласных при наличии примеров с мягкими задненебными в этой позиции объясняется, вероятно, тем, что либо авторы этих ответов ставили перед собой задачу показать случаи несовпадения с литературным языком и поэтому не приводят примеров такого совпадения, либо не производился охват всех возрастных слоев населения.

случаях на наличие в прошлом произношения мягких задненебных после мягких согласных указывают старые описания говоров. Об этом же говорят случаи морфологизации и лексикализации данного фонетического явления.

Смягчение задненебных после мягких согласных, как указывалось, в русских говорах представляет собой уже не действующий фонетический закон, а его результаты, степень сохранения которых определяется рядом обстоятельств. Об этом свидетельствует прежде всего то, что в говорах, знающих произношение [к', г', х'] после мягких согласных, встречается также и произношение [к, г, х] в этой позиции. Уже это свидетельствует о том, что фонетический закон смягчения задненебных после мягких согласных в указанных говорах не действует⁸⁸. Это понимали еще младограмматики⁸⁹.

Часто авторы ответов на диалектологические программы говорят о том, что местные жители, в говоре которых отмечено произношение [к', г', х'] после мягких согласных, понимают разницу между своим произношением и произношением этих же слов с [к, г, х] в соседних говорах или литературном языке⁹⁰. Между тем изменения, которые происходят в силу действующего, живого фонетического закона, совершаются бессознательно у говорящих, которые просто не могут говорить иначе. Сознательное различение двоякого произношения, наряду с возможностью произнести слово и так, как произносят его в родном говоре, и так, как в соседних или литературном языке, также свидетельствует о том, что фонетический закон, требующий определенного произношения данного слова, уже не действует⁹¹.

⁸⁸ Ср., например, у П. С. Кузнецова: аналогические «нарушения (по крайней мере, если они состоят в том, что звук не изменился в тех условиях, когда он должен был фонетически измениться) свидетельствуют о том, что закон уже прекратил свое действие как фонетический» [106, 63].

⁸⁹ См., например: К. Хааг а г [197, 71].

⁹⁰ Поэтому, в частности, наблюдателю, приехавшему в пункт обследования, и приходится принимать всякие меры для того, чтобы местные жители не старались говорить с ним «по-городскому».

⁹¹ К. Хааг писал по этому поводу следующее: «Если на вопрос «Вы называете это khēs?» (т. е. Kāse «сыр») в одном месте мне отвечают: «Да, khais», а в другом: «Нет, khais», то относительно последнего я не только знаю, что звуковое изменение ē в ai там уже закончилось и угасло, но могу также с уверенностью утверждать, что данный говор уже снова обладает словами со звуком ē» [197, 87]. «Психологическую сторону рассматриваемого явления, — пишет Л. Р. Зиндер, — ни в коем случае не следует упускать из виду. Она объективно существует и не перестанет существовать, несмотря на то, что мы ее упорно игнорируем. Последнее обстоятельство лишь свидетельствует о нашей методологической слабости. С точки зрения марксистского языковедения психологические явления представляются производными. Поэтому, если мы установим их закономерную обусловленность

Некоторые исследователи считают тем не менее прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных действующим фонетическим законом на том основании, что в новых словах, проникающих в говор, задненебные после мягких согласных смягчаются. Так, Н. П. Гринкова пишет: «Палатализация к — явление живое в современных диалектах: новые слова получают соответствующее оформление с мягким к. Примером может служить хотя бы произношение моей фамилии: *ҫринькёва*. Рядом с этим можно отметить, что далеко не все слова, имеющие соответствующие фонетические условия, дают указанную палатализацию к» [61, 217].

Здесь следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Фонетическим законом часто называют два разных состояния языка: фонетическое изменение (процесс) и его результаты. Фонетическое изменение — это постепенная замена во всех или только в некоторых фонетических позициях одних звуков другими или нулем звука. Фонетическое изменение протекает во времени и пространстве, т. е. имеет границы хронологические и территориальные. Когда фонетический процесс заканчивается, то результаты его в той мере, в какой они уже зафиксированы в лексическом составе говора, продолжают сохраняться. Звуки или сочетания звуков, подвергавшиеся изменению раньше, когда проходил фонетический процесс, в говоре отсутствуют и первое время после окончания этого фонетического процесса. Если это изменение происходит не во всех позициях с одинаковым результатом, то в итоге возникает фонетическое чередование. Так, на смену фонетическому изменению приходит фонетическая (фонологическая!) модель. Возникновение этой модели обусловлено уже не невозможностью иного произношения, а традицией. «Здесь уже нет законов, а есть всего лишь правила»⁹². Существование такой модели в говоре может быть более или менее длительным и зависит от ряда причин, в частности, от степени влияния на данный говор литературного языка или соседних говоров, не знавших данного фонетического изменения. Поэтому если в таком говоре возникает новое слово (или проникает туда извне) с сочетанием звуков или звуком, подвергавшимся изменению раньше, когда происходило фонетическое изменение этого звука или сочетания, то такое же изменение может произойти в этом слове и теперь, когда фонетический процесс прекратился. Изменение в этом слове вызывается теперь влиянием существующей в говоре модели.

Влияние данной модели на вновь появляющиеся в говоре слова может осуществляться и тогда, когда фонетический закон

теми или иными чисто языковыми отношениями и связями, то мы сможем пользоваться психологическими явлениями как индикаторами этих последних. В учении о фонеме (во всех его сторонах) такой «индикатор», несомненно, может оказать большую и надежную помощь исследователю» [74, 70—71].

⁹² К. Хааг [197, 71].

уже не действует «с железной необходимостью». Изменение нового слова в соответствии с указанной моделью в этом случае уже не является единственно возможным для говора, так как в говоре уже существует произношение, противоречащее модели, однако случаи такого произношения могут быть еще недостаточно многочисленными для того, чтобы сделать совершенно невозможным проявление данной модели. Диалекты, охарактеризованные Н. П. Гринковой, отражают именно такую стадию в развитии прогрессивного ассимилятивного смягчения [к].

В истории прогрессивного ассимилятивного смягчения заднебных согласных в русском языке, как и в истории многих других явлений, можно установить три последовательных этапа. Различие между этими этапами заключается в том, какие согласные — твердые или мягкие — произносятся в той позиции, в которой происходило смягчение, и если возможны и те, и другие, то в какую сторону идет процесс вытеснения одних согласных другими.

Первый этап охватывает время, когда прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных возникает и постепенно распространяется на все позиции во всех словах данного говора, где были условия для осуществления этого смягчения: после мягких согласных произношение твердых заднебных постепенно вытесняется произношением мягких заднебных. На протяжении всего этого этапа действовали причины, вызвавшие указанное смягчение, бывшее в силу этого на данном этапе живым фонетическим процессом. На следующем этапе ассимилятивное смягчение согласных представляет собой уже не живой фонетический процесс, а явление лексико-фонетическое и фонетико-морфологическое; причины, вызвавшие смягчение, уже отсутствуют, но вместо них существует фонологическая, словообразовательная и морфологическая модель, по которой в той позиции, где на предшествующем этапе осуществлялось смягчение согласного, теперь должен быть мягкий согласный. На этом этапе в указанной позиции употребляется только мягкий согласный.

Однако степень устойчивости мягкого согласного в этой позиции различна на первом и втором этапах в связи с разной обусловленностью этого мягкого согласного. На первом этапе мягкий согласный обусловлен действием внутренних причин, т. е. активным началом, тогда как произношение твердого согласного обусловлено только традицией, т. е. пассивным началом. Случаи произношения мягких согласных постепенно расшатывают традицию и разрушают ее окончательно. Перестав быть традицией, произношение твердого согласного не может уже противостоять произношению в этой же позиции мягкого согласного и отступает под действием новой закономерности.

К концу первого периода произношение твердого согласного в позиции смягчения становится невозможным потому, что

произношение мягкого согласного здесь обусловлено внутренними, структурными причинами, и потому еще, что оно само уже становится традицией.

На втором этапе мягкость согласного в указанной позиции обусловлена уже не причинами внутреннего порядка, а только традицией. Поэтому степень устойчивости мягкого согласного в этой позиции меньше, чем на предшествующем этапе. Традиция легко может быть нарушена проникновением слов из другого говора или языка с твердым согласным в этой позиции.

Третий этап характеризуется тем, что возникает новая закономерность: твердый согласный в данной позиции. Эта закономерность вступает в противоречие с традиционной моделью и постепенно вытесняет ее. Современные говоры переживают в настоящее время именно этот этап. В некоторых говорах этот этап уже завершился. В таких говорах мягкие заднеязычные, возникшие после мягких согласных в результате прогрессивной ассимиляции, полностью заменены твердыми заднеязычными. Эти говоры, ранее отличавшиеся от литературного языка и ряда говоров наличием результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных, полностью утратили это отличие.

4

Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных относится к таким фонетическим изменениям, которые не приводят сами по себе к изменениям фонологическим. Так, до данного изменения звуки [к', г', х'] и [к, г, х] были целиком обусловлены позицией: [к', г', х'] употреблялись только перед /е, ё, и/, а [к, г, х] — в остальных случаях. После прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных звуки [к', г', х'] стали употребляться еще и после мягких согласных, а [к, г, х] в этой позиции стали невозможны. Таким образом, произошло перераспределение позиций, но позиционная обусловленность этих звуков сохранилась. Поэтому если звуки [к'] и [к], [г'] и [г], [х'] и [х] до прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных воплощали соответственно фонемы /к, г, х/, не обладавшие дифферензором «твердость ∞ мягкость», то и после этого изменения указанное положение осталось прежним⁹³.

В современных русских говорах положение иное: звуки [к', г', х'] воплощают «мягкие» фонемы /к', г', х'/, а звуки [к, г, х] — «твердые» фонемы /к, г, х/. Таким образом, прежние фонемы /к, г, х/, не обладавшие дифферензором «твердость ∞ мягкость», «расщепились» каждая на две коррелятивные по «твердости ∞ мягкости» фонемы. Подтверждением этого служат следующие четыре явления, из которых первые три отмечены только в гово-

⁹³ Ср.: Р. И. Аванесов [9, 187—188].

рах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных, и более подробно охарактеризованы выше, а четвертое отмечено и в других говорах.

1. Наряду с произношением [к', г', х'] после мягких согласных (*Вань*[к']я, *день*[г']ям, *оль*[х']я и т. п.), в речи тех же носителей говора отмечается и произношение [к, г, х] в этой позиции (*Вань*[к]а, *день*[г]ам, *оль*[х]а и т. п.). Из того, что в одной и той же позиции возможны и [к', г', х'] и [к, г, х], следует, что мягкость звуков [к', г', х'] перестала быть признаком, обусловленным позицией после мягких согласных, а твердость звуков [к, г, х] — признаком, обусловленным позицией после твердых согласных. Освободившись от позиционной обусловленности, мягкие звуки [к', г', х'] стали воплощать «мягкие» фонемы /к', г', х'/, а твердые звуки [к, г, х] — «твердые» фонемы /к, г, х/. Таким образом, колебания в речи одних и тех же лиц при произношении *Вань*[к]а или *Вань*[к']я, *день*[г]ам или *день*[г']ям, *оль*[х]а или *оль*[х']я и т. п. есть колебания в использовании этими лицами в указанных словах фонем /к/ или /к'/, /г/ или /г'/, /х/ или /х'/.

2. Отмечены случаи произношения [к', г', х'] после этимологических твердых согласных: *Нин*[к']я, *надол*[г']ѐ, *пас*[х']ю и т. п., где [к', г', х'] возникали по аналогии с [к', г', х'] после мягких согласных. Как известно, по аналогии переноситься с одной лингвистической единицы на другую могут только признаки релевантные, фонологически существенные для данной единицы⁹⁴. Если же [к', г', х'] были позиционно обусловлены и, таким образом, мягкость этих звуков была признаком нерелевантным, фонологически несущественным (и фонемы /к, г, х/ не обладали дифферензором «твердость ∞ мягкость»), то, следовательно, эта мягкость не могла переноситься по аналогии с [к', г', х'] на твердые [к, г, х]. Таким образом, для того, чтобы могла осуществляться аналогия, в результате которой возникли указанные случаи с [к', г', х'] после этимологических твердых согласных, необходимо было, чтобы мягкость [к', г', х'] после мягких согласных перестала быть признаком позиционно обусловленным и превратилась у этих звуков в признак самостоятельный, релевантный, фонологически существенный, а сами [к', г', х'] стали восприниматься как представители «мягких» фонем /к', г', х'/, противопоставленных «твердым» фонемам /к, г, х/, воплощенным в звуках [к, г, х]⁹⁵.

3. Отмечено произношение [к', г', х'] после отвердевших согласных: *морс*[к']ѐй, *четвер*[г']я, *свер*[х']ю и т. п. Если звуки [к', г', х'] и [к, г, х] воплощают соответственно фонемы /к, г, х/, не обладающие дифферензором «твердость ∞ мягкость»,

⁹⁴ Ср.: В. Т г л к а [185].

⁹⁵ Ср. у Р. О. Якобсона: «Грамматическая аналогия сама по себе не может привести к возникновению или исчезновению фонологической корреляции» [220, 58].

то выбор [к', г', х'] или [к, г, х] целиком обусловлен позицией: в одной позиции могут выступать только [к', г', х'], в другой — только [к, г, х]. Иначе говоря, мягкость звуков [к', г', х'] и твердость звуков [к, г, х] в этом случае нужно относить не к свойствам фонем /к, г, х/, а к свойствам позиций, в которых эти фонемы употребляются. Поэтому при «переходе» фонем /к, г, х/ из одной позиции в другую последовательно изменяется и воплощение этих фонем: в одной позиции они воплощаются в звуках [к', г', х'], в другой — в звуках [к, г, х]. Изменение перед [к', г', х'] мягкого согласного в твердый было изменением позиции для фонем /к, г, х/: после мягкого согласного фонемы /к, г, х/ воплощались в мягких [к', г', х'], а после твердых согласных — в твердых [к, г, х]. Поэтому указанное изменение должно было повлечь за собой замену звуков [к', г', х'] звуками [к, г, х]: [т'к'] > [tk], [т'г'] > [tg], [т'х'] > [tx]. Такая замена, очевидно, и происходила в тех случаях, когда в говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных, отмечается произношение [к, г, х] после отвердевших согласных: *ру[ск']ая, четве[рг]а, све[рх]у* и т. п., наряду с произношением [к', г', х'] после мягких согласных.

Сохранение мягких согласных [к', г', х'] после твердых, возникших на месте мягких, могло осуществиться только в том случае, если еще до этого отверждения предшествовавшего мягкого согласного звуки [к', г', х'] стали воплощать «мягкие» фонемы /к', г', х'/. При этом мягкость звуков стала воплощать уже не свойство позиций, а свойство согласных фонем, в связи с чем изменение позиции и не повлекло за собой замену звуков [к', г', х'] звуками [к, г, х].

4. В ряде русских говоров наблюдается произношение не обусловленных позицией мягких [к', г'] в некоторых формах настоящего времени глаголов I спряжения типа *печь, беречь*: *п'е-к'ош, б'ер'ег'ош* и т. п. Явление это свойственно всему южнорусскому наречию, среднерусским западным говорам и южной (акающей) части среднерусских восточных говоров и некоторым севернорусским, относящимся к отдельным частям северной половины Северной Межзональной, Вологодской и Костромской групп⁹⁶. В ряде говоров и в литературном языке подобные формы образует только глагол *ткать*: *тк'ош, тк'от, тк'ом, тк'от'е*; в других говорах такие формы образуются и от глаголов *жесть, скать*: *жг'ош, ск'ош* и т. п.

Появление морфологического чередования *к//к', г//г'* в глаголах типа *печь, беречь* обычно объясняют следующим образом. По говорам русского языка в личных формах глаголов типа *печь, беречь* происходило два изменения: выравнивание основы и изменение *е* в *о* во флексиях. В большинстве говоров, знающих чередо-

⁹⁶ См. карту 151 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», а также соответствующие карты других атласов.

вание $k//k'$, $g//g'$ в основе настоящего времени указанных глаголов, вначале происходило морфологическое подравнивание личных форм по образцу форм 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. На месте чередования $k//ч$, $g//ж$ в парадигме $n'ek\dot{u}$ — $n'ech\dot{e}sh$ и т. д., $b'er'eg\dot{u}$ — $b'er'ejesh$ и т. д. возникает позиционно обусловленное чередование $k//k'$, $g//g'$: $n'ek\dot{u}$ — $n'ek'\dot{e}sh$ и т. д., $b'er'eg\dot{u}$ — $b'er'eg'\dot{e}sh$ и т. д. Позднее e во флексии изменилось в o (частью фонетически, частью по аналогии), мягкие же k' , g' перед этим o сохранились, перестав, таким образом, быть позиционно обусловленными: появляется парадигма $n'ek\dot{u}$ — $n'ek'\dot{o}sh$ и т. д., $b'er'eg\dot{u}$ — $b'er'eg'\dot{o}sh$ и т. д.⁹⁷

Приведенное объяснение появления не обусловленных позицией мягких $[k'$, $g']$ аналогично распространенному объяснению: данный «процесс связан с устранением позиционных причин для вариаций. Вариации выступают как разновидности одной и той же фонемы только при наличии этих позиционных условий, видоизменяющих единую фонему в разные «оттенки». В случае устранения этой причины оставшиеся не обусловленные позицией различные звуки становятся разными фонемами»⁹⁸. Такое объяснение вытекает из реляционно-физического определения фонемы как класса звуков⁹⁹. Действительно, с этой точки зрения, фонема может появиться не раньше, чем возникнет ее реальное воплощение. Определение фонемы как конструкта¹⁰⁰ позволяет по-новому рассмотреть взаимоотношение между фонемой и ее воплощением.

В период после выравнивания основы и до изменения в глагольных флексиях e в o звуки $[k, g]$ выступают в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. перед фонемой $/y/$ ($n'ek\dot{u}$ — $n'ek\dot{y}t$, $b'er'eg\dot{u}$ — $b'er'eg\dot{y}t$), а звуки $[k', g']$ в остальных формах перед фонемой $/e/$ ($n'ek'\dot{e}sh$ и т. д. $b'er'eg'\dot{e}sh$ и т. д.). Если $[k]$ и $[k']$ в этот период воплощают фонему $/k/$, а $[g]$ и $[g']$ — фонему $/g/$, то выбор $[k, g]$ или $[k', g']$, как указывалось, целиком обусловлен фонетической позицией — в данном случае следующей гласной фонемой, так как интервокальные $[k, g]$ в этот период возможны только перед $/y, \omega, o, a/$, а $[k', g']$ — только перед $/и, ъ, е/$.

Изменение e в o в глагольных флексиях было изменением позиции для фонем $/k, g/$: перед $/e/$ фонемы $/k, g/$ воплощались в звуках $[k', g']$, а перед $/o/$ — в звуках $[k, g]$. Следовательно, это изменение должно было повлечь за собой замену звуков $[k', g']$ звуками $[k, g]$: $[k'e] > [ko]$, $[g'e] > [go]$ ¹⁰¹, т. е. парадигма $n'ek\dot{u}$ — $n'ek'\dot{e}sh$ и т. д., $b'er'eg\dot{u}$ — $b'er'eg'\dot{e}sh$ и т. д. должна была

⁹⁷ См.: Р. И. Аванесов [5, 12—13]; П. С. Кузнецов [103, 70, 74].

⁹⁸ А. А. Реформатский [152, 389].

⁹⁹ Обычно считается, что этот класс не может представлять собой пустое множество. П. С. Кузнецов писал по этому поводу: «Мы не можем считать особой фонемой то, что всегда является в нулевой форме» [100, 171].

¹⁰⁰ См.: С. К. Шаумян [209].

¹⁰¹ Ср.: Л. Э. Калнынь [82, 20].

измениться в парадигму *п'екѹ — п'екѡш* и т. д., *б'ер'егѹ — б'ер'егѡш* и т. д. Вероятно, так и происходило в тех владимирско-воложских, кировских и примыкающих к ним костромских и вошедших в настоящее время знают произношение *п'екѡш, б'ер'егѡш* и т. п.¹⁰²

Сохранение мягких [к', г'] перед /о/, возникшей на месте /е/, т. е. изменение парадигмы *п'екѹ — п'ек'эш* и т. д., *б'ер'егѹ — б'ер'ег'эш* и т. д. в парадигму *п'екѹ — п'ек'ѡш* и т. д., *б'ер'егѹ — б'ер'ег'ѡш* и т. д., могло осуществиться только в том случае, если до перехода *е* в *о* в глагольных флексиях звуки [к', г'] стали воплощать «мягкие» фонемы /к', г'/, так как только в этом случае изменение позиции не должно было повлечь за собой замену [к', г'] на [к, г].

Таким же должно быть объяснение и в других аналогичных случаях: если фонема *А* воплощалась в позиции *P₁* в звуке *а₁*, а в позиции *P₂* в звуке *а₂*, а затем в ряде случаев позиция *P₁* заменялась позицией *P₂* и при этом звук *а₁* не заменился звуком *а₂*, то, следовательно, еще до изменения позиции *P₁* в позицию *P₂* звук *а₁* перестал воплощать фонему *А*, став представителем фонемы *В*, возможным и в позиции *P₁* и в позиции *P₂*.

Итак, указанные четыре явления свидетельствуют о том, что, очевидно, во всех современных русских говорах, а также и в литературном языке существует противопоставление «твердых» и «мягких» фонем /к/ — /к'/, /г/ — /г'/, /х/ — /х'/. Это противопоставление возникает в языке раньше, чем появляются в речи факты, отражающие само это противопоставление¹⁰³. Роль «повивальной бабки», как пишет Л. Р. Зиндер, при возникновении противопоставления /к', г', х'/ — /к, г, х/ «играла система фонем русского языка, наличие в ней коррелятивного ряда палатализованных и непалатализованных согласных» [74, 73—74].

5

В ряде русских говоров отмечены случаи морфологизации и лексикализации прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных. Лексикализация и морфологизация фонетического явления представляют собой сохранение только в определенных морфах — корневых или аффиксальных — результатов фонетического изменения, не ограниченного в период, когда оно происходило (именно в силу того, что оно было фонетическим), ни определенным кругом слов, ни определенными морфемами, а только определенной фонетической позицией.

¹⁰² Другое объяснение происхождения в этих говорах указанного явления см. Р. И. Аванесов [5].

¹⁰³ Ср. у Л. Р. Зиндера: «Не потому [к'] палатализованное стало фонемой, что появилось слово [tk'ot], а наоборот, слово [tk'ot] оказалось возможным потому, что [к'] стало фонематически противопоставляться [к]» [74, 74].

На смену фонетическому изменению приходит фонетическая (фонологическая) модель: в данной фонетической позиции может быть только данный звук из некоторого множества звуков. В силу того, что эта модель держится только на традиции, связь в языковом сознании говорящих между звуком («аллофоном») и обуславливающей его фонетической позицией может быть нарушена. Это нарушение связи данного звука с данной позицией может произойти в языковом сознании говорящих во всех случаях употребления данного звука в данной позиции — и тогда фонетическая модель перестает существовать, либо только в некоторых морфах — и тогда эти морфы исключаются из действия данной фонетической модели. При таком разрушении или ограничении модели звуки, оторвавшись от данной фонетической позиции, могут начать восприниматься как члены другой фонологической модели, либо модели морфологической или словообразовательной. Так при отсутствии внешних изменений может произойти внутренняя перестройка: звуки остаются теми же — меняется их обусловленность.

Если возникает тенденция к отходу от результатов происшедшего некогда фонетического изменения, то особенности реализации этой тенденции зависят от того, происходила ли в предшествующий период какая-либо внутренняя перестройка модели, предшедшей на смену фонетическому изменению. Если этого не происходило, то после отхода от результатов фонетического изменения не останется никаких явных следов этого изменения: во всех словах все звуки, возникшие при данном изменении, заменяются на те звуки, которые были в этих словах до указанного фонетического изменения. Если же в каких-то морфах звуки, возникшие при этом фонетическом изменении и позднее включавшиеся в указанную модель, затем перестают связываться говорящими с этой моделью, то после отхода от данного явления результаты фонетического изменения сохраняются только в этих морфах.

В ряде случаев, как указывалось выше, разница между твердой и мягкой разновидностями склонения существительных и прилагательных не ограничивается разницей фонетической. В таких случаях отход от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных затруднен, по сравнению с другими случаями, тем, что, кроме «восстановления» твердых заднеязычных на месте произносившихся в конце основы мягких, необходима еще замена одного окончания другим. Поэтому результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных и могут дольше сохраняться в таких случаях. Так, в ряде населенных пунктов на территории говоров, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], отмечен [к'] только в формах прилагательных ж. р. им. п. ед. ч. типа *маленькия* и — реже — в формах вин. п. ед. ч. типа *маленькую*

и существительных тв. п. ед. ч. типа *за речку*, с *Ванькей*: в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»: Рязанская обл.: Клепиковский р-н, д. Подгорье; Мервинский р-н, д. Б. Шадеево; Старожиловский р-н, с. Соболево; Тумский р-н, с. Давыдово; Тульская обл., Веневский р-н, с. Арсеньево; в «Атласе русских говоров центральных областей к западу от Москвы»: Московская обл., Серпуховской р-н, с. Арнеево, с. Коргашино, с. Липицы; Тульская обл.: Лаптевский р-н, д. Митюшино; Ленинский р-н, д. Мерлиновка; в «Атласе русских говоров юго-западных областей РСФСР»: Белгородская обл.: Белгородский р-н, с. Ст. Городок; Шаталовский р-н, с. Владимирское; Курская обл., Коньшевский р-н, д. Ст. Белица; Орловская обл., Дросковский р-н, пос. Орловка. Ср. также ответ по д. Астахово Курловского р-на Владимирской обл. в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»: «к' в существительных встречается редко; чаще: *Ван'ка*, *угал'ка*, *бан'ка*, *бан'ку*, *дбц'ка*, *бб'ка*, *бб'ца*, *м'лацк'о* и т. п. Отмечено несколько случаев с к': *п'ан'к'ом*, *угал'к'а*, *п'ан'к'а*, *п'ен'к'ом*, *Ман'к'а*, *Сан'к'а*, *дбц'к'а*, *дашиш'к'а*, в прилагательных к' очень часто: *мал'ен'к'ийу*, *нов'ин'к'ийа*, *зал'он'ин'к'ийа*, *тат'ар'с'к'ийа*».

В ряде случаев в результате прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебного согласного произошла замена следующего гласного непереднего ряда гласным переднего ряда и не в конце основы. Так было со словом *зеркало*, которое произносится по говорам с мягким [р'] и следующим глухим или звонким задненебным: отмечено произношение *зерьк[e]ло*, *зерьк[i]ло*, *зерьк[e]ло*, *зерьк[i]ло*, наряду с более широко распространенным *зерьк'а'ло*, *зерьк'а'ло*. Произношение [e] и [i] в этом слове могло возникнуть в говорах, которым не свойственно произношение безударного [ä]. Обусловлены были эти звуки [e] и [i] произношением предшествующего мягкого согласного и возникали они на месте /а/. Однако впоследствии в языковом сознании говорящих они могли потерять свою связь с /а/ и начать ассоциироваться с /е/ или /и/. При этом могла измениться и обусловленность [к'] и [г'] в этом слове: если раньше мягкость [к'] и [г'] была обусловлена предшествующим мягким согласным, то теперь мягкость [к'] и [г'] стала связываться со следующим гласным /е/ или /и/. Если же после этих изменений начинался отход от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных, то он не распространялся на слова *зерькело*, *зерькило*, *зерьгело*, *зерьгило*.

Произношение мягкого задненебного в этом слове при отсутствии других результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных отмечают авторы ряда описаний говоров. Так, Н. Н. Дуриново пишет, что в д. Парфёнки Рузского у. Московской губ. произносится «з'ёр'т'йла из з'ёр'к'йла, при з'ёр'к'йла. к здесь смягчается, хотя необязательно, под

влиянием предшествующего мягкого звука... Но в других словах такого смягчения не бывает: ма́льн'кѣ, де́н'гѣми, па́пир'кѣ и пр.» [67, 71]. В. И. Чернышев отмечает *зе́рькила* в говоре г. Осташкова Тверской губ. [201, 269]. Произношение *зергило* в с. Глебово Новосельской вол. Муромского у. отмечает А. И. Соболевский [171, 213]; такое же произношение этого слова отмечено в Меленковском у. Владимирской губ. [72, 486]. В «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы» при отсутствии произношения [к', г', х'] после мягких согласных отмечено произношение *зе́рькило*, *зе́рькело*: Ивановская обл.: Ивановский р-н, д. Конохово; Родниковский р-н, с. Михайловское; Калининская обл.: Вышневолоцкий р-н, д. Гряды; Лихославльский р-н, д. Новоселово; Костромская обл., Сусанинский р-н, д. Домнино. Все эти населенные пункты на территории атласа находятся рядом с говорами, знающими произношение мягких заднеязычных после мягких согласных и в других случаях.

Типичный случай лексикализации фонетического явления — сохранение результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных только в слове *Оль[j]я*. Появление в этом слове [γ'], совпавшего с [j], было обусловлено предшествующим мягким согласным, точно так же, как появление [к', г', х'] в словах *Вань[к']я*, *де́н'[г']ям*, *наве́рь[х']ю* и т. п. Однако если и в дальнейшем [к', г', х'] были обусловлены позицией (моделью), вне которой они не употреблялись, то [j] мог выступать и вне этой позиции. Поэтому [j] в слове *Оль[j]я* мог перестать связываться в языковом сознании говорящих с предшествующим согласным. Обособлению [j] от фонетической позиции могло способствовать осознание его как представителя первого члена форманта /-ja/, существующего и во многих других женских именах: *Авдо́тья*, *Ага́фья*, *Аксинья*, *Да́рья*, *Луке́рья*, *Ма́рья*, *Наста́сья* и др. И когда возник отход от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных, то *Вань[к']я*, *де́нь[г']ям*, *наве́рь[х']ю* и т. п. заменялись на *Вань[к]а*, *де́нь[г]ам*, *наве́рь[х]у*, и т. п., а *Оль[j]я* так и осталось без изменения, так как [j] в этом слове уже не воспринимался как результат прогрессивного ассимилятивного смягчения [γ].

Таким образом, произношение *Оль[j]я* свидетельствует о том, что в говоре некогда могло осуществляться прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных. А если это так, то, следовательно, по произношению *Оль[j]я* мы можем в какой-то мере восстановить первоначальную территорию распространения этого диалектного явления ¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Следует учитывать при этом, что слово *Олья* могло быть заимствовано некоторыми говорами, не знавшими прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, из говоров, которым было свойственно это изменение.

На основании диалектологических материалов, собранных к началу XX в., Д. К. Зеленин составил «Карту великорусских говоров с неорганическим смягчением заднебных» [см. 72]. Сравнение данной карты с картой этого же явления, составленной на материалах атласов русских говоров (см. карту 9), показывает следующее. Произношение мягких заднебных после мягких согласных представлено в русских говорах двумя основными ареалами — южным (почти целиком южнорусским) и северным (почти целиком севернорусским), которые соединены узким ареалом — перешейком на территории среднерусских говоров. Ареалы явления на обеих картах в общих чертах совпадают. Несовпадение на картах границ ареалов объясняется главным образом двумя обстоятельствами: неточностью и неполнотой материалов, которыми располагал Д. К. Зеленин, и отходом от явления, происшедшим впоследствии в некоторых говорах, описанных в этих материалах.

Недостаточность сведений о явлении привела к неточности некоторых границ на карте Д. К. Зеленина. Относится это в основном к северному ареалу. Так, не были установлены вовсе границы явления в Новгородской и С.-Петербургской губерниях на территории между городами Новая Ладога — Будогошь — Боровичи — Тихвин. Не было удовлетворительных сведений о явлении в Юрьевецком, Макарьевском и Варнавинском уездах Костромской губ., а распространение его в Кинешемском у. Костромской губ. и в ряде уездов других губерний было отражено недостаточно.

Что касается южнорусского ареала, то следует признать, что карта Д. К. Зеленина довольно точно отражает существовавшие здесь к началу XX в. границы явления. Несовпадение на обеих картах границ южного ареала объясняется главным образом сокращением территории явления, происшедшим с конца XIX в.

О произношении в прошлом [к'] после мягких согласных на территории, которая характеризуется в настоящее время произношением в этой позиции только [к], свидетельствует ряд описаний, часто принадлежащих известным лингвистам и использованных Д. К. Зелениным при составлении карты. На западе Брянского у. Орловской губ., в с. Мужилово Акулицкой вол. (ныне Клетнянский р-н Брянской обл.) и в с. Голубая Салынской вол. (ныне Дубровский р-н Брянской обл.) Е. Ф. Будде отметил [к'] после мягких согласных, наряду с [к] в этой же позиции [40, 84, 89]. Е. Ф. Карский на основании собственных наблюдений в с. Акуличи и других местах Брянского у., а также на основании чужих описаний брянских говоров подвергает сомнению наличие этого явления в с. Мужилово, считая, что «прислуга, от которой сделаны записи у проф. Будде, или же давно возвращается среди

Карта 9. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных по данным атласов (1) и по данным Д. К. Зеленина (2)

великоруссов, или же старалась подделаться под речь разговаривавшего с ней барина» [86, 317]. Д. К. Зеленин, однако, допускал возможность [к'] в говоре с Мужилова [72, 188]. В г. Медынь Калужской губ. и в ряде населенных пунктов на юге и юго-востоке Медынского у. (нынешние Медынский и Дзержинский районы Калужской обл.) [к'] отмечают Н. Н. Дурново [66, 8 — 9] и ряд исследователей, данные которых приводит Д. К. Зеленин [72, 249—250]. При этом Д. К. Зеленин указывает: «Теперь, конечно, м. к (мягкое к. — Л. К.) у всех мещан гор. Медыни исчезло» [72, 250]. В г. Боровске и в пригородных селах [к'] отмечен местным протоиереем А. Беляевым в 1850 г. [72, 246] и В. И. Чернышевым [66, 5]. В настоящее время в д. Бутовке (4 км от Боровска) отмечено после мягких согласных только [к] [см. 18]. На юге Малоярославецкого у. Калужской губ. (ныне Детчинский р-н Калужской обл.) [к'] отмечает Н. Н. Дурново [66, 8]. В ряде населенных пунктов Верейского у. Московской губ. (ныне Верейский и Наро-Фоминский районы Московской обл.) [к'] отмечает В. И. Чернышев [204, 369], [203, 23, 27]; о наличии [к'] в уезде пишет А. И. Соболевский [172, 13]. Д. К. Зеленин указывает на большое количество ответов на диалектологическую программу, свидетельствующих о наличии [к'] на всей территории Коломенского у. Московской губ., кроме его северо-западного угла (ныне Коломенский, Малинский, Озерский районы Московской обл.), а также и в самой Коломне [72, 525 — 526]. На юге Бронницкого у. Московской губ. (ныне Бронницкий, Воскресенский, Малинский районы Московской обл.) [к'] отметил Н. К. Каринский [84, 373, 374]. В д. Беззубово Богородского у. (ныне Куровского р-на Московской обл.) [к'] отмечали Н. М. Каринский [85, карта] и В. И. Чернышев [202, 308].

Все эти данные подтверждают реальность северной границы южнорусского ареала, указанной на карте Д. К. Зеленина для конца XIX — начала XX в. То, что на карте, составленной по материалам атласов, эта граница проходит южнее, свидетельствует о происшедшем здесь отходе от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]. На этот отход указывал еще Д. К. Зеленин: «В восточных уездах Калужской губ. м. к постепенно исчезает: теперь часто его нет уже там, где оно отмечено 50—60 лет назад» [72, 260].

Сведений о распространении этого явления по среднерусским говорам в распоряжении Д. К. Зеленина было немного, и они очень часто не были такими достоверными, как сведения по южнорусским говорам. Однако и они при сравнении обеих карт могут служить в ряде случаев доказательством того, что в данной местности явление раньше было, а сейчас его нет. Так, проф. А. И. Смирнов отмечает в с. Иудино Александровского у. Владимирской губ. (ныне Загорский р-н Московской обл.) [к'] после мягких согласных. А. И. Смирнов был в с. Иудино дважды: в 1863 г.

и в 1877 г. За это время «произошло много перемен в народном говоре», «почти исчезло... постоянное сочетание *к с я* вм. *а* в конце слов (Ванькя, дай-кя)» [167, 188]. В настоящее время этого явления в с. Иудино вовсе нет [17, карта 56, нас. пункт 20]. На западе же Александровского у. (ныне Константиновский р-н Московской обл.) отмечено, по словам Д. К. Зеленина, произношение [к'], которое «в чистом виде никогда не встречается» [72, 468]. На юго-западе Юрьевского у. (ныне Юрьев-Польский и Кольчугинский районы Владимирской обл.) [к'] отметил В. И. Чернышев [205, 4]. В одном из ответов на программу по Муромскому у. проф. В. Ф. Певницкий отмечает [к'] в г. Муроме и в Васильевском погосте (ныне Муромский р-н Владимирской обл.) [72, 481]. В с. Глебово Новосельской вол. Муромского у. (ныне Вачский р-н Горьковской обл.) А. И. Соболевский не отмечает мягких задненебных согласных, но при этом указывает на произношение *зергило* [171, 213]. Д. К. Зеленин указывает на два сообщения о [к'] на юго-востоке Судогодского у. (ныне Селивановский р-н Владимирской обл.) [72, 483] и сообщения о [к'] на северо-западе Меленковского у. (ныне Гусь-Хрустальный р-н Владимирской обл.) [72, 485]. В одном описании говора Меленковского у. указаны твердые задненебные после мягких согласных, но при этом *зергило* [72, 486].

В ряде случаев материалы, использованные Д. К. Зелениным, свидетельствуют о более широкой в прошлом территории распространения явления и в севернорусских говорах. Так, отмечено было оно на юго-западе Белозерского у. Новгородской губ. и около Белого озера [72, 507—508], т. е. там, где в настоящее время данное явление не наблюдается.

Сведения о распространении результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных на той территории, где сейчас это явление отсутствует, имеются в ряде диалектологических работ, появившихся после выхода книги Д. К. Зеленина. Так, А. А. Шахматов на основании личных наблюдений пишет, что «мягкое *к* распространено даже на крайнем западе Мосальского уезда» [211, 342]. В северной части Серпуховского у. Московской губ. единичные случаи данного явления отметил А. А. Буслаев [99, 32]. В. Смирнов указывает на более широкую, чем на карте Д. К. Зеленина, картину распространения явления в Костромской губ., устанавливаемую на основании ответов на анкету Костромской губ. Уч. Архивной комиссии 1889 г. Материалы, приведенные В. Смирновым, отражают это явление, кроме других мест Костромской губ., также и в ряде населенных пунктов Чухломского у. (ныне Чухломской и Судайский районы) и на севере Солигаличского у. (Солигаличский р-н) [168, 151]. О том, что граница указанного явления с конца XIX в. отступила на север в Солигаличском р-не и на запад в Буйском р-не Костромской обл., пишет Г. В. Шайтанова [207, 44—45, 106].

ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ И ИСТОРИЯ ПРОГРЕССИВНОГО АССИМИЛЯТИВНОГО СМЯГЧЕНИЯ ЗАДНЕНЕБНЫХ СОГЛАСНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Причины и условия возникновения в русских говорах прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных

При рассмотрении результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в современных русских говорах возникает ряд вопросов, связанных с генезисом этого явления. Одним из таких вопросов является вопрос о причинах возникновения в ряде русских говоров указанного явления.

1

Д. К. Зеленин писал: «Физиологическою причиною м.ж. служит так называемая прогрессивная ассимиляция звуков... В случае Ванька конечное *а* сделалось мягким под влиянием предшествующего ему мягкого *ж*, а это последнее смягчилось под влиянием предшествующего ему мягкого *н*. Физиологически такое явление очень понятно: органы речи, приняв данное положение при артикуляции известного звука, остаются в этом положении на некоторое время и после произношения этого звука, во время произношения следующих за ним звуков, хотя эти последние данной артикуляции совсем не требуют. При произношении палатального *н* кончик языка приблизился к мягкому небу (*velum palati*) и, вместо того, чтобы опуститься, остался в приподнятом положении также и на время произношения следующего за *н* звука *ж*; язык в данном случае, так сказать, поленился или, быть может, обнаружил недостаточную подвижность...» [72, 8]. Д. К. Зеленин не считал, однако, что именно эти физиологические «причины» и вызвали появление в русских говорах прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных: эти «причины», — писал Д. К. Зеленин, — как видим, вполне понятные, но не неустраняемые; вот почему черта эта физиологически совершенно не необходима, не обязательна: человек, в говоре которого обычно наблюдается неорганическая палатализация звука *ж*, всегда может произнести этот звук в том же самом сочетании

и положении и без такой палатализации. С другой стороны, и у человека, которому данное произношение вообще чуждо, оно может встретиться, так сказать, проскользнуть незаметно» [8—9].

Д. К. Зеленин считал, что «лингвистическое прошлое исследуемого явления... очень несложно и просто; зато этнографическая, внешняя история данного диалектического явления чревата выводами» [стр. XIV]. Полагая, что почти во всех современных говорах «мягкое к» — черта заимствованная, распространявшаяся как «мода», Д. К. Зеленин считал, что «причины, которые определили собою ход и историю распространения в говорах изучаемой нами диалектической черты» нужно искать в «прежних историко-колониционных и культурно-сословных отношениях» [2].

Основные положения гипотезы Д. К. Зеленина следующие: «Москву приходится признать исходным пунктом распространения м.к по всем почти великорусским говорам. Зародившись где-то около Коломны или Рязани, черта эта была скоро усвоена любившею модничать Москвою, в частности — московскими детьми боярскими. Эти последние, став во главе военно-служилого сословия степной Украины, привили эту черту почти всем служилым людям (предкам нынешних однодворцев), при посредстве коих она распространилась во всех почти южновеликорусских губерниях; м.к, вместе с некоторыми другими чертами говора, считалось отличительным признаком военно-служилого сословия, вследствие чего распространялось особенно быстро, через сознательное подражание. — На северо-восток же Европы м.к было унесено колониционными волнами» [531].

Исходя из этой гипотезы, Д. К. Зеленин и объясняет, почему одним современным говорам свойственно «мягкое к», а другим не свойственно. Таким образом, объяснение этого различия между говорами у Д. К. Зеленина не лингвистическое, а социально-историческое. Между тем в основе анализа лингвистических явлений должны лежать факты лингвистические, а факты социально-исторические могут быть лишь вспомогательным средством такого анализа.

2

Как заимствование рассматривает явление прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных также и А. В. Миртов. Но если Д. К. Зеленин думал, что это явление было заимствовано русскими говорами из русских же говоров, то А. В. Миртов считает, что оно — результат татарского влияния [125, 119—133].

В «появлении русских слов с -кя» А. В. Миртов усматривает «двойное татарское влияние». С одной стороны, это «смягчение под влиянием предыдущего звука»: «смягчение согласных после (а не перед) мягким обычное явление тюрк-

ских языков»¹. С другой стороны, это «гармония слогов»: «наличие мягких -*кя* и -*кю* после мягких предыдущих слогов». В связи с этим явление возникает следующим образом: «первоначально: *тятенька*, *маменька*... позднее: *Ванька*, *Санька*, а еще позднее (очень редко, правда) — *Сашка*» [124]. «Где же и когда могло возникнуть -*кя* (и др.) — на русской почве? — пишет А. В. Миртов. — Теоретически должно ответить: тогда и там, где произошло массовое смешение русских с татарами, с подчинением последних русской культуре, с переходом на русский язык» [126]. «Случай... -*кя* (и др.) по нашей территории родились там, где татары мощной волной вливались в русское население и, переходя на русский язык, создавали особый жаргон, одной из черт которого являлось и -*кя* (и др.)» [130].

Гипотеза А. В. Миртова вызывает следующие возражения.

Нельзя объяснить прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных иноязычным влиянием на том основании, что русскому языку не свойственна прогрессивная ассимиляция.

Во-первых, в русском и других славянских, в том числе восточнославянских, языках отмечается ряд фонетических явлений, представляющих собой результат прогрессивной ассимиляции. Таковы, например: 1) отверждение во многих русских говорах согласного в возвратной частице после твердых согласных, главным образом, после /л/: *боя[лс']я* > *боя[лс]а*, *учи[лс']я* > *учи[лс]а* и т. п.²; 2) обычное в русском языке оглушение сонорных после глухих шумных согласных, особенно сильное на конце слова, ср.: *бод[р]* — *Пем[р]* и т. п.³; 3) смягчение первого согласного суффикса -*ск-* под влиянием предшествующего мягкого согласного во многих русских, украинских и белорусских говорах: *же[н'с']кая* > *же[н'с']кая*, *ца[р'с']кая* > *ца[р'с']кая* и т. п.; 4) изменение [л'н] > [л'н'] в ряде севернорусских говоров: *бо[л'н]о* > *бо [л'н']ё*, *дово[л'н]о* > *дово[л'н']ё*, [л'н]у > [л'н']ю и т. п.; 5) изменение сочетаний некоторых согласных с [j] в славянских языках, в частности, изменение переднеязычных с [j] типа *сви[н'j]я* > *сви[н'н']я*, *пла[т'j]е* > *пла[т'т']е* и т. п. в украинском и белорусском языках и в некоторых русских говорах.

Во-вторых, указание на то, что русскому языку не свойственна прогрессивная ассимиляция, есть только констатация того факта, что в русском языке почти все фонетические явления, носящие характер ассимиляции, представлены регрессивной ассимиляцией. Но в такой констатации не содержится указания на то, что в русском языке не может вообще возникнуть прогрессивная ассимиляция. Как бы ни было велико множество известных фактов, характеризующихся одним и тем же признаком, само по себе это еще не

¹ Выделено автором.

² Ср.: Бодуэн де Куртене [30, 38]; С. П. Обнорский [133, 72, 78, 82].

³ См.: Р. И. Аванесов [13, 169].

значит, что не может быть аналогичных фактов, не характеризующихся этим же признаком. Статистический критерий в данном случае может указать на степень вероятности события, но он не может указать на возможность или невозможность этого события. Невозможность возникновения прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных в русском языке без иноязычного влияния может быть установлена только в том случае, если будет доказано, что в русском языке не было причин и/или условий для возникновения данного явления.

Что касается «гармонии слогов», то действительно в прошлом «во всех тюркских языках слова, заимствованные из русского и через русский язык, как правило, усваивались, полностью приспособляясь к фонетическим особенностям тюркских языков, и подвергались влиянию нёбного сингармонизма»⁴. Но сингармонизм должен был проявиться не только в смягчении задненебных после мягких согласных⁵. А кроме того, если произношение [к'] после мягких согласных у татар, перешедших на русский язык, было результатом влияния нёбного сингармонизма, то эта особенность в их речи должна была восприниматься русскими как иноязычный акцент, как свойство татарского языка. Но если согласиться с А. В. Миртовым в том, что часть татар переходила на русский язык с татарским акцентом, то чем объяснить, что огромное количество русских переходило на этот русско-татарский жаргон?

«Массовый переход татар на русский язык», — пишет А. В. Миртов, — происходил «в казачьих и вообще воинских частях» [131], а «переход татар на русскую службу принимает массовый характер уже в XV веке» [127]. Однако возникновение [к'] после мягких согласных относится, видимо, к более раннему времени.

Таким образом, гипотеза А. В. Миртова не может быть нами принята.

3

С генезисом прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных связан также ряд следующих вопросов: 1) почему в одних говорах происходило смягчение только [к], а в других говорах и других задненебных, 2) почему в одних говорах [к] смягчался после [ч'] и звуков, выступающих на его месте, и/или после [j], а в других говорах после этих согласных не смягчался, 3) почему после одних согласных [к] и другие задненебные не смягчались ни в каких говорах, а после других согласных смягчение происходило. Все эти вопросы сводятся к вопросу об условиях данного фонетического изменения, а именно: какие условия были необходимы для того, чтобы произошло смягчение задненебного согласного. Возникает также следующий вопрос: почему в одних

⁴ Ф. Г. Исхаков [79, 127].

⁵ Ср.: Н. А. Баскаков [21, 334].

говорах русского языка происходило прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных, а в других говорах заднеязычные оставались твердыми. Возможно, это различие между говорами объясняется тем, что в говорах, не знавших прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, отсутствовали условия, необходимые для его осуществления. Возможно также, что это различие между говорами появилось в связи с отсутствием в одних и наличием в других говорах причин, вызвавших данное фонетическое изменение.

Отсутствие смягчения *к* после этимологического *ч'* на западе южнорусского наречия Д. К. Зеленин объяснял следующим образом. По его мнению, «говоры, не смягчающие *к* после *ч* (это говоры полесские), познакомились с этою чертою гораздо позднее, нежели говоры, знающие такое смягчение» [72, 10], так как «м.к. распространялось здесь с востока на запад» [264]. Смягчение *к* — «черта, распространявшаяся... вместе со старым московским говором и влиянием, проникла много дальше Угры, достигнув даже крайнего юго-запада Калужской губ. Однако можно замечать, что за Угрой это влияние было несколько слабее...» [253]. А «есть основание полагать, что смягчение *к* после *ч* наступает уже только тогда, когда м.к. вообще становится в данном говоре обычным: слух говорящих свыкается с ним» [251].

С. И. Котков, исходя из того, что смягчения [к] после этимологического *ч'* нет в говорах, знающих утрату затвора аффрикаты [ч'], делал вывод: «Описанное смягчение появилось или возникло в наших говорах после утраты затвора аффрикаты». Одновременно доказывается распространение непереходного смягчения *к* в наших говорах с востока на запад» [94, 54].

Надо сказать, что предположение Д. К. Зеленина и С. И. Коткова о распространении смягчения [к] с востока на запад и, следовательно, о более позднем появлении его на территории, где отсутствует смягчение [к] после этимологического *ч'*, аргументировано недостаточно. Основным аргументом и для Д. К. Зеленина, и для С. И. Коткова в пользу такой точки зрения является само различие в степени распространенности [к'] на разных территориях. Д. К. Зеленин не ограничивается этим и высказывает еще предположение, что смягчение *к* вообще вначале наступает только после парных мягких согласных *и* *ј*, а затем, когда «слух говорящих свыкается с ним», оно охватывает и случаи с *к* после *ч*. Однако это предположение Д. К. Зеленина не подтверждается данными современных говоров. Отсутствие же [к'] после этимологического *ч'* в западных южнорусских говорах само по себе еще не доказывает того, что прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] на этой территории возникло позднее, чем в говорах, знающих [к'] после [ч']. Можно предположить, что в западных южнорусских говорах отсутствовали условия для смягчения [к] после этимологического *ч'*.

Если Д. К. Зеленин не видел разницы в произношении *ч* в тех говорах, где *к* смягчается после него, и в тех говорах, где это смягчение отсутствует, то С. И. Котков сам указывает, что в последних на месте [ч'] произносится [ш']. Возникновение этого [ш'] происходит, по мнению С. И. Коткова, на основе процессов междialeктного взаимодействия: «В зоне особенно активных связей южновеликорусских и западных говоров аффриката *ч'* постепенно была вытеснена *ш'*» [94, 50]. Промежуточным звуком, по мнению С. И. Коткова, был *ш'ч'*. С. И. Котков связывает этот процесс с тем, что западные *ш'*, *ж'*, *ш'ч'* противостояли южновеликорусским *ш*, *ж*, *шш*, «а западное *ч'*, поскольку еще не успело отвердеть, совпадало в известной мере с южновеликорусским» [50]. Однако почему же после [ш'] не происходило смягчения [к] в эпоху появления смягчения [к] после других мягких согласных, С. И. Котков не объяснял. А между тем [ш'] (так же, как и [ш'ч']) — звук мягкий, следовательно, если исходить только из этого, и здесь были необходимые условия для смягчения [к].

Другое объяснение происхождению в указанных говорах [ш'] на месте [ч'] дает В. Г. Орлова. В говорах юго-запада, которые, в результате вхождения этой территории в состав Литовско-Русского государства, длительное время были оторваны от говоров более восточных территорий, возникает процесс отвердения *ч*. К тому времени, когда восточные земли Литовско-Русского государства снова воссоединились с Московским государством, «различение *ч* и *ц* твердых, сложившееся на юго-западе еще к XIV в..., уже успело значительно распространиться». В результате этого воссоединения на западной части территории «могло наметиться вторичное распространение южновеликорусских особенностей восточного типа, в частности, различие *ч'* и *ц*». «Взаимодействие южных говоров, имевших *ч* мягкое, с западными, имевшими *ч* твердое, очевидно, приводило к тому, что начинали произносить *ш'* вм. *ч*, поскольку акустически твердое *ч* производит обычно впечатление звука, в котором шипящий элемент преобладает». Таким образом, на западной части территории после воссоединения ее с Московским государством «и могла сложиться... та передача *ч* твердого как *ш'*, которая наблюдается в говорах данной территории» [135, 172].

Высказанная В. Г. Орловой точка зрения на пути возникновения в западных говорах южнорусского наречия [ш'] на месте [ч'], безусловно, объясняет, почему смягчения [к] после этимологического *ч'* здесь не могло быть в том случае, если смягчение распространялось после присоединения этой территории к Московскому государству: [ч] твердый не мог смягчать последующий [к] ⁶.

⁶ Ср. также у Н. Н. Дурново: «После *ч*... в некоторых западных говорах... сохраняется *к* твердое: *дочка*, хотя *ч* и звучит мягко. Относительно части таких говоров можно думать..., что *ч* в них раньше было твердо» [68, 218].

В статье [88] мною было высказано предположение, что если смягчение [к] возникает в результате действия живого фонетического закона, то единственной причиной отсутствия смягчения [к] может быть твердость или недостаточная степень палатализации предшествующего звука [48].

1. В связи с этой точкой зрения отсутствие смягчения [к] после [ш'] в западных южнорусских говорах объясняется наличием там в прошлом твердого [ч].

Отсутствие смягчения [к] после этимологического ч' на востоке южного ареала прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] объясняется распространением там в прошлом твердого цоканья, которое отмечено в большей части этих говоров и в настоящее время.

Переход от твердого цоканья к различию /ч/ и /ц/ на этой территории развивается сравнительно недавно, на том позднем этапе влияния общенародной формы языка, который «становится решающим в развитии данного процесса и для всех говоров русского языка»⁷. Этим, безусловно, и объясняется отсутствие в этих говорах смягчения [к] после твердого [ц], а также после [ц', ц'', ч, ч', ч'] — звуков, которые «возникли недавно и отражают попытки непосредственного овладения произношением мягкой шипящей аффрикаты ч» [135, 84].

В ряде говоров с твердым цоканьем сосуществует и мягкое цоканье. Такое положение, по мнению В. Г. Орловой, могло возникнуть в результате различных процессов. В одном случае мягкое цоканье является вторичным по отношению к твердому цоканью. Такое мягкое цоканье вторичного образования появляется «в результате процессов, относящихся к позднему времени и возникающих на основе нерегулярного употребления вновь усваиваемых мягких аффрикат» [135, 94, см. также 93]. В другом случае мягкое цоканье представляет собой более древний слой. К такому типу относятся «глубинные говоры так называемого Мещерского края, на которые, видимо, не всегда распространялся происходивший в соседних с ними говорах переход от мягкого цоканья к твердому. На всей территории юго-восточных говоров только в Мещерском крае можно с уверенностью допустить подлинное сохранение мягкого цоканья, поскольку в говорах этого края представлены и другие весьма древние черты языкового строя» [93].

Однако, как я считал, предположению о том, что в говорах Мещерского края мягкое цоканье является первичным, противоречит своеобразие смягчения в них [к] после мягких согласных. В тех говорах Мещерского края, которые знают это явление,

⁷ В. Г. Орлова [135, 89].

смягчение [к] наблюдается только после парных мягких согласных и [j] и отсутствует после звуков, выступающих на месте этимологического ч'. Но при мягком цоканье [к] должен смягчаться и после [ц'], так же, как и после других мягких согласных. Таково, например, положение в севернорусских говорах с мягким цоканьем.

Можно было бы предположить, что в говорах Мещерского края смягчение [к] распространялось уже не как живое фонетическое явление, а как лексикализованное явление под влиянием тех говоров с твердым цоканьем, где отсутствие смягчения [к] после [ц] твердого было закономерным в период действия фонетического закона смягчения [к] после мягких согласных⁸. В этом случае, действительно, качество аффрикаты (ее мягкость или твердость) не влияло бы на характер смягчения [к]: после [ц'] [к'] мягкий мог бы и не появляться, а оставался бы твердым. Однако говоры Мещерского края, в которых В. Г. Орлова считает мягкое цоканье первичным и которые не знают смягчения [к] после этимологического ч', имея [к'] после парных мягких согласных и [j], непосредственно примыкают на западе к нецокающим говорам, где [к] смягчается и после [ч']. Таким образом, изоглоссы цоканья и отсутствия смягчения [к] после этимологического ч' здесь почти совпадают: к востоку от изоглоссы идут говоры цокающие и смягчающие [к] только после парных мягких согласных и [j], к западу — нецокающие и смягчающие [к] после парных мягких согласных, [j] и [ч']. Между говорами, где мягкое цоканье, по мнению В. Г. Орловой, является первичным, и говорами нецокающими здесь нет полосы говоров с архаическим твердым цоканьем. Таким образом, в говорах Мещерского края, знающих смягчение [к] только после парных мягких согласных и [j], мягкое цоканье, как я предполагал, является вторичным; более древним здесь надо признать твердое цоканье⁹.

Отсутствие смягчения [к] после [ч'] при смягчении [к] после парных мягких согласных и [j] наблюдается также в некоторых нецокающих говорах. Как правило, эти говоры находятся на выступающих за пределы территории цоканья северной, западной и южной окраинах общей территории смягчения [к] только после парных мягких согласных и [j]. Такое положение, по всей

⁸ Ср. предположение Т. Г. Строгановой о том, что «говоры с шепелявым цоканьем, возможно, получили к от говоров с твердым цоканьем» [180, 124].

⁹ Ср. указание В. Г. Орловой на то, что мягкое цоканье вторичного происхождения может возникать не только в говорах, находящихся под сильным воздействием нормализованного типа языка, но и в говорах, «наиболее удаленных от влияния нормализованного типа языка» [135, 93]. Однако может быть и иное объяснение того, почему здесь [к] не смягчался после [ц'], выступающего на месте этимологического ч'. См. об этом на стр. 104.

вероятности, связано с сокращением территории цокающих говоров¹⁰. Кроме того, некоторые из этих говоров, особенно на юге Рязанской обл. и в Тамбовской и Пензенской областях, возможно, возникли в результате переселения из более северных районов.

Отсутствие смягчения [к] в третьей группе рассматриваемых говоров, расположенных на территории Новгородской и Ленинградской областей, объясняется тем, что здесь произносится, как правило, [ч] твердый, а различие [ч] и [ц] твердых возникло в результате отхода от твердого цоканья.

В большинстве говоров четвертой группы (ярославские и прилегающие к ним говоры) смягчение [к], вероятно, возникло тоже как живое фонетическое явление. Говоры эти распространены на довольно большой территории; кроме того, история этого края, где находились древнейшие культурные центры Ростово-Суздальской Руси, откуда шли более поздние колонизационные потоки, главным образом на север и восток, говорит скорее о возможности влияния этих говоров на соседние, чем наоборот.

По всей вероятности, в говорах этой группы в период возникновения и развития здесь прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] звук, выступавший на месте этимологического ч', был менее палатализированным, чем парные мягкие согласные, во всяком случае не настолько палатализированным, чтобы после него могло происходить смягчение [к].

Таким звуком мог быть [ч]. Подтверждением того, что этот [ч] был слабо палатализированным в период, когда здесь развивалось ассимилятивное смягчение [к], является то, что в ряде говоров этой территории отмечен [ч] твердый.

Однако [ч] твердый мог возникать также на путях отхода от твердого цоканья. По вопросу о наличии и распространении цоканья в Ростово-Суздальской земле мнения исследователей русского языка расходятся. Так, еще А. И. Соболевский полагал, что здесь цоканья не было [170, 37]. Такого же взгляда придерживаются и некоторые другие исследователи¹¹. А. А. Шахматов же считал, что на этой территории было распространено цоканье [217, 319]. Высказывалось и такое предположение, что здесь «могли быть как цокающие, так и нецокающие говоры»¹².

Материалы «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы» свидетельствуют о том, что в большинстве говоров этой группы, характеризующейся смягчением [к] после парных мягких согласных и отсутствием смягчения [к] после [ч'], различаются /ч/ и /ц/. Однако на западе и юге говоры этой группы гра-

¹⁰ Ср.: В. Г. Орлова [136, 70].

¹¹ См., например: Н. Н. Дурново [65, 115]; Р. И. Аванесов [11, 30]; В. Г. Орлова [135, 7, 113, 114].

¹² П. С. Кузнецов [101, 152].

ничат с цокающими говорами. Цоканье или следы его отмечены и в ряде говоров этой группы, причем не только в южных и западных, но и в глубине территории самой этой группы. Кроме того, в говорах этой группы отмечено произношение [сн] на месте сочетания *чн* (типа *молосный*, *пшенисный*). Такое [сн] возникает в говорах с твердым цоканьем на месте [цн]. Правда, В. Г. Орлова указывает, что сочетание [сн] на месте [цн] может быть лексикализированным, и в этом случае его распространение имеет место «и за пределами цокающих говоров, именно в говорах с различием *ч'* — *ц*» [135, 30]. Однако в сочетании с указанными особенностями оно также может свидетельствовать о наличии в прошлом твердого цоканья на территории, где отсутствует смягчение [к] после [ч'].

Следовательно, возможно, что [ч] твердый, отмеченный в некоторых говорах этой территории, отражает более широкое распространение здесь в прошлом [ч] со слабой степенью палатализации; возможно, что он связан с твердым цоканьем. Но и в том, и в другом случае в период, когда здесь распространялось прогрессивное ассимилятивное смягчение [к], условия для такого смягчения [к] после этимологического *ч'* отсутствовали.

Итак, в говорах, знающих смягчение [к] после парных мягких согласных и не смягчающих [к] после [ч'] или звуков, выступающих на его месте, в период, когда смягчение [к] в этих говорах было действующим фонетическим законом, [ч] или звуки, выступающие на его месте, были твердыми или не обладали достаточной степенью палатализации для смягчения последующего [к].

2. Отсутствие смягчения [к] после [j] в говорах, знающих это смягчение после парных мягких согласных, также свидетельствует, как я указывал в статье [88], о том, что в период, когда действовал закон прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], [j] в этих говорах не обладал в достаточной степени способностью ассимилятивного воздействия на последующий [к].

Фонема /j/ в русском языке обычно реализуется как [j] или [j̥]. Однако четкого разграничения этих звуков в русском языке нет. В литературном языке [j] произносится обычно в начале ударного слога и внутри ударного слога после согласного, в остальных случаях произносится [j̥] [57, 70]. Произношение же этих звуков в русских говорах в достаточной степени не изучено.

«Между звуками «j», т. е. звонкою небною длительною согласной, и «j̥», т. е. употребляемым в качестве согласной *i*, — писал О. Брок, — для звуковой физиологии, как известно, невозможно установить вполне определенной границы. При узком образовании или усиленном выдыхании, в «j̥» легко развивается свойственное длительной согласной *j* известное «трение» выдыхания в узком отверстии между спинкою языка и небом, а с другой стороны «j», при более открытой артикуляции или более слабом выдыхании, легко теряет упомянутое трение и таким образом переходит в *j̥*»

[33, 134]. Разницу между [j] и [i̯] О. Брок видел, следовательно, в том, что [i̯] — звук более широкий и менее напряженный¹³.

Передвижка артикуляции [к] в более переднюю область связана с тем, что предшествующий палатальный звук произносится с сильным мышечным напряжением¹⁴. При произношении таких напряженных звуков органы речи дольше сохраняют свой уклад и не успевают вполне измениться для произнесения следующего [к]. Поэтому артикуляция [к] и получается более передней. Изменение же уклада органов речи при переходе от произнесения звуков с меньшей степенью напряженности к произнесению [к] совершается легче. Артикуляция [к] в этом случае испытывает меньшее влияние артикуляции предшествующего звука. Кроме того, переход от более открытой артикуляции к артикуляции [к] совершается легче, чем от более закрытой. Поэтому [i̯], как звук более открытый и менее напряженный, обладает меньшей способностью смягчать последующий [к], чем [j]. Все это подтверждается и тем, что смягчение [к] не наблюдается в русских говорах после гласного [i̯].

Следовательно, можно предположить, что в говорах, знающих смягчение [к] после парных мягких согласных и не смягчающих [к] после [j], во время действия закона прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] [j] перед [к] звучал как [i̯], а в говорах, где [к] смягчается и после него, — как [j]. Это, конечно, относится к тем говорам, где смягчение [к] возникло фонетическим путем и [к'] после [j] не возник под влиянием аналогии. Подтверждением этого предположения может служить следующее.

О. Брок пишет, что в говоре с. Шуйского, где он отметил отсутствие смягчения [к] после [j], «не трудно было установить, что безусловно чаще говор употреблял вообще *i̯*, без упомянутого согласного „трения“» [34, 65—66].

О различном произношении [j] в южнорусских и севернорусских говорах может свидетельствовать то, что среди последних широко распространено выпадение его между гласными в определенных грамматических категориях. Естественно, что [i̯], как звук более открытый и менее напряженный, чем [j], т. е. звук скорее гласный, чем согласный, гораздо «легче» выпадает между гласными. О. Брок указывает, что в говоре с. Шуйского этот [i̯] между гласными получает еще более открытый характер, приближаясь к [e̯]. «Этой редукцией в степени закрытости гласной, употребляемой как согласная, вероятно, и объясняется часто встречающееся полное выпадение старшего *i̯* между двумя гласными» [34, 67].

¹³ Ср. у него же: «Суживая образование «*i̯*», мы замечаем, как выдыхательный ток, проходящий между спинкой языка и твердым небом, вызывает все сильнейший шум трения, переходя понемножку в фриктивный согласный [ʃ]. А того же результата достигаем, удерживая язык в обыкновенном для *i̯* положении, но усиливая при том выдыхательный ток» [35, 8].

¹⁴ Ср.: А. Б. Пеньковский [141, 242].

Выпадению интервокального [j] обычно сопутствует ассимиляция и стяжение гласных. Такое стяжение отмечено не только в севернорусских, но и в части среднерусских говоров. Однако основа стяжения гласных в севернорусских говорах и в говорах среднерусских различна: в первых — выпадение интервокального [j], во вторых — редукция гласных¹⁵.

Таким образом, в статье [88] мною было предложено физиологическое объяснение условий, необходимых для смягчения [к], и причин этого изменения: [к] смягчался только после согласных, обладающих достаточной степенью палатализации; такие согласные произносятся с более сильным мышечным напряжением, чем твердые, поэтому они и подчиняют артикуляцию следующего твердого [к] своей артикуляции, превращая его в [к'].

5

В книге [96] С. И. Котков также выдвигает физиологическое объяснение условий и причин смягчения [к]. Указывая, что «смягчение *к* вызывалось каким-то специфическим свойством определенной группы мягких согласных, а не просто мягкостью любого предшествующего согласного» [127], С. И. Котков считает этим свойством «такой артикуляционный момент, как значительный подъем *к* небу средней части спинки языка... Свойственное образованию *к* смыкание спинки языка с небом происходит в непосредственной близости от места значительного подъема *к* небу средней части спинки языка при образовании звуков, вызывающих смягчение *к*. Этим и объясняется ассимилирующее влияние данных согласных на последующий *к*: смыкание спинки с небом, смещаясь под их влиянием вперед, сообщает ему мягкость. Таков в общем механизм рассматриваемого смягчения» [128].

Указанный артикуляционный момент объединяет, как пишет С. И. Котков, звуки *j, л', р', н', т', с', ч'* «в противоположность согласному *ш'*» [128]. Поэтому смягчение *к* наблюдается после *j, л', р', н', т', с', ч'* и отсутствует после *ш'* (исконного и возникшего из *ч'*) [127—128].

Здесь, однако, можно возразить следующее. В древнерусском языке старшего периода [ш'] был палатальным согласным¹⁶, и, следовательно, поднятие средней части спинки языка к небу было у [ш'] основной артикуляцией. В современном русском языке образованию [ш'] также свойственна данная артикуляция, но она является не основной, а дополнительной. В этом отношении образование [ш'] не отличается от образования других согласных, указанных С. И. Котковым, кроме [j], так как поднятие средней части спинки языка к небу при произношении этих согласных тоже является дополнительной артикуляцией, а при произношении

¹⁵ См.: Т. С. Коткова [92, 9].

¹⁶ См.: Р. О. Якобсон [220, 45 и след.].

[j] — основной ¹⁷. Поэтому отсутствие смягчения [к] после [ш'] при смягчении [к] после других мягких согласных должно быть объяснено иначе, чем у С. И. Коткова.

Причиной того, что смягчение [к] происходило только в части русских говоров, С. И. Котков считает следующее: «По-видимому, согласные, вызывающие данное смягчение к, в разных русских говорах по степени палатализации были неодинаковы. Не исключается влияние и такого обстоятельства, как наличие или отсутствие в образовании к ощутительного элемента лабиализации. Наконец, не благоприятствовала ли смягчению к редукция гласного за ним, обычная в южновеликорусских говорах и вероятная в иных? Указания на редукцию находим в примерах: крес(ь)янин *Васке Совел(ь)явь*, новосилец *Волотке* Фоустов, емщик *Ельке Денисавъ* [128].

Действительно, степень мягкости парных мягких согласных неодинакова в русских говорах. Так, О. Брок пишет об «интересной разнице в палатализационной степени между южновеликорусскими и одним северновеликорусским говорами: первые имеют вообще «ê'овую», последний, за исключением перед старым ь, лишь «е'овую» степень» [34, 153] ¹⁸. Однако эта разница не отразилась на смягчении последующих задненебных: в указанном О. Броком севернорусском говоре, несмотря на меньшую, чем в южнорусских говорах, степень палатализации согласных, смягчение следующих задненебных происходило [34, 88—89]. Кроме того, неизвестно, как давно возникла эта разница в русских говорах и была ли она уже в период прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных.

Что касается редукции гласного, следовавшего за [к], то смягчение [к] отмечается и в таких севернорусских говорах, где указанной редукции нет. В примерах же, приведенных С. И. Котковым, буква е свидетельствует о мягкости задненебного и о произношении следующего за ним гласного переднего ряда типа [e]. А как указывалось выше, произношение гласного переднего ряда на месте этимологического гласного непереднего ряда было следствием прогрессивного ассимилятивного смягчения предшествовавшего задненебного, а не причиной этого смягчения.

6

Физиологическое истолкование «механизма» прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], данное мною в указанной статье [88] и данное С. И. Котковым, не объясняет всех особенностей

¹⁷ См., например: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров [15, 31—32].

¹⁸ Ср. также замечание Р. И. Аванесова о том, что «палатализирующая сила гласных переднего ряда неодинакова по говорам. Замечено, что части южновеликорусских говоров вообще свойственна большая степень палатализации, чем северновеликорусским (хотя встречаются и последние с высокой степенью палатализации)» [8, 36].

прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных в русском языке. В частности, нет объяснения того, почему в южнорусских говорах смягчению подвергается только [к], а в севернорусских — и другие задненебные согласные.

Физиологическое истолкование условий и причин ассимиляции встречает возражения и более общего, принципиального характера.

1. Ассимиляция звуков отмечалась в разных языках уже первыми их исследователями¹⁹. Довольно хорошо изучены и разнообразные формы проявления ассимиляции в различных языках. С синхронической точки зрения ассимиляция представляет собой закономерное фонетическое чередование, члены которого обусловлены фонетическими позициями. Фонетическим чередованиям обычно противопоставляют исторические чередования, члены которых не обусловлены фонетическими позициями. Однако ассимиляция, представляющая результат проходивших некогда в языке фонетических изменений, причины и условия осуществления которых уже отсутствуют, также является чередованием историческим в том смысле, что в его «основе лежит не действие произносительного механизма, а языковая традиция»²⁰.

Каков же «механизм» фонетической ассимиляции как исторического изменения, т. е. явления с точки зрения диахронической? Если причины конкретных фонетических изменений (в том числе и «конкретных» ассимиляций) конкретны и зависят от различных условий, сложившихся в каждом языке, то каковы же те общие законы, по которым возникает фонетическая ассимиляция во всех языках?

Ассимиляция звуков может осуществляться по таким признакам, которые не являются релевантными для системы звуков данного языка (т. е. по таким признакам, которые не воплощают дифферентора ни у одной пары фонем), и по таким признакам, которые являются релевантными для системы звуков данного языка (т. е. воплощают дифферентор хотя бы у одной пары фонем).

Так, например, в русском языке [т] перед гласным (*от арки*) характеризуется ротовым взрывом, перед [н] (*от нас*) — фаукальным, перед [л] (*от лампы*) — латеральным, перед [п] (*от палки*) «его взрыв сводится только к отделению активного органа от пассивного, за которым не следует выхода воздуха»²¹. Однако все эти четыре разных [т] являются одним и тем же звуком русского языка²², разница между ними не релевантна и не осознается говорящими, несмотря на то, что ассимиляция [т] следующим [н, л,

¹⁹ Подробное изложение истории развития учения об ассимиляции в отечественном и зарубежном языкознании см.: В. А. Пурто [151].

²⁰ Л. Р. Зиндер [73, 251].

²¹ Л. Р. Зиндер [73, 235—236].

²² Определение «звука языка» см.: П. С. Кузнецов [102, 31].

п] происходит регулярно в русском языке и обязательна для говорящих.

Во втором случае, когда ассимиляция осуществляется по признакам, релевантным для системы, она приводит к замене одного звука данного языка другим звуком этого языка и может осознаваться говорящими. Таково, например, в русском языке оглушение звонких перед глухими (*тра*[в]а — *тра*[ф]ка), озвончение глухих перед большинством звонких ([к] *окну* — [г] *дому*), смягчение некоторых твердых перед некоторыми мягкими ([с]он — у[с']ни) и отверждение некоторых мягких перед некоторыми твердыми (*ко*[з']ёл — *ко*[з]ла).

При указаниях на ассимиляцию в описаниях различных языков обычно имеется в виду ассимиляция именно этого типа. Также и здесь в дальнейшем будет рассматриваться ассимиляция только этого типа.

«Ассимиляция, — писал М. Граммон, — подчиняется одному-единственному закону: закону более сильного... Никто не понял, что это единственный закон всех фонетических изменений, в которых принимают участие две фонемы» [58, 2] ²³. Чтобы выяснить лингвистический смысл определения «более сильный», примененного к явлению фонетической ассимиляции, необходимо рассмотреть сущность этого явления на фонетическом уровне (уровень «звуков языка», «аллофонов», «фонемоидов», т. е. «уровень наблюдения») и на уровне фонологическом («уровень конструктов»).

1.1. На фонетическом уровне ассимиляция представляет собой следующее изменение на синтагматической оси. Есть некоторые звуки [a, b, m]. Есть также некоторые парные признаки звуков α и β . Признак α характеризует звук [a], а признак β характеризует звуки [b] и [m]. Звуки [a] и [b] отличаются друг от друга только наличием или отсутствием признаков α и β , все остальные признаки у них совпадают. В результате ассимиляции происходит замена сочетания соседних звуков ²⁴ [am] сочетанием [bm] ²⁵. Таким образом, ассимиляцию на фонетическом уровне можно определить как замену признака α звука [a] парным признаком β под влиянием признака β соседнего звука [m].

На фонетическом уровне любой признак по отношению к парному признаку (в русском языке, например, мягкость по отношению к твердости или твердость по отношению к мягкости, звонкость по отношению к глухости или глухость по отношению к звонкости) не может считаться более «сильным». Точно так же и любой звук, обладающий признаком α , по отношению к соседнему

²³ См. также: М. Граммон [59, 185—186].

²⁴ Соседние звуки могут стоять непосредственно рядом друг с другом, но могут быть и разделены некоторыми звуками.

²⁵ Частным видом такой замены является замена [am] сочетанием [mm], в этом случае [b] = [m].

звуку, обладающему признаком β , не может рассматриваться как «более сильный» только на том основании, что он обладает указанным признаком. Все здесь зависит от точки зрения: с точки зрения наличия мягкости мягкие «сильнее» твердых, у которых этот признак отсутствует, но с точки зрения наличия твердости «сильнее» — твердые. Кроме того, каждый фонетически релевантный признак, как явление антропофоническое, представляет собой комплекс артикуляционных и акустических признаков, число и характер которых зависят от степени нашего проникновения в сущность явления. Рассматривая фонетически релевантные парные признаки с точки зрения составляющих их антропофонических признаков, можно посчитать, что один из них «сильнее» другого в каком-либо отношении, но тогда другой окажется «сильнее» в другом каком-либо отношении. Так, глухие по сравнению со звонкими более напряженные (признак артикуляционный), но звонкие по сравнению с глухими более звучные (признак акустический). Следовательно, и здесь «сила» и «слабость» признака обусловлены не его физической (антропофонической) природой, а точкой зрения говорящего (исследователя). Этим и объясняется возможность «выбора» языком в качестве различительного признака звучность ∞ незвучность (например, в русском и других славянских) или напряженность ∞ ненапряженность (например, в английском или французском). Поэтому, рассматривая ассимиляцию только как фонетическое явление (на фонетическом уровне), нельзя определить внутренние закономерности ее возникновения.

1.2. М. И. Стеблин-Каменский предлагает заменить в законе М. Граммона определение «более сильный» на «функционально более важный» [178, 16], что переводит рассмотрение вопроса в план фонологический. В каких же случаях можно говорить, что один звук (признак одного звука) функционально более важен, чем другой звук (признак другого звука)? Ответить на этот вопрос можно при сопоставлении фонетического уровня с фонологическим.

Фонемы (и архифонемы) воплощаются в звуках языка (фонемоидах), а дифференторы этих фонем (архифонем) — в фонетических признаках этих звуков (дифферентоидах). Однако фонетических признаков у звука языка всегда больше, чем дифференторов у фонемы (архифонемы), воплощенной в этом звуке. Поэтому одни признаки звука воплощают дифференторы, а другие — нет. Первые являются фонологически существенными, остальные признаки звуков фонологически несущественны²⁶.

Некоторые признаки могут быть фонологически несущественными у какого-либо звука (или ряда звуков) постоянно, во всех позициях, где употребляется этот звук. Это бывает в тех случаях, когда фонема, воплощенная в данном звуке, не обладает дифферентором, характеризующим другие фонемы. Так, например, в со-

²⁶ Ср.: Н. С. Трубецкой [187, 45].

временном русском литературном языке звонкость сонорных звуков [р, р', л, л', м, м', н, н', j] — признак фонологически несущественный, так как фонемы, воплощенные в этих звуках, не обладают дифферензором «звонкость»; палатальность звука [j] фонологически несущественна в силу того, что фонема /j/ не обладает дифферензором «палатальность». У других звуков языка некоторые признаки могут быть в одних позициях фонологически существенны, а в других позициях фонологически несущественны. Это бывает в тех случаях, когда один и тот же звук в одной позиции воплощает фонему, обладающую дифферензором, воплощенным в данном признаке звука, а в другой позиции воплощает архифонему, указанным дифферензором не обладающую. Так, например, в современном русском литературном языке глухость таких звуков, как [п, ф, т, с, ш, к], в позиции перед гласным или сонорным согласным является фонологически существенным признаком, так как в этой позиции указанные звуки воплощают фонемы, обладающие дифферензором «глухость». В позиции же перед глухими согласными или на конце слова глухость этих же звуков является признаком фонологически несущественным, так как в этой позиции указанные звуки воплощают архифонемы, не обладающие дифферензором «звонкость ∞ глухость».

Очевидно, что одним из случаев большей функциональной важности признака одного звука по сравнению с парным признаком соседнего звука является такой случай, когда у первого звука этот фонетический признак фонологически существен, а у соседнего звука парный признак фонологически несуществен.

Исходя из вышесказанного, ассимиляцию в подобном случае можно определить как замену фонологически несущественного признака α звука [a] парным признаком β под влиянием фонологически существенного признака β соседнего звука [m]²⁷.

Данное определение ассимиляции дает возможность ответить на ряд вопросов, связанных с историей ассимилятивных изменений в различных языках.

²⁷ Ср. у А. Мартине: «Синхронический анализ ассимиляций в определенном языке показывает (и это хорошо согласуется с диахроническими фактами), что, как правило, именно различительные признаки переходят с одной фонемы на другую... Если же в сочетании из двух согласных в качестве второго элемента выступает сонант, для которого звонкость не является различительной, эта звонкость никак не влияет на первую согласную, даже если она глухая... к оглушению стремится именно фонетически звонкая согласная, причем независимо от того, стоит ли она перед глухой или после глухой согласной» [117, 245—246]. Ср. у М. И. Стеблина-Каменского: «Пока голос был различительным признаком в смычных, но не был различительным признаком в предшествующих носовых и плавных, происходила регрессивная ассимиляция носовых и плавных с глухими смычными, но когда голос перестал быть различительным признаком в смычных, такая ассимиляция должна была прекратиться... И наоборот, дефонологизация голоса у смычных и его фонологизация у носовых и плавных должны были создать условия для обратной, прогрессивной ассимиляции в сочетании носового или плавного со смычным» [178, 16]; см. также [177, 34—35].

2. Так, например, в русском языке в эпоху после падения редукцированных гласных происходила ассимиляция согласных по звонкости и глухости. Изменение это заключалось в том, что глухие согласные перед некоторыми звонкими озвончались (например, [сѣб]ор > [сб]ор > [зб]ор, [с'ѣд']есь > [с'д']есь > [з'д']есь и т. п.), некоторые звонкие перед глухими оглушались (например, [сла]дѣк]о > [сла]дк]о > [сла]тк]о, [ре]ж'ѣт']е > [ре]ж'т']е > [ре]ш'т']е и т. п.). Не происходило озвончения глухих согласных перед сонорными, т. е. тоже звонкими [р, р', л, л', м, м', н, н', j], поэтому в современном русском языке и существуют сочетания этих согласных с предшествующими глухими: у[тp]о, [пл]аток, [см']ех, [кон]ешн]о, [пла]т'j]е и т. п. Известно также, что в современном русском языке на конце слова происходит некоторое оглушение сонорных согласных, особенно сильное после глухих: ср. разные по степени звонкости ∞ глухости согласные в следующих случаях: бод[р] — Пет[р], жез[л] — смыс[л], кор[м] — кос[м], жиэ[н'] — нес[н'] и т. п. В этих случаях оглушение сонорных после глухих происходило в результате прогрессивной ассимиляции²⁸. Таким образом, сочетание двух согласных, из которых первый глухой, а второй звонкий [tt], могло в русском языке изменяться в сторону озвончения глухого: [tt̥] > [tt] (пергрессивная ассимиляция), либо в сторону оглушения звонкого: [tt] > [tt̥] (прогрессивная ассимиляция); в сторону оглушения звонкого могло измениться и сочетание [tt̥] (пергрессивная ассимиляция: [tt̥] > [tt̥̥]).

Рассматривая ассимиляцию по глухости и звонкости в русском языке только как явление фонетическое, мы не сможем объяснить, например, того, почему перед сонорными не происходило озвончения глухих и почему сами сонорные после глухих могли оглушаться. Известно, что согласные звуки обладают признаком глухости или звонкости в различной степени. С этой точки зрения все согласные делятся на три группы: шумные глухие произносятся без голоса, остальные согласные — с голосом, причем большей степенью звонкости обладают сонорные, меньшей — шумные звонкие. Если считать, что согласные, обладающие большей степенью звонкости, «сильнее» согласных, обладающих меньшей степенью звонкости, то самыми «сильными» являются сонорные, затем следуют шумные звонкие и, наконец, шумные глухие. Раз шумные глухие озвончались перед шумными звонкими, то, с фонетической точки зрения, они тем более должны были озвончаться перед сонорными. Не происходило этого озвончения потому, что признак звонкость у шумных звонких был фонологически существенным, а у сонорных фонологически несущественным. Поэтому-то шумные звонкие и могли воздействовать на предшествующие глухие, а сонорные не могли; шумные глухие, у которых глухость

²⁸ См.: Р. И. Аванесов [13, 169].

была признаком фонологически существенным, тоже оказывались «сильнее» сонорных и ассимилировали их. Таким образом, указанные особенности ассимиляции согласных противоречат фонетической стороне явления и легко объяснимы с фонологической стороны.

В ряде случаев существующие в языке закономерности противоречат приведенному выше определению ассимиляции. Однако часто при ближайшем рассмотрении такие противоречия оказываются мнимыми. Так, в современном русском языке не происходит озвончения глухих согласных (т. е. не произносится звонкий на месте глухого) не только перед сонорными звуками, у которых звонкость является признаком фонологически несущественным, но и перед звонким [в], у которого звонкость фонологически существенна, так как он воплощает фонему /в/, обладающую дифферензором «звонкость». Глухие и звонкие перед [в] различаются: [с]ват — [з]ватъ, [т]вой — [д]вое и т. п. Однако следует учитывать при этом, что фонема /в/ стала «звонкой» гораздо позднее других «звонких» фонем, а именно тогда, когда в системе появилась парная ей «глухая» фонема /ф/. А до того времени фонема /в/ не обладала дифферензором «звонкость» и стояла в одном ряду с другими фонемами, воплощенными в сонорных звуках. Очевидно, ассимиляция согласных по звонкости ко времени появления у фонемы /в/ дифферензора «звонкость» уже перестала быть фонетическим изменением, превратившись в фонетическое чередование. Поэтому перед [в] и продолжали сохраняться глухие согласные.

Приведенное определение ассимиляции позволяет привлекать результаты фонетической ассимиляции для реконструкции фонологической системы языка или диалекта. В некоторых случаях при отсутствии других данных результаты фонетической ассимиляции могут быть единственным свидетельством происшедшего некогда изменения фонологической системы и указывать на относительную хронологию этого изменения. Так, в русском языке происходило оглушение звонких согласных перед /ч, ц/, поэтому в современном русском литературном языке и в большинстве русских говоров в этой позиции произносится глухой согласный в соответствии со звонким в сильной позиции; ср. о[п]чистить, о[п]царапать и т. п., о[б]мануть, о[б]играть и т. п. В современном русском языке глухость звуков, воплощающих /ч/ и /ц/, фонологически несущественна, так как фонемы /ч, ц/ не обладают дифферензором «глухость ∞ звонкость». Указанное оглушение свидетельствует, однако, о том, что в период, когда возникала и развивалась ассимиляция по глухости, фонемы /ч, ц/ были «глухими» фонемами и, следовательно, в системе фонем им были противопоставлены «звонкие» фонемы. Этими «звонкими» фонемами, очевидно, были /дж/ и /дз/, воплощавшиеся в звуках [д'ж'] и [д'з']. Впоследствии, когда [д'ж'] изменился в [ж'], а [д'з'] в [з']

и перестали различаться /дж/ и /ж/, /дз/ и /з/, фонемы /ч/ и /ц/ утратили дифференциатор «глухость», но чередование звонких в сильной позиции с глухими в позиции перед /ч, ц/ сохранилось²⁹.

3. После падения редуцированных гласных в русском языке происходила и ассимиляция согласных по мягкости и твердости³⁰. Некоторые согласные смягчались (т. е. заменялись соответствующими мягкими) перед некоторыми мягкими согласными: например, [д'в']б > [дв']б > [д'в']б; [по]д'д'бл > [по]дд'бл > [по]д'д'бл — здесь твердый звук [д] заменился мягким звуком [д'] под влиянием следующего мягкого [в'] в первом случае и [д'] — во втором. В ряде русских говоров происходило смягчение задненебных после мягких согласных, например, Ва[н'ьк]а > Ва[н'к]а > Ва[н'к']я — здесь твердый звук [к] заменился мягким звуком [к'] под влиянием предшествующего мягкого звука [н']. Одновременно с этим в русском языке происходило в некоторых случаях отвердение мягких согласных перед твердыми; например, те[м'ьн]о > те[м'н]о > те[мн]о, стра[н'ьн]ый > стра[н'н]ый > стра[нн]ый — здесь мягкий звук [м'] в первом случае и [н'] во втором заменились твердыми [м] и [н] под влиянием следующего твердого [н].

Изменение типа [t't] > [t't'] (Ва[н'к]а > Ва[н'к']я) и типа [t't] > [tt] (стра[н'н]ый > стра[нн]ый) наблюдается в одних и тех же говорах и в одну и ту же эпоху. С точки зрения распределения фонетических признаков мягкости и твердости исходные сочетания в этих случаях равны. Однако они не равны с фонологической точки зрения.

В тех говорах, где происходило изменение первого типа (прогрессивная ассимиляция), задненебные фонемы не обладали дифференциатором «палатальность», поэтому твердость звуков, воплощавших эти фонемы, была признаком фонологически несущественным. А мягкость звуков, предшествовавших задненебным, была фонологически существенной, так как эти звуки воплощали «мягкие» фонемы. Изменение второго типа (регрессивная ассимиляция) объясняется тем, что в этом случае твердость согласных, стоящих перед гласными и воплощавших «твердые» фонемы, была фонологически существенной, между тем твердость или мягкость

²⁹ В отличие от русского языка, в украинском литературном языке и во многих украинских говорах, а также в белорусском языке фонема /дж/, воплощающаяся в звуках [дж] или, реже, [д'ж'], сохранилась в 1-м лице ед. ч. глаголов с основой на -д: сиджу, ходжу (хаджу) и т. п. и в отдельных словах типа саджа, уроджай (ураджай) и т. п. (См.: Н. И. Марчук (Ботрук) [119, 81—88], там же обзор основной литературы по вопросу об истории дж в восточнославянских языках; [128, 238]). Сохранилась в украинском языке и фонема /дз/: дзвонити, дзеркало и т. п. (См.: А. А. Шахматов [214, 700]; [108, 191]). Отмечается фонема /дз/ в отдельных словах и в белорусском языке (См.: Е. Ф. Карский [85, 46]; [107, 18 и след.]).

³⁰ См.: Л. Э. Калнынь [81, 188—212].

согласного, появившегося перед таким согласным в результате падения редуцированных, могла становиться признаком, фонологически несущественным.

Такие отношения, когда твердость или мягкость согласного звука, стоящего перед другим согласным, была фонологически несущественной, сложились в древнерусском языке еще до падения редуцированных гласных. В эпоху, предшествующую падению редуцированных, мягкость и твердость согласных и переднее и непереднее образование гласных были неразрывно связаны в пределах одного мягкого или твердого слога³¹. Таким образом, дифференатор «палатальность» характеризовал в эту эпоху «мягкие» и «твердые» слоги и воплощался в ряде (переднем ∞ непереднем) гласного звука и мягкости ∞ твердости согласного звука. Следовательно, как ряд гласного, так и твердость и мягкость стоящего перед ним согласного были в этот период признаками фонологически существенными. В пределах слога могло также быть и сочетание согласных. Согласные, стоящие перед другими согласными, не противопоставлялись по твердости ∞ мягкости, поэтому твердость и мягкость согласных, стоящих перед другими согласными, были признаками фонологически несущественными.

Если в результате падения редуцированных гласных возникали сочетания согласных, неоднородные с точки зрения твердости ∞ мягкости, т. е. сочетания типа [t't] или [tt'], то эта неоднородность могла устраняться путем ассимиляции. Направление ассимиляции определялось в первую очередь тем, у какого из двух согласных твердость или мягкость была признаком фонологически существенным, а у какого — признаком фонологически несущественным³².

4. Русские говоры, знающие результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, отличаются друг от друга, как уже указывалось, по охвату этим изменением разных заднеязычных.

4.1. Отсутствие смягчения [ɣ] в южнорусских говорах объясняется, вероятно, следующим. В ряде современных южнорусских говоров существует корреляция фонем /ɣ:/[j/. В этих говорах в

³¹ См.: R. Jakobson [220, 31]; Р. И. Аванесов [3, 47—48].

³² Приведенное выше определение ассимиляции — не универсальный закон всех ассимиляций, так как рассмотренный случай, как указывалось, — только один из случаев большей функциональной важности признака одного звука по сравнению с парным признаком соседнего звука. Очевидно, в некоторых изменениях, определяемых как фонетическая ассимиляция, фонологическая несущественность (в указанном выше смысле) признака ассимилируемого звука не является необходимым условием ассимиляции, а фонологическая существенность признака ассимилирующего звука не является (при наличии первого условия) достаточным условием ассимиляции. Однако фонологическая существенность признака ассимилирующего звука — необходимое условие всякой ассимиляции, осуществляющейся по признакам, релевантным для системы звуков языка.

сильной позиции фонема /γ/ воплощается в звуке [γ], фонема /j/ — в звуке [j]: *мо[γ]у — мо[j]у, сле[γ]а — сле[j]а, день[γ]а — воронь[j]а, [γ]олый — [j]олка* и т. п. Перед /и, е/ (а также и перед архифонемами, находящимися в соответствии с этими фонемами) /γ/ и /j/ не различаются; в этой позиции фонемам /γ, j/ соответствует архи-фонема $\left| \begin{smallmatrix} \gamma \\ j \end{smallmatrix} \right|$, воплощенная в звуке [j]: *мо[γ]у, мо[j]у — мо[j]и;*

сле[γ]а, сле[j]а — сле[j]и, сле[j]е, шле[j]и, шле[j]е; день[γ]а, воронь[j]а — дѣнь[j]ими, воронь[j]ими; но[γ]а — но[j]и, но[j]е; сапо[γ]а — сапо[j]и, сапо[j]е; [j]иблый, [j]ибель, [j]иуря, [j]ипкий и т. п.³³

Корреляцию /γ:/j/ следует признать корреляцией по «твердости ∞ мягкости», так как в позиции перед /е/ (в древнерусском языке перед /б/ и /е/), в которой эти фонемы нейтрализуются, происходит нейтрализация и всех других согласных фонем, противопоставленных именно по этому признаку: /п/ и /п'/, /б/ и /б'/, /в/ и /в'/, /т/ и /т'/ и т. д. Следовательно, фонема /γ/ в этих говорах — это «твердая» фонема, а /j/ — «мягкая», и твердость звука [γ] — признак фонологически существенный.

Говоры этого типа отмечались на территории южнорусского наречия разными диалектологами³⁴, сейчас такие говоры уже почти вытеснены говорами, различающими [γ'] и [j]³⁵. Однако есть основания предполагать широкое распространение говоров этого типа в древнерусском языке³⁶.

В отличие от южнорусских говоров, в тех севернорусских говорах, которые знали не только смягчение [к] после мягких согласных, но и смягчение [γ] в слове *Ольга*, фонема /γ/, очевидно, не была «твердой» фонемой и твердость [γ] была фонологически несущественной. А это значит, что в таких говорах фонемы /γ/ и /j/ не составляли коррелятивной пары по «твердости ∞ мягкости». Вероятно, в этих говорах звуку [γ] соответствовал не [j], а [γ'].

³³ См.: Р. И. Аванесов [8, 37 и след.]. [j] на месте /γ/ наблюдается не только перед /и, е/, но и вообще, когда /γ/ оказывается перед «гласными переднего ряда», например: *стере[γ]ѹ — стере[j]ѹш, мо[γ]ѹ — мо[j]ѹш* и т. п. Однако слабую позицию для фонем /γ/ и /j/ нельзя определять как позицию «перед гласными переднего ряда», так как чередование [γ] перед [а, о, у] с [j] перед [и, е] есть чередование фонетическое, позиционное (*но[γ]а — но[j]е* как *ко[с]а — ко[с']е*), а чередование с [j] перед другими гласными «переднего ряда» есть чередование историческое, т. е. чередование фонем (*мо[γ]у — мо[j]ѹш* как *не[с]ѹ — не[с']ѹш*). Кроме того, переднее или непереднее образование гласного само зависит от твердости и мягкости предшествующего согласного. Поэтому «следует говорить о зависимости от следующей фонемы» (R. Jakobson [221, 164]), между тем как «гласные переднего ряда» — это звуки языка, воплощающие гласные фонемы, которые не обладают в русском языке дифференсором ряда.

³⁴ См.: Р. И. Аванесов [8, 38 и след.].

³⁵ С. С. Высотский, имея в виду рязанские говоры, пишет: «Факты соответствий γ — j (перед гласными переднего ряда)... сейчас встречаются уже редко... вытесняемые формами с γ'» [49, 90].

³⁶ См. об этом в главе I, стр. 51—52.

Совпадение [γ'] и [j] могло здесь произойти позднее, уже после того, как возникло смягчение [γ] в слове *Ольга* ³⁷.

4.2. Отсутствие смягчения [x] в южнорусских говорах также, очевидно, можно объяснить тем, что твердость этого звука была фонологически существенной в этих говорах. Следовательно, в южнорусских говорах в период прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] звук [x] воплощал «твердую» фонему /x/. Какая же фонема противопоставлялась как «мягкая» «твердой» фонеме /x/?

Известно, что в фонологической системе древнерусского языка отсутствовала фонема /ф/ ³⁸. Только после падения редуцированных гласных в связи с оглушением губно-зубного [в] появляется в ряде говоров звук [ф], что, вероятно, является предпосылкой для употребления этого звука в независимом положении. Так появляется в этих говорах фонема /ф/. В говорах, где произносился губно-губной [w] ([ŷ]), не появлялся, следовательно, и [ф]. Таковы были южнорусские говоры. В этих говорах в заимствованных словах чужой звук [ф] подвергался заменам. В качестве звука, заменяющего [ф], в современных южнорусских говорах шире всего используется [x], который может заменять [ф] в любом положении в слове. Преимущественно перед гласными, наряду с [x], может употребляться также сочетание [xв] ([xw, xф, xф]), в редких случаях — [п]. Мягкий [ф'] заменяется соответственно мягким [x'] или [xв'], [п']. Таким образом, в южнорусских говорах обычным является произношение типа [x]унт, [x]ома, [x]артук, Мар[x]а, ко[x]та, тор[x], Тро[x']им, [x']утиль и т. п.

Произношение [x] на месте инодиалектного [ф] и [x'] на месте [ф'], очевидно, было свойственно этим говорам и в прошлом. Свидетельством этого являются многие случаи написания в памятниках буквы *x* на месте *ф* (ѳ): *Малахей, Хилимонов, Хомка, Хралов, скухъ* и т. п. Вероятно, о неразграниченности букв *x* и *ф* (ѳ) в языковом сознании писавших говорит также употребление *ф* (ѳ) на месте *x* в таких случаях, как *Фристовор, дуфовный, фронографъ, Пафомов, фмелевая, пофу, Фрбновца* и т. п. ³⁹

Произношение [x] на месте [ф] расширяло сферу употребления фонемы /x/, но не вносило изменения в содержание этой фонемы. Иное положение получилось при замене [ф'] звуком [x'].

В ряде заимствованных южнорусскими говорами слов [x'], произносившийся в соответствии с инодиалектным [ф'], стоял перед звуком, соответствовавшим этимологическому *e* в исконно русских словах. Эта позиция для [x'] была новой, так как в русских

³⁷ Д. В. Вубрих пишет о произношении в говоре с. Пустошей ol'γ'a [36, 342]. Ср. также: А. А. Шахматов [213, 10].

³⁸ Об истории фонемы /ф/ и о звуках, выступающих на ее месте в древнерусском языке и в современных русских говорах, см.: В. Г. Орлова [134]; Н. И. Самуйлова [158].

³⁹ См.: А. И. Соболевский [170, 127—129]; В. Г. Орлова [134, 176]; С. И. Котков [96, 87, 90—93]; Н. И. Самуйлова [158, 56].

словах не было сочетания [х'е]⁴⁰. Между тем положение [х'] перед звуком, соответствующим этимологическому *е*, оказалось важным потому, что это приводило к самостоятельности, позиционной необусловленности мягкости звука [х'].

Мягкость звука [х'] освобождалась от позиционной обусловленности в результате двух процессов, проходивших в южнорусских говорах: совпадения гласных неверхнего подъема в безударных слогах (аканье в широком смысле слова) и изменения [е] > [о] подударением. Изменение [е] > [о] приводило к появлению [х'] перед фонемой /о/ в ряде широко употребительных слов: [х'ó]кла, [х'ó]дор, Пар[х'ó]н и т. п. Аканье приводило к тому, что положение перед этимологическим *е* в ряде безударных слогов перестало быть слабой позицией для «твердых» и «мягких» согласных фонем⁴¹. Так, например, при яканье, свойственном ранее всем южнорусским говорам, в первом предударном слоге звуки [а] после твердых согласных и [ä] после мягких согласных воплощали архифонему, соответствовавшую всем гласным неверхнего подъема. Разница в переднем или переднем образовании гласного зависела только от «твердости» или «мягкости» предшествующей согласной фонемы: [та]нй — [т'ä]нй, в [на]сѣ — в [н'ä]сѣ, [ба]лѣл — [б'ä]лѣл и т. п. В этой же позиции [х] перед [а] противопоставлялся [х'] перед [ä] ([ха]дóк, [ха]мѣт, [ха]рóший и т. п. — [х'ä]дóт, [х'ä]дóра, [х'ä]дóсья, [х'ä]дѣл и т. п.). И так как разница между [а] и [ä] в этой позиции сама была обусловленной, то твердость [х] и мягкость [х'] выступали как признаки самостоятельные. А появление [х] и [х'] в той позиции, где твердость и мягкость этих звуков позиционно не обусловлены, свидетельствует о том, что эти звуки воплощают разные фонемы.

Таким образом, твердость звука [х] в южнорусских говорах была признаком фонологически существенным в период прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных. Поэтому [х] и не подвергался указанному изменению.

5. Русские говоры, знающие результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, отличаются один от другого, как уже указывалось, по составу согласных, после которых происходило это изменение. В период прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычные согласные могли стоять в русских говорах после следующих мягких звуков: после перед-

⁴⁰ Еще в доисторическую эпоху перед /е/ [х] > [ш']. Точно так же не было в русских словах и сочетаниях [к, г] с последующим [е]. Мягкие заднеязычные могли стоять только перед [и] (в результате изменения [кы, гы, хы] > [к'и, г'и, х'и]), а также перед [ѣ] (в результате выравнивания основ): *кит, гибель, хитрый, рукѣ, ногѣ, сохѣ* и т. п. В литературный язык проникло некоторое количество заимствованных слов с заднеязычными перед [е] (*келия, герой, херувим* и т. п.). Однако в южнорусских говорах эти слова, по всей вероятности, не употреблялись.

⁴¹ На примере русского литературного языка см. об этом: Р. И. А в а н е с о в [13, 106 и след., 172].

неязычных [н', л', р', т', с'], после [ш'], после [ч'] и других мягких звуков, выступающих на месте этимологического ч', и после [j].

5.1. Степень мягкости переднеязычных согласных звуков неодинакова в русских говорах. Разница эта, видимо, была и в тот период, когда происходило прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных. Однако она не имела значения для ассимиляции: во всех говорах, знающих это явление, заднеязычные смягчались после всех указанных переднеязычных согласных. Объясняется это тем, что звуки [н', л', р', т', с'] во всех русских говорах воплощают и воплощали в период ассимилятивного смягчения заднеязычные «мягкие» фонемы /н', л', р' и архифонемы $\left| \frac{т'}{л'} \right|$ и $\left| \frac{с'}{з'} \right|$ и, следовательно, мягкость этих звуков была фонологически существенной.

5.2. Произношение мягкого звука [ш'] до сих пор сохраняется в некоторых севернорусских говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных. В этих говорах [ш'] возможен и перед /к/. В период ассимилятивного смягчения [к] мягкими были [ш', ж'], вероятно, не только в севернорусских говорах, но и в южнорусских⁴². Однако данные современных говоров свидетельствуют о том, что [к] после [ш'] не смягчался. Объясняется это, видимо, тем, что мягкость [ш'] была признаком фонологически несущественным, так как фонема /ш/ и архифонема $\left| \frac{ш}{ж} \right|$, воплощенные в звуке [ш'], не обладали дифферентором «палатальность».

5.3. После звуков, выступающих на месте этимологического ч', в одних говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к], произносится [к'], в других — [к]. Из данного выше определения ассимиляции следует, что звуки, выступающие на месте этимологического ч', в говорах первого типа воплощали «мягкую» фонему, а в говорах второго типа — «твердую» фонему либо фонему, не обладающую дифферентором «палатальность».

Этот вывод, однако, противоречит общепринятой точке зрения, по которой фонемы /ч/ и /ц/ в современном литературном языке и во всех русских говорах не обладают (как и в прошлом не обладали) дифферентором «палатальность» и являются внепарными по «твердости ∞ мягкости»⁴³. Между тем звуки, выступающие на месте этимологического ч', воплощают либо фонему /ч/ в говорах, различающих /ч/ и /ц/, либо фонему /ц/ в говорах цокающих.

⁴² Ср.: С. И. Котков [96, 126—127].

⁴³ См., например: Р. И. Аванесов [13, 170], [10, 150]; П. С. Кузнецов [105, 75—76]; [156, 69]; Е. Черри, М. Халле, Р. Якобсон [206, 286]; М. Халле [198, 339] и др.

5.3.1. В говорах, различающих /ч/ и /ц/, фонемы эти парные, коррелятивные⁴⁴. В литературном языке и в тех говорах, где /ч/ воплощается в звуке [ч'], а /ц/ — в [ц], фонемы эти нейтрализуются перед /ч/ в середине слова; ср.: *пота[ч']ка* — *пота[ч']чик*, *неме[ц]* — *неме[ч']чина*, *крупн[ц]а* — *крупн[ч']чатый*⁴⁵. В тех говорах, где /ч/ и /ц/ воплощаются в твердых [ч] и [ц], фонемы эти могут нейтрализоваться перед /ч/ и на стыке слов: группы /чч/ и /цч/ в сочетаниях типа *ключ чужой* и *отец чужой* воплощаются в таких говорах в одних и тех же звуках (типа [ч] с долгим затвором).

Парные, коррелятивные фонемы противопоставлены друг другу только по одному дифференктору, характеризующемуся у этих фонем противоположными знаками. По какому же дифференктору противопоставлены /ч/ и /ц/ и какие признаки звуков, воплощающих фонемы /ч, ц/, воплощают этот дифференктор?

Фонемы /ч/ и /ц/ в литературном языке, в большинстве южно-русских, а также в ряде средне- и севернорусских говоров воплощаются в звуках [ч'] и [ц]⁴⁶. Звуки эти отличаются один от другого двумя признаками, релевантными для фонетической системы в целом: [ч'] — мягкий, а [ц] — твердый и [ч'] — шипящий, а [ц] — свистящий⁴⁷. Так как фонемы /ч/ и /ц/ противопоставлены только по одному дифференктору, то, следовательно, из двух признаков, которыми отличаются друг от друга [ч'] и [ц], один является фонологически существенным (он-то и воплощает указанный дифференктор), а другой — фонологически несущественным.

А. А. Реформатский, указав на эту особенность противопоставления [ч'] — [ц], считает, что ни мягкость [ч'], ни твердость [ц] «не являются дифференциалами»: «важно, что и у <ц> и у <ч> нет пар по дифференциалу твердости — мягкости, а тем самым этот признак — не дифференциал» [153, 17]. Можно, однако, предполагать, что противопоставление фонем /ч/ — /ц/, воплощенных в звуках [ч'] — [ц], может в одних говорах существовать как противопоставление «шипящей» фонемы и «свистящей» фонемы, а в других говорах как противопоставление «мягкой» и «твердой» фонем. Свидетельством этого может быть следующее.

Как известно, многие цокавшие в прошлом говоры перешли к различению двух аффрикат. Такими были и говоры, отошедшие

⁴⁴ Ср.: А. А. Реформатский [153, 17].

⁴⁵ Примеры приведены у И. Г. Милославского [122, 133]. В действительности здесь перед /ч/ произносится не [ч'], а наблюдается лишь выдержка затвора с таким укладом органов речи, который необходим для произнесения как [ч'], так и [т'].

⁴⁶ См.: В. Г. Орлова [135, карта 5].

⁴⁷ Противопоставление [ч'] — [ц], которое здесь обозначено по признаку шипящий ∞ свистящий, можно обозначить по признаку небо-зубной ∞ зубной, или компактный ∞ некомпактный, или еще как-нибудь: в данном случае это не меняет существа дела, так как все эти признаки характеризуют одно и то же, только с разных точек зрения.

от твердого цоканья под влиянием литературного языка и соседних говоров, различавших фонемы /ч/ и /ц/, воплощенные в звуках [ч'] и [ц]. Однако пути этого отхода были различны. В одних говорах, при сохранении твердого [ц] в соответствии с [ц] нецокающих говоров, возникал твердый звук [ч] в соответствии с [ч'] нецокающих говоров⁴⁸. В других говорах, при сохранении твердого [ц] в соответствии с [ц], возникал мягкий звук [ц'] в соответствии с [ч']⁴⁹ или вообще мягкая аффриката, которой могли быть чаще всего свистящие звуки [ц', ц'ч', ц''] и другие, но также и [ч']⁵⁰. Различия в этих путях отхода от твердого цоканья объясняются, вероятно, следующим. Звук [ч'] литературного языка и соседних говоров воспринимался цокальщиками как звук, отличный от литературного и своего родного [ц]. Но одни цокальщики это отличие видели в том, что [ч'] — звук шипящий. И тогда, стараясь воспроизвести его, они произносили звук, отличающийся от [ц] именно этим признаком, т. е. произносили твердый [ч]. Другие видели отличие этого звука от [ц] в том, что [ч'] — звук мягкий. И тогда, стараясь воспроизвести его, они произносили звук, отличающийся от [ц] именно этим признаком, т. е. произносили мягкий [ц'], или средний между [ц'] и [ч'], или, наконец, [ч']. Таким образом, возникновение двух указанных диалектных особенностей обусловлено разным восприятием противопоставления звуков [ч'] — [ц], воплощающих фонемы /ч/ — /ц/: в одних случаях как противопоставления шипящий ∞ свистящий, в других — как мягкий ∞ твердый.

По-видимому, в южнорусских говорах звуки [ч'] — [ц] воплощали фонемы /ч/ — /ц/, противопоставленные как «мягкая» «твердой». Мягкость [ч'] в таких говорах была признаком фонологически существенным. Поэтому здесь и происходило смягчение [к] после [ч'].

В отличие от южнорусских говоров, в тех средне- и севернорусских говорах, которые в период прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных знали фонемы /ч/ и /ц/, воплощенные в звуках [ч'] — [ц], фонемы эти, по-видимому, были противопоставлены как «шипящая» «свистящей». Мягкость [ч'] в таких говорах была признаком фонологически несущественным. Поэтому здесь и не происходило смягчения [к] после [ч'].

5.3.2. Отсутствие смягчения [к] после звуков, выступающих на месте этимологического ч', при смягчении [к] после парных мягких переднеязычных согласных во многих говорах на востоке южнорусского ареала рассматриваемого явления, а также в группе новгородских и ленинградских говоров объясняется тем, что эти говоры в период прогрессивного ассимилятивного смягчения

⁴⁸ См.: В. Г. О р л о в а [135, 58 и след., 83 и след.].

⁴⁹ См.: Там же [83 и след.].

⁵⁰ См.: Там же [51 и след., 59, 73 и след., 83 и след.].

[к] характеризовались твердым цоканьем или различием /ч/ и /ц/, воплощенных в твердых [ч] и [ц]. Естественно, что после твердых звуков не происходило смягчения следующего [к].

В западных южнорусских говорах прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] развивалось, видимо, в тот период, когда в этих говорах на месте [ч'], у которого мягкость была признаком фонологически несущественным, стал произноситься [ч] твердый. Этим объясняется отсутствие в указанных говорах смягчения [к] после [ш'], произносящегося в настоящее время на месте предшествовавшего ему [ч] ⁵¹.

5.3.3. Смягчение [к] после [ц'], произносящегося на месте этимологического ч' в говорах с мягким цоканьем, тоже может быть объяснено с фонологической точки зрения.

В ряде говоров с мягким цоканьем, в частности на той территории, где отмечено прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, распространено произношение [шч] в соответствии с литературным [п̄'] и [ш'ч']: [шч]ука, у[шч]у, я[шч]ик и т. п. Фонологическая интерпретация такого [шч], насколько мне известно, не производилась ⁵², хотя она и имеет важное значение для понимания ряда закономерностей. Эта фонологическая интерпретация [шч] затруднена недостаточной разработанностью в языкознании вопроса об условиях определения речевого отрезка как воплощения одной или нескольких фонем, т. е. недостаточной разработанностью методики синтагматической идентификации фонем. Ряд правил такого определения установил Н. С. Трубецкой. В его первых трех правилах сочетания звуков рассматриваются с точки зрения чисто фонетической. Исходя из этих правил, указанное сочетание [шч] должно быть определено как сочетание двух фонем.

Так, по первому правилу «реализацией одной фонемы можно считать только сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам» [187, 63]. Между тем, по свидетельству О. Брока, описавшего говор с мягким цоканьем и произношением [шч], [ш] в этом сочетании «примыкало обыкновенно к предшествующему слогу» [34, 62].

По второму правилу «группу звуков можно считать реализацией одной фонемы только в том случае, если она образуется с помощью единой артикуляции или создается в процессе постепенного убывания или сокращения артикуляционного комплекса» [187, 64]. Поэтому, например, «такая группа звуков, как st, ни при ка-

⁵¹ Ср. выше, стр. 78. О времени, причинах замены [ч] на [ш'] и о фонологическом содержании этих звуков подробнее см.: Л. Л. Касатки и [89].

⁵² В специальном исследовании, посвященном рассмотрению рефлексов *ш'ч' и *ж'д'ж' в русском языке, Р. И. Аванесов указывает фонологическое содержание сочетания [шч] только в говорах нецокающих, знающих [ч] и вне этого сочетания [7, 27].

ких обстоятельствах не может быть однофонемной, поскольку здесь имеет место постепенное «нарастание» смычки, которая затем «убывает» (т. е. размыкается) [65]. Сочетание [шч] не образуется «с помощью единой артикуляции», так как здесь тоже «имеет место постепенное нарастание смычки, которая затем убывает» ([шч] = [штш]).

По третьему правилу «группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если ее длительность не превышает длительности других фонем данного языка» [65]. Мною совместно с Р. Ф. Пауфощимой в Лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР был проведен инструментальный анализ [шч] по записям на магнитной ленте в д. Самойловская Вожегодского р-на Вологодской обл. Этот анализ показал, что длительность [шч] в таких словах, как *распро[шч]ались*, *уго[шч]ать*, *и[шч]о*, *игри[шч]о* и т. п., намного превышает длительность [ш] и [с] в таких словах, как *пля[ш]ут*, *кра[ш]у*, *не[с]ут* и т. п., и примерно равна длительности сочетаний [ш] и [с] с разными согласными: *молодя[шк]а*, *поду[шк]и*, *па[шп]орт*, *[шт]о*, *ра[шш]ыбусь*, *[ст]али*, *[с'ц']ужим* и т. п. ⁵³

Кроме фонетических условий «однофонемной трактовки звуко-сочетаний», Н. С. Трубецкой выдвигает и условия фонологические, по которым, в частности, реализацией одной фонемы следует считать такие звуко-сочетания, составные части которых «нельзя понимать как реализации каких-либо других фонем того же языка» [187, 63], или, как сказано в правиле шестом, «если составная часть... группы звуков не может быть истолкована как комбинаторный вариант какой-либо фонемы того же языка» [67]. Между тем первая часть [ш] сочетания [шч] может быть истолкована как реализация фонемы /ш/ или архифонемы $\left| \frac{\text{ш}}{\text{ж}} \right|$, так как [ш] воплощает фонему /ш/ или архифонему $\left| \frac{\text{ш}}{\text{ж}} \right|$ и перед другими согласными.

Если [шч] воплощает две фонологические единицы и [ш] воплощает фонему /ш/ или архифонему $\left| \frac{\text{ш}}{\text{ж}} \right|$, то какую же фонему воплощает [ч]? В говорах с мягким цоканьем [ч] возможен только после [ш]; в этой позиции [ч] противопоставлен почти всем согласным, возможным после глухого шумного согласного ⁵⁴: ср. *подо[шв]а*, *[ш]и*, *ло[шк]а*, *ко[шк]а*, *[шл]а*, *[шм']ель*, *па[шн']я*, *о[шп]арить*, *ма[шс']я*, *уте[шс']я*, *[шт]о*, *ре[шт']е*, *землепа[шц']а*, *весну[шц']атый*, *[шш]ыть* и т. п. Поэтому [ч] воплощает фонему,

⁵³ По наблюдениям Л. Р. Зиндера, длительность [шт] в литературном языке также соответствует длительности сочетания двух звуков, воплощающих две согласные фонемы [76, 141].

⁵⁴ Невозможны в этой позиции только звонкие шумные, кроме [в].

отличную от фонем, воплощенных в этих звуках. Отсутствуют, вероятно, или, по крайней мере, отсутствовали в период прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных в рассматриваемых говорах сочетания [ш] с последующими [р, ф, х]. Таким образом, [ч] находится со звуками [р, ф, х] в отношении дополнительного распределения, что может свидетельствовать о том, что [ч] вместе с [р] воплощает фонему /р/, или вместе с [ф] воплощает фонему /ф/, или вместе с [х] воплощает фонему /х/ (является «вариантом одной из этих фонем» в позиции после [ш]). Против такого вывода говорит, во-первых, то, что [ч] не является фонетически близким ни с одним из этих трех звуков, тогда как признак фонетической близости (сходства) обычно считается необходимым условием признания нескольких звуков представителями одной и той же фонемы⁵⁵. Кроме того, отсутствовавшие в говорах сочетания [шр], [шф] и [шх] потенциально были вполне допустимы, о чем свидетельствует наличие соответствующих звонких сочетаний, а также поздних заимствований с такими сочетаниями; ср. [жр]ать, [жв]ачка; [шр]ам, [шх]уна и др. А если это так, то, следовательно, [ч] воплощает фонему, отличную от всех фонем, воплощенных в рассматриваемых говорах в позиции после [ш] в звуках глухих шумных, сонорных и [в, в'] (в том числе отличную и от фонем /р, ф, х/). Такой фонемой следует, видимо, считать фонему /ч/.

Фонема /ч/ в таких говорах, очевидно, является парной фонеме /ц/: обе они характеризуются дифферензором «аффрикатность», отсутствующим у других фонем. Как и в южнорусских говорах, эти фонемы могут быть противопоставлены по признаку «твердость ∞ мягкость», однако если в южнорусских говорах /ц/ — «твердая», а /ч/ — «мягкая», то в рассматриваемых севернорусских говорах /ц/ — «мягкая», а /ч/ — «твердая». Следовательно, мягкость [ц'], воплощающего в этих говорах фонему /ц/, — признак фонологически существенный.

В некоторых севернорусских говорах отмечено произношение [шч] не только на месте древнерусского [ш'т'ш'], но и на месте [шт]. Так, В. Мансикка указал, что в Липовке Шенкурского у. Архангельской губ., наряду с произношением [шч] в таких словах, как *вешчи*, *ошчо*, *ишока*, *шчука*, происходит замена всякого [шт] посредством [шч]: *зашчатной* (= заштатной), *Крамишчат* (= Кронштадт), *пошчовые марки*, *ишаны* (= штаны), *шчука* (= штука). При этом произносится и [ждж] также не только на месте древнерусского [ж'д'ж'], но и на месте [жд]: *вожджэ*, *вожджэй*, *дожджэ*,

⁵⁵ Ср., например: Г. Г л и с о н [53, 229 и др.]; Л. Р. З и н д е р [73, 67]; Н. С. Т р у б е ц к о й [187, 56]. Надо сказать, однако, что не существует достаточно строгого определения понятия фонетической близости и не близости звуков.

поежджай, уежджать, ждждать (при подожди), зажджи (= жакда), нужджа, одёжджа [115, 100—101]. Произношение [шч] на месте [шт] в словах *шчаны*, *шчука* (= штаны, штука) отмечено А. С. Феокистовой и мною в Костромской обл., Кологривском р-не, д. Шаблово и Галичском р-не, д. Рылеево; в этих же пунктах нами отмечено *ж'жот*, *преж'же*, *жд'жалā*, *жджы*, *вынужджена*, *вобужд'жац'а* (Шаблово) и *п'дажджы*, *блужд'жайт'ь* (Рылеево) ⁵⁶. Во всех этих трех населенных пунктах отмечено произношение местоимения *что* как [шчо].

В ряде населенных пунктов Костромской обл. при обычном [шч] и [ждж] в случаях, этимологически «правильных», также отмечены примеры с [ждж] на месте исконного [жд]: 986 ⁵⁷ *пр'еж'же* (д. Костино Судайского р-на), 1130 *уч'ир'ижджён'иф* (д. Семеньково того же р-на), 1132 *пр'еждже* (с. Долгово Парфеньевского р-на), 1152 *жджы* (д. Вонюх Кологривского р-на), 1153 *ждж'ат'*, *грозж'жён'ц'а* (с. Шилекша того же р-на). При этом в данных пунктах не отмечены примеры с [шт] на месте [шт], что может объясняться просто неполнотой материалов, вызванной гораздо более редкой употребительностью в говорах слов с исконным [шт], представляющих собой поздние заимствования, по сравнению с употребительностью слов с исконным [жд]. Правда, в указанных костромских говорах местоимение *что* произносится как [што], но, возможно, и здесь более ранним было произношение [шчо], вытесненное произношением [што].

Однако если не учитывать этих последних говоров, то тем не менее следует признать наличие таких говоров, где [ч] отмечен только в сочетании [шч], употребляющемся и на месте [шт]. В таких говорах [ч] и [т] находятся в отношении дополнительного распределения и должны рассматриваться как позиционно обусловленные варианты одной фонемы. Этой фонемой является, очевидно, /т/.

Но в интересующих нас говорах с мягким цоканьем и мягким [к'] после [ц'] произношение [шч] на месте [шт] (кроме слова [шчо]) и [ждж] на месте [жд] не отмечено ⁵⁸. О. Брок, указывая, что в описанном им говоре возможно, наряду с [што], и [шчо], считает первый вариант более древним [34, 61—62]. В этом говоре, очевидно, не было других случаев произношения [шч] на месте [шт], иначе О. Брок на них указал бы. Правда, О. Брок не приводит и примеров с [шт], но они и не были ему нужны, зато он приводит

⁵⁶ См. материалы по населенным пунктам 1122 и 1149 в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы».

⁵⁷ Данные номера соответствуют нумерации населенных пунктов «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы».

⁵⁸ По крайней мере, мне это неизвестно ни по материалам атласов, ни по другим описаниям.

примеры с [жд] в формах глагола *ждать* [57—58, 135]. На этом основании можно предположить и отсутствие замены [т] на [ч] в новом сочетании [шт] в описываемом О. Брокком говоре.

В методике синтагматической идентификации фонем существует и такая точка зрения, по которой сочетание звуков должно интерпретироваться как воплощение одной фонемы в том случае, когда один из членов этого сочетания вне этого сочетания не употребляется⁵⁹. С этой точки зрения сочетание [шч] в цокающих говорах должно определяться как воплощение одной фонемы, так как [ч] употребляется только в этом сочетании. Воплощенная в звуках [шч] фонема /щ/ характеризуется, очевидно, следующим набором дифференторов. Объединяясь с фонемой /ж/ (воплощенной в [ждж]) по признаку «неоднородность» образования⁶⁰, /щ/ противопоставлена /ж/ как «глухая» «звонкой». Объединяясь с /ш/ по признакам «глухость» и «шипящность», /щ/ противопоставлена /ш/ как «неоднородная» «фрикативной». Объединяясь с /ц/ по признаку «неоднородность», /щ/ противопоставлена /ц/, очевидно, либо как «твердая» «мягкой», либо как «шипящая» «свистящей». Таким образом, здесь возникает такая же возможность двоякого решения, как и в случаях с противопоставлением фонем /ч/ — /ц/, воплощенных в звуках [ч'] — [ц] или [ч] — [ц'].

Мягкое цоканье отмечено также в ряде мещерских, среднерусских говоров, причем В. Г. Орлова считает, что в Мещерском крае мягкое цоканье представляет собой древнюю черту [135, 93]. Если в таких говорах наблюдается прогрессивное ассимилятивное смягчение [к], то оно регулярно отмечается только после парных мягких согласных и [j] и отсутствует после [ц'] и других мягких звуков, выступающих на месте этимологического ч'. Характерно, что в этих говорах на месте **u't'u'* произносится [ш'].

Таким образом, здесь, очевидно, [ц'] был внепарным по мягкости ∞ твердости, а фонема /ц/ не обладала дифферентором «палатальность».

5.4. После /j/ в южнорусских говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных, произносится [к']. Фонема /j/ в этих говорах была «мягкой» фонемой, противопоставленной «твердой» фонеме /γ/⁶¹. Поэтому мягкость, палатальность звука [j] в позиции перед [к] была признаком фонологически существенным и вызывала изменение [к] > [к'].

В ряде севернорусских и среднерусских говоров при смягчении [к] после переднеязычных мягких согласных не происходило смягчения [к] после [j]. Объясняется это, видимо, тем, что в этих говорах, как и в литературном языке, фонема /j/ не обладала диф-

⁵⁹ См.: A. Martinet [118, 96—97]; С. К. Шаумян [209, 104].

⁶⁰ Неоднородность образования в качестве дифференциального признака принята, например, у Т. П. Ломтева [111, 33].

⁶¹ Подробнее об этом см. выше, стр. 93—94.

ферентором «палатальность» и мягкость, палатальность звука [j] была признаком фонологически несущественным.

В других севернорусских говорах смягчение [к] наблюдается и после [j]. В части таких говоров это может объясняться следующим.

Известно, что в некоторых говорах фонемы /в'/ и /j/ в определенных позициях не различаются, в этих позициях им соответствует архифонема $\left/ \frac{в'}{j} \right/$, воплощенная в звуке [j]. В части таких

говоров сильной позицией для фонем /в'/ и /j/ является положение перед гласными, слабой — конец слова: [в']еду — [j]еду, [в']яжи, [j]ежи, люб [в']и — вороб[j]и, кро[в']ить — кро[j]ить, на бро[в']ях — в кра[j]ях и т. п.; люб[в']и, любая — любо[j], кро[в']и, кро[j]и — кро[j], на бро[в']ях, в кра[j]ях — бро[j], кра[j], свекро[в']и — свекро[j], поста[в']ить — поста[j] и т. п.

Определение для фонем /в'/ и /j/ сильной и слабой позиций, т. е. позиции, в которой эти фонемы различаются, и позиции, в которой вместо них выступает архифонема $\left/ \frac{в'}{j} \right/$, должно учитывать

различия, существующие между говорами этого типа. Различия эти заключаются в том, что в одних говорах слабой позицией для фонем /в'/ и /j/, так же как и сильной, являются одни фонетические положения, а в других говорах — другие. Происхождение этих различий между говорами связано с историей противопоставления в этих говорах всех мягких и твердых губных вообще и с историей губных спирантов в частности.

Выделяется несколько фонетических положений, в которых в одних русских говорах могут произноситься мягкие губные, а в других говорах губные только твердые. Так, в одних говорах губные сохранили мягкость на конце слова; в таких говорах, наряду с голу[п'], сы[п'], се[м'], произносится мягкий звук на месте /в'/ — в говорах рассматриваемого типа [j] (примеры см. выше). В других говорах в этом положении произносятся только твердые губные: голу[п], сы[п], се[м] и, наряду с этим, поста[ф] или поста[у]. Другим таким положением является положение перед /к'/ . В одних говорах губные перед /к'/ произносятся твердо: ба[п]ки, ла[п]ки, ма[м]ки и де[ф]ки' (де[у]ки). В других говорах губные перед /к'/ смягчаются: ба[п']ки, ла[п']ки, ма[м']ки и в говорах рассматриваемого типа де[ф]ки, спра[j]ки, ла[j]ки и т. п. Говоры этой разновидности отмечены в центральных и северных районах Рязанской обл.⁶² Е. Ф. Будде отмечает в этих районах [j] на месте /в'/ и перед другими согласными: во[с]я (вовсе), бычк[о]с[с]кая (бычковская), Люб[о]я (Любовья), с марк[о]ю (с морковью) [38, 159]. Однако в ряде других говоров в этом положении могут произноситься только твердые губные, а следовательно, и невозможен [j].

⁶² См.: [17, карта 63]; Е. Ф. Будде [38, 158—159].

Таким образом, в одних говорах есть условия для неразличения в указанных положениях /в'/ и /j/ — это говоры, знающие в этих положениях произношение мягких губных, а в других говорах таких условий нет.

Вместе с тем во всех русских говорах существует произношение мягких губных, в том числе и мягкого спiranта, перед гласными. Ряд описаний свидетельствует о том, что неразличение /в'/ и /j/ может быть и в этом положении.

Так, Е. Ф. Будде приводит примеры *жыѣть* (живёт), *зүтѣ-ить* (сготовит), *ѣ Растѣи* (в Ростове), *дѣица* (девица), *упрѣить* (управить), *дѣить* (девять) [38, 158—159]. Н. А. Бобряков отмечает в говорах Киренского р-на Иркутской обл. *жыйите, настѣйт', палѣйна, найёрнѣ, брайе, чилайек, авдайеѣ, карѣе, ай-чк, пирайарнѣт, пайашиади* (повешали), *нипрайал'на, пирайа-з'ли, прѣйажакас', плайѣт* (плывёт), *зайѣт* (зовёт), *ряйѣт* (ревёт), *жыйѣт* (живёт) и др. [26, 139—140; 142]. Подобные примеры приводятся и в ряде материалов, собранных для атласов русских говоров; см., например, отмеченные Л. П. Жуковской в с. Муньга Вашкинского р-на Вологодской обл., наряду с *постѣј* (поставь), также и *зойѣт, лойѣт, по трайе, поейл'и, по канѣе, челоѣк, д'ейш-н'ик, кос'ѣишиш, полойну, д'еер', вѣѣ* (вдове), *постѣат* (поставят) или отмеченные С. К. Пожарицкой, наряду с *готѣј, крој, постѣј*, также и *заготѣил, остѣит'е, солоѣц'к'и, жыит'е, услѣиѣ, прѣили, ф конѣ, ф траѣ, сплѣат, настѣат, жыѣт* в д. Киселево Чарозерского р-на Вологодской обл., где между гласными обычно не произносится и этимологический [j] ⁶³. Возможно, также о прошлом неразличении /в'/ и /j/ свидетельствует часто встречающееся произношение *суравешки* (сыроежки) ⁶⁴ и широко распространенное *можжевельник*, где /в'/ появляется на месте /j/ ⁶⁵.

Какая же позиция является сильной для /в'/ и /j/ в таких говорах, где неразличение этих фонем отмечается и перед гласными? Небольшое количество описаний таких говоров и отсутствие в этих описаниях подробной картины «взаимоотношения» фонем /в'/ и /j/ позволяют ответить на этот вопрос только предположительно.

Вероятно, такой позицией может быть положение перед гласными не после гласных, т. е. в начале слова и после согласных ([в']*еду* — [j]*еду*, с[в']*еситъ* — с[j]*естъ*). В этой позиции раньше, чем в других позициях, губно-зубной звук [в] появляется на месте

⁶³ См. в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы» материалы по населенным пунктам 118 и 138.

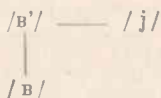
⁶⁴ См.: Е. Ф. Будде [38, 163].

⁶⁵ См.: А. И. Соболевский [170, 142]. Появление в словах *суравешки, можжевельник* [в'] на месте этимологического [j] может представлять собой гиперизм — широко известное явление, заключающееся в том, что при переходе от неразличения двух единиц к их различению возникают случаи неправильного (с точки зрения диалекта, различающего эти единицы) употребления одной единицы вместо другой.

старого губно-губного [w] и вытесняет этот [w]⁶⁶. А между тем произношение [j] на месте /в'/ возникало именно в связи с губно-губным образованием этого спيرانта⁶⁷.

Говоры, знающие неразличение в определенных позициях фонем /в'/ и /j/, отмечены двумя довольно компактными группами на территории европейской части РСФСР — одна в центре и на севере Рязанской обл.⁶⁸, другая на северо-западе Вологодской обл.⁶⁹ Отмечены такие говоры и в Сибири⁷⁰. По-видимому, во всех этих говорах указанная система уже не является в настоящее время единственной, а сосуществует с вытесняющей ее системой, где /в'/ и /j/ различаются во всех позициях⁷¹. О более широком распространении в прошлом говоров с неразличением в слабой позиции /в'/ и /j/ свидетельствуют, в частности, отмеченные единичные примеры с /j/ на месте /в'/ и в говорах других территорий⁷². Широко распространены в русских говорах употребляющиеся и в литературном языке наречия *домой*, *долой*, возникшие из древнерусских *домови*, *долови* в результате редукции и отпадения конечного *и*⁷³.

В говорах указанного типа фонема /j/ является коррелятивной «мягкой» фонеме /в'/, противопоставленной по дифференктору «палатальность» «твердой» фонеме /в/.

Если при этом /j/, как и /в'/, является «мягкой» фонемой, то и архифонема $\frac{в'}{j}$ тоже «мягкая». Если же /j/ не обладает дифференктором «палатальность», а /в'/ обладает им и является «мягкой»

⁶⁶ См.: В. Г. Орлова [134, 171 и след.]. Ср. указание Н. А. Бобрякова на то, что в говорах Киренского р-на Иркутской обл. «противопоставленность фонем *в* — *в'* последовательно отражается в положении после согласных перед гласными (*сват* — *свят*), а также в начале слов перед гласными (*вал* — *вял*, *вос* — *вёс*, *выт'* — *вит'*). В интервокальном положении эта противопоставленность выступает весьма непоследовательно: здесь на месте *в* «может выступать губно-губной *w*», «на месте *в'*... часто произносится *j*» [26, 140].

⁶⁷ См.: Е. Ф. Будде [38, 319—320]; А. А. Шахматов [212, 35, 69].

⁶⁸ См.: [17, карта 64]; Е. Ф. Будде [38, 158 и след.].

⁶⁹ См. в «Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы» соответствующую карту, подготовленную к печати А. К. Васильевой.

⁷⁰ См., например: Н. А. Бобряков [26].

⁷¹ Ср.: С. С. Висотский [49, 90—91].

⁷² А. М. Селищев отмечает *обуй* (обувь) «в разных местах Сибири» [164, 40]; в материалах атласов русских говоров отмечено произношение *д'э'эjk'и*, *тpэ'jk'и* в с. Крапивна Ульяновского р-на Калужской обл. [48, нас. пункт 727] и произношение *д'э'jk'и* в Орловской обл.: в с. Ивановское Хотынецкого р-на, с. Кривцова Плота Должанского р-на, д. Сетенева Дросковского р-на [19, населенные пункты 66, 297, 313].

⁷³ О происхождении форм *домой*, *долой* в связи с «совпадением» /в'/ и /i/ в звуке [j] см.: Е. Ф. Будде [38, 148—149].

фонемой, то архифонема $\left| \frac{в'}{j} \right|$ также должна обладать дифферен-
тором «палатальность» и являться «мягкой» архифонемой.

Дело в том, что если какие-либо две фонемы коррелятивны, то они обладают одним и только одним дифферензором, характеризующимся у этих фонем противоположными знаками. Архифонема, соответствующая этим фонемам, данным дифферензором не обладает. При этом в одном случае коррелятивные фонемы могут отличаться только одним дифферензором, а именно тем, который характеризуется у них противоположными знаками. Тогда остальные дифферензоры этих фонем полностью совпадают, а набор дифферензоров архифонемы, соответствующей данным фонемам, состоит из тех дифферензоров, которые полностью совпадают у данных коррелятивных фонем. В другом случае коррелятивные фонемы могут отличаться больше, чем одним дифферензором. Может быть так, что одна из этих фонем обладает каким-либо дифферензором, а другая фонема этим дифферензором не обладает. Тогда соответствующая им архифонема также будет обладать указанным дифферензором с тем же знаком, что и у первой фонемы ⁷⁴.

Следовательно, у звука [j], воплощающего фонему /j/, мягкость может быть признаком фонологически несущественным, но у звука [j], воплощающего архифонему $\left| \frac{в'}{j} \right|$, мягкость должна быть признаком фонологически существенным.

В вологодских говорах данного типа в период прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных позиция перед /к/ для фонем /в'/ и /j/ была слабой: в этой позиции «мягкая» архифонема $\left| \frac{в'}{j} \right|$, воплощенная в звуке [j], противопоставлялась «твердой» архифонеме $\left| \frac{в}{л} \right|$, воплощенной в звуке [y]; ср.: *ста[j]ка* (ставка и стайка) и *ста[y]ка* (ставка), *па[й]ка* (палка); *гото[j]ка* (готовь-ка) и *гото[y]ка* (готовка); *ла[j]ка* (лай-ка, лайка) и *ла[y]ка* (лавка); *приба[j]ка* (прибавь-ка), *ба[j]ка* (байка) и *приба[y]ка* (приб-вка, *ба[y]ка* (балка) и т. п. Поэтому в говорах такого типа и возникало смягчение [к] после [j].

История прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных в русских говорах

1

1. В памятниках письменности написания, которые могут свидетельствовать о произношении [к', г', х'] после мягких согласных, довольно редки. Д. К. Зеленин считает, что «несомненные случаи м.ж в памятниках начинают встречаться лишь с самого конца

⁷⁴ Ср.: Л. И. Богораз [27, 163].

XV-го века» [72, 22]. Кроме примеров, данных А. И. Соболевским [170, 131—132], Д. К. Зеленин приводит несколько других, описывая и анализируя их все очень подробно [72, 22—32]. К сомнительным Д. К. Зеленин относит написание «пагубу еретическую» в Псковском прологе 1383 г. [29—30] и написание «бочку» в письме 1489 г. игумена Герасима Поповки к игумену Волоцкому Иосифу Санину [31]. В отраженных в памятниках псковских, новгородских и двинских формах им. п. ед. ч. м. р. прилагательных на *-кей* (*купечкей, свьискей князь, неревьскей коньць* и др.) Д. К. Зеленин вслед за А. А. Шахматовым и вопреки А. И. Соболевскому и Е. Ф. Карскому отказывается видеть результат прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных [30—31].

Другие примеры, указывающие на прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, отмечаются различными исследователями в южнорусских письменных памятниках, начиная с конца XVI в.⁷⁵ «Текстов бесспорно южновеликорусского происхождения, относимых к более раннему времени, чем вторая половина XVI в., не сохранилось...»⁷⁶.

В Пандектах Никона Черногорца по Ярославскому рукописному списку XIV в. А. Г. Исакин обнаружил написание «толь(ская)», «что означает принадлежащая (рукопись) Толгскому монастырю... Форма слова «Тольская» фонетически дважды засвидетельствована другим памятником письменности, хранящимся в рукописном фонде Ярославского Областного краеведческого музея (памятник 1694 г.) [78, 81]. А. Г. Исакин считает, что «переход формы «Толга» в «Толья» объясняется явлением прогрессивной ассимиляции задненебных согласных предшествующим мягким согласным звуком: *Ванька — Ванькя, чайку — чайкю, Ольга — Ольгя*, а затем *Ольгя — Олья (Тольгя — Толья)*» [81]. Однако форма *тольская* («от Толга — местечка, находящегося в 8 км от г. Ярославля вверх по р. Волге» [78, 78]) может получить и иное объяснение. Прилагательное, образованное от имени *Тол(ь?)га* с суффиксом *-ьск(-ск-)*, должно было иметь форму *тол(ь)жская*, которая изменилась в *тольская* в результате уподобления [ж] следующему [с] и стяжения двух [с]⁷⁷.

К примерам, отражающим прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в севернорусских памятниках и приведенным у Д. К. Зеленина, могу прибавить лишь сообщенные мне Р. В. Бахтуриной примеры *Иванкя, Богданкя, деньгя* в Муромской сотной 1573—1574 гг. Частично этот памятник был опубликован в Актах Юридических, где давалось написание *Ивашкя*.

⁷⁵ См.: Н. П. Гриנקова [61, 156—157]; С. И. Котков [95, 52—53], [96, 125—126]; А. К. Колесниченко [93, 137—138]; В. Н. Новопкровская [132, 167—168].

⁷⁶ С. И. Котков [96, 3].

⁷⁷ Ср. *Вольск* — город на Волге.

Д. К. Зеленин привел этот пример, указав, что «других случаев с м.к... нет» [72, 26].

2. Так как бесспорные случаи, отражающие рассматриваемое явление, впервые встречаются в памятниках письменности с конца XV в., то, следовательно, возникло данное явление не позднее XV в. Это, так сказать, верхняя граница того периода, когда могло возникнуть прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных. Какова же нижняя граница этого периода? Иначе говоря, где тот рубеж, раньше которого не могло возникнуть данное явление?

Один из вопросов, которые следует рассмотреть в этой связи, это вопрос о том, насколько мы можем здесь полагаться на данные письменности. Могло ли прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных, возникнув, не получить отражения в письменных памятниках в течение длительного времени, или время это не могло быть большим?

Д. К. Зеленин видел одно из доказательств того, что «неорганическая палатализация задненебных не могла возникнуть в глубокой древности, напр. в XII или XIII-м веке», в том, что его отражение отсутствует в письменных памятниках этого времени [72, 22].

Выше было высказано предположение, что возникновение прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных было связано с тем, что фонемы /к, г, х, γ/ не обладали дифферензором «палатальность» и признаки твердость у звуков [к, г, х, γ] и мягкость у звуков [к', г', х', γ'], воплощающих эти фонемы, были фонологически несущественны. В эту эпоху звуки [к, г, х, γ] и [к', г', х', γ'] находились в дополнительном распределении (были вариациями одних и тех же фонем, по терминологии московской фонологической школы), и твердость одних и мягкость других были всегда позиционно обусловлены. При таких отношениях твердость и мягкость задненебных не должны были осознаваться говорящими; ср., например, подобные отношения в современном русском языке, когда говорящие не осознают разницы между звонкими и глухими сонорными звуками: *сно*[р] и *Пет*[р] и т. п., или разницы между [ч'] и [д'ж']: *до*[ч'] *моя* и *до*[д'ж'] *была* и т. п., или между [ц] и [дз]: *оте*[ц] *мой* и *оте*[дз] *был* и т. п. Звуки [к] после твердых согласных в таких словах, как *бан*[к]а и т. п., и [к'] после мягких согласных в таких словах, как *бань*[к']я и т. п., в эту эпоху для говорящих представляли собой тождество, не различались; в словах [банка] и [бан'к'а] говорящие различали только [н] и [н'], эту разницу они и должны были обозначить; разницы же между всеми остальными соответственными звуками говорящие не осознавали и, следовательно, не могли ее обозначить на письме. Не получают отражения на письме не только «вариации фонем», редко отражаются в письменности и такие, например, «варианты фонем», как мягкие согласные, позиционно обусловленные следую-

щими мягкими: *o[t']нять*, *[d']ве*, *[s']леза*, *[z']десь* и т. п. Таким образом, до тех пор, пока мягкость звуков *[к', г', х', ɣ']* была во всех случаях позиционно обусловлена, она не могла получить на письме особого обозначения. При таком условии прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных могло возникнуть и раньше XV в., в любую, в том числе и дописменную эпоху.

2

Могло ли возникнуть прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных до падения редуцированных?

Д. К. Зеленин считает, что «изучаемое нами явление никоим образом не может быть отнесено к праславянской эпохе: если бы в праславянскую эпоху существовала форма *донькя*, то она перешла бы в **доньча* (при первой палатализации) или же в *доньця* (при второй палатализации); между тем ничего подобного в русских формах мы не видим» [72, 21]. Но, может быть, данное явление возникло после того, как закончилась вторая палатализация и до падения редуцированных?

Из принятия такой гипотезы следует, что смягчение заднеязычных вызывалось не предшествующим мягким согласным, а предшествующим гласным переднего ряда: *Ван[ьк]а > Ван[ьк']я*. Такое явление могло быть подобным так называемой третьей палатализации (**овька > овьца* и т. п.), но отличалось бы от нее тем, что при третьей палатализации твердые заднеязычные изменялись в мягкие свистящие, а здесь — в мягкие заднеязычные. Как и при третьей палатализации, данное смягчение не должно было происходить перед [ъ]: *пън[ьк]а*, но *пън[ькъ]* и т. п. (Предположению о том, что смягчение происходило и перед [ъ], но после падения редуцированных конечный [к'] отвердел: *пънь[к']ъ > пънь[к']ъ > пънь[к']ь > пень[к'] > пень[к]* — ср. отвердение конечных губных, — противоречит наличие только твердого [к] в севернорусских говорах в случаях типа *пень[к]-от* из *пънькъ-тъ*.) Из подобного предположения следует также, что рассматриваемое смягчение ранее было распространено на всей или большей части восточнославянской территории, а затем было утрачено украинским и белорусским языком и рядом русских говоров; ср. сохранение ряда явлений с древнерусской эпохи в одних восточнославянских языках или их диалектах и утрату в других: оканье, мягкость [ч'], мягкость губных перед конечным [ь], а затем в конце слова и т. п.

Однако гипотеза о возникновении прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных до падения редуцированных должна быть нами отвергнута ввиду того, что, исходя из этой гипотезы, большое количество фактов не может быть объяснено — по крайней мере, в настоящее время. Так, из данной гипотезы следует, что смягчение происходило не после всех гласных переднего ряда, а только после [ь]: *Вань[к']я* и т. п., но *рѣ[к]а*,

те[к]ати и т. п. Это, однако, противоречит тому, что нам известно о палатализующем влиянии гласных в древнерусском языке: [ь] в этом отношении не отличался от других гласных переднего ряда. Не объяснимы случаи с несмягченным [к], оказавшимся в результате выпадения [ь] после [ш], звуков, выступающих на месте этимологического ч', и [j]: *кошка* (< *кошька*), *дочка* (< *доцька*), *дай-ка* (< *дажь-ка*) и т. п.

Следовательно, единственно приемлема общепринятая точка зрения, что прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных возникло после падения редуцированных и было одним из его последствий.

Известно, что «падение редуцированных осуществлялось не одновременно на всей территории, занятой древнерусским языком. По-видимому, оно раньше начинается на юге и лишь постепенно захватывает более северные территории»⁷⁸. А. А. Шахматов считал, что падение редуцированных «началось диалектически не раньше середины XII века» [217, 217], «но завершилось вполне в течение XIII века» [229]. Р. И. Аванесов полагает, что это явление «имело место в древнерусском языке в течение XII — первой половины XIII в., сначала на юге, где процесс завершился в середине XII в., и позднее на севере» [11, 26].

Таким образом, прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных не могло начаться раньше середины или конца XII в. в южнорусских говорах и раньше середины или конца XIII в. — в севернорусских говорах.

3

1. Д. К. Зеленин считал, как уже указывалось, что прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных возникло в южнорусских говорах в XV в. А. А. Шахматов выдвинул предположение, что «мягкое *к* было исконно свойственно всему южновеликорусскому наречию, следовательно... это племенная черта степного, южновеликорусского населения... Мягкое *к* явилось в восточной части восточнорусского или среднерусского племени после того, как она отделилась от западной, в силу известных условий оставившей степь и наводнившей Белоруссию и северо-западный край... Мягкое *к* явилось после падения глухих, следовательно, после XII в. Весьма возможно, что смягчение задненебных произошло тотчас же после выпадения полукраткого ь, им предшествовавшего...» [211, 351—352].

С точкой зрения А. А. Шахматова о племенном общеюжновеликорусском происхождении «мягкого *к*» соглашается Н. П. Гринкова, считающая, что «смягчение задненебных в южнорусских диалектах — явление древнее, восходящее к племенным диалектным особенностям, свойственным восточной группе восточнославянских диа-

⁷⁸ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов [31, 100].

лектов. Этим звуковым явлением данные диалекты отличались от прочих групп — южных и северных (то есть предков украинских и севернорусских диалектов)» [61, 261].

Несостоятельность этой концепции Н. П. Гринковой В. Г. Орлова видит в том, что «смягчение *к* мы встречаем лишь под влиянием мягких предшествующих согласных в случаях сравнительно нового словообразования, что говорит о смягчении *к* в эпоху после падения редуцированных гласных, иначе в словах *денька*, *Федька*, *Ванька* вместо *к* развилось бы *ц*. Характерен также и самый факт, что смягчение *к* отсутствует в подавляющем большинстве говоров после *ш* (исконно палатального, затем отвердевшего согласного) и представлено после ряда согласных вторичного, более позднего, смягчения (*д'*, *т'* и т. п.)» [137, 328—329].

С. И. Котков в работе [95], соглашаясь с мотивами, приводимыми В. Г. Орловой [54], делает предположение о том, что в орловских говорах смягчение [*к*] появилось после утраты затвора аффрикатой [*ч'*] [51]. А эта утрата, по мнению С. И. Коткова, была связана с утратой затвора и у [*ц*] и произошла в результате диалектного взаимодействия «вдоль рубежа, существовавшего в этих местах со второй половины XIV примерно до конца XV в. между Московским государством и Литвой» [41 и след.].

Однако это предположение С. И. Коткова о времени возникновения смягчения [*к*] в орловских говорах аргументировано недостаточно. Оно основано лишь на том, что в отличие от других южнорусских говоров в западных говорах южнорусского наречия [*к*] не смягчается после [*ш'*], выступающего на месте этимологического *ч'*. Между тем, можно предполагать, как я писал в статье [88], что на западе южнорусского наречия не было условий для смягчения [*к*] после этимологического *ч'* ни в начале XVI в., ни в XV в., когда на этой территории стал произноситься твердый [*ч*]. Если же прогрессивное ассимилятивное смягчение [*к*] на этой территории возникло еще в XIV в., то впоследствии это явление должно было бы иметь такую же структуру — отсутствие смягчения [*к*] после этимологического *ч'*. Следовательно, только в том случае, если будет доказана невозможность возникновения прогрессивного ассимилятивного смягчения [*к*] в западной части южнорусского наречия до отхода ее к Литовско-Русскому государству, т. е. до середины XIV в., — можно будет принять предположение о более позднем возникновении явления на этой территории [88, 44—46].

Позднее С. И. Котков писал о смягчении [*к*] в южнорусских говорах следующее: «Вопреки мнению Д. К. Зеленина, который думал, что оно появилось не ранее XV в., и нашим первоначальным предположениям, допускаем возможность его развития в XIV в.» [96, 128]. Однако С. И. Котков не объясняет, чем обусловлен выбор им именно этого времени.

2. Ряд фактов помогает установить относительную и абсолютную хронологию рассматриваемого явления.

2.1. Прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] возникло в южнорусских говорах после возникновения аканья, которое, как считает Р. И. Аванесов, «развилось, примерно, во второй половине XII — первой половине XIII в.» [11, 28]. Именно в результате аканья стало невозможно смягчение [х], твердость которого начала восприниматься как признак фонологически существенный⁷⁹. Однако смягчение [к] возникло на раннем этапе развития аканья. Этот этап характеризовался следующими чертами.

В предударном положении не различались только гласные неверхнего подъема. В большинстве современных акающих говоров в ряде позиций не различаются гласные фонемы неверхнего подъема и /и/. Так, например, в говорах с диссимилятивным аканьем и яканьем в первом предударном слоге перед ударенным [а] различаются только две фонологические единицы. Фонема /у/ воплощается в звуке [y] после твердых согласных и [ʏ] после мягких: [су]дѧ — [с'ʏ]дѧ и т. п. Всем остальным фонемам соответствует архифонема, воплощенная в звуке [ъ] после твердых согласных и [и] после мягких: ср.: [бы]ж, [бо]ж — [бъ]жѧ, [со]ж, [са]ж — [съ]жѧ; [п'и]л, [т'ѧ]ло, [в'о]л, [п'ѧ]тый — [п'и]лѧ, [т'и]лѧ, [в'и]лѧ, [п'и]п ѧк и т. п. Здесь позицией после твердого и мягкого согласного обусловлена как разница между [y] и [ʏ], так и разница между [ъ] и [и]. Следовательно, твердость согласных перед [ъ] и мягкость их перед [и] всегда фонологически существенны. Поэтому в таких говорах в этой позиции противопоставлены и [к] — [к']: ср.: [къ]тѧ — [к'и]тѧ, [къ]вѧтъ — [к'и]вѧтъ и т. п. Такие же отношения наблюдаются во многих южнорусских говорах во втором предударном слоге, где на месте фонем /и, ѣ, е, о, ѡ, а/ выступает [ъ] после твердых согласных и [ь] после мягких: [мъ]ло, [мѡ]лот, [мѡ]крый, [мѧ]ло — [мъ]ловѧр, [мъ]лотѡк, [мъ]кротѧ, [мъ]ловѧт; [х'р'и]н, [л'ѧ]с, [в'ѧ]рх, т[р'ѡ]нка, [п'ѧ]тый — х[р'ь]пловѧт, [л'ь]совѡб, [в'ь]рховѡй, т[р'ь]пакѧ, [п'ь]такѧ⁸⁰. В таких случаях разница между [ъ] и [ь] тоже позиционно обусловлена и твердость и мягкость предшествующих согласных, в том числе и твердость и мягкость заднеязычных, фонологически существенны: ср.: [к'ь]слотѧ, [к'ь]росѡи и [къ]расѧ, [къ]раблѧ и т. п. Такие же отношения между [к] и [к'] складываются в икающих и якающих говорах при неразличении в ряде позиций /и, ѣ, е, о, ѡ, а/⁸¹. Противопоставление в одной и той же позиции [к] и [к'] возникает в этом случае в связи с появлением неразличения фонем неверхнего подъема и фонемы /и/, так как [к] возможен перед фонемами неверхнего подъема и архифонемой, им соответствующей (и перед /у/, что в данном случае не имеет значения), а [к'] — в исконных словах только перед /и/.

⁷⁹ См. об этом выше, стр. 95—96.

⁸⁰ В ряде говоров в это неразличение включается и фонема /у/: г[р'ь]зовѡй (грузовой и грозовой), [съ]ндукѡй, [дъ]ракѡй и т. п.; также и после мягких согласных: [л'ь]доед, [ч'ь]деса, [ч'ь]гунѡй и т. п.

⁸¹ В ряде говоров /б/ и /в/, /ѡ/ и /о/ не различаются и в сильной позиции.

Следовательно, прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] возникло до того, как в неразличение гласных неверхнего подъема включилась еще и фонема /и/, так как это неразличение фонем /и/ и /ѣ, е, о, ѡ, а/ привело к появлению противопоставления [к] и [к'].

На начальных этапах аканье в широком смысле представляло собой, по-видимому, неразличение только гласных неверхнего подъема⁸². В первом предударном слоге после мягких согласных на месте /ѣ, е(о), а/ в ряде позиций произносился звук типа [е]. Свидетельство этого — написание буквы *е* в этих позициях не только вместо ѣ, но и вместо я во многих южнорусских памятниках XVII в. (*девеноста, резанец* и др.)⁸³. Однако в эту эпоху в ряде говоров возникало уже произношение [и] вместо такого [е], в результате чего появлялось неразличение в некоторых позициях фонем /ѣ, е(о), а/ и /и/. Об этом, по-видимому, говорят редкие написание буквы *и* на месте предударных ѣ, е (*двинацати, Стипанов* и др.)⁸⁴, а также написание буквы *е* на месте и (*звенегород[с]кого, Феногенов*)⁸⁵. Таким образом, на смену произношению типа [л'и]с—[л'и]сѣ, но [б'ѣ]ды — в [б'е]дѣ, [с'ѣ]ла ([с'о]ла) — в [с'е]лѣ, ст[р'а]пять — в ст[р'е]пнѣ пришло произношение [л'и]сѣ и в [б'и]дѣ, в [с'и]лѣ, в ст[р'и]пнѣ и т. п. Аналогичный переход произошел, но гораздо позже, от еканья к иканью в литературном языке.

Прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] возникло, очевидно, на том этапе, когда аканье, т. е. неразличение гласных неверхнего подъема, сформировалось только в предударных слогах, а в заударных эти гласные еще различались.

Дело в том, что если в предударном положении [к'] в русских словах мог быть только перед /и/, то в заударных слогах [к'] появился не только перед /и/ (*рѣки, волки* и т. п.), но и перед /ѣ/ в результате выравнивания основ (*пѣлкѣ, на востѣкѣ* и т. п.). Неразличение всех гласных неверхнего подъема приводило к тому, что в соответствии с фонемами /ѣ, е(о), а/ в заударном положении стала выступать одна архифонема. При этом твердость и мягкость согласных, противопоставленных перед этой архифонемой, в том числе и твердость [к] и мягкость [к'], оказывались во всех случаях фонетически существенны; ср.: *пѣл[кѣ] — пѣл[к'ѣ], с востѣл[кѣ] — на востѣл[к'ѣ]* и т. п.

Известно, однако, что во многих акающих говорах, в том числе и в литературном языке, в заударном конечном открытом слоге до сих пор сохранилось различное произношение гласного, восходящего к ѣ, и гласных, восходящих к е, а: им., род. и вин. падежи ед. ч. *пѣл[л'ѣ]* или *пѣл[л'а]* и пр. п. ед. ч. *в пѣл[л'ѣ]* или *в пѣл[л'и]*⁸⁶.

⁸² Именно такое определение аканья дает Р. И. Аванесов [10, 62].

⁸³ См.: С. И. Котков [96, 64—65].

⁸⁴ См.: Там же [66—69].

⁸⁵ См.: Там же [78].

⁸⁶ Р. И. Аванесов [10, 118].

В таких говорах не возникало противопоставления [к] и [к'] в одной позиции, так как [к] выступал только перед фонемами /о, ѡ, а, у/ и перед архифонемой $\left/ \frac{\omega}{a} \right/$ (*пѧл[кѣ]* и т. п.), а [к'] — только перед фонемами /и, ѣ/ и архифонемой $\left/ \frac{и}{ѣ} \right/$ (*от пѧл[к'и]*, *на пѧл[к'и]* или *от пѧл[к'ѣ]*, *на пѧл[к'ѣ]* и т. п.).

2.2. Решению вопроса о времени возникновения прогрессивного ассимилятивного смягчения [к] в южнорусских говорах могут помочь данные о территориальном распространении этого явления.

По данным конца XIX — начала XX в. (см. карту 9), рассматриваемое явление распространено на всей территории бывшей Коломенской земли и на самом юге Московского княжества (в границах 1300 г.)⁸⁷. Если считать вслед за А. А. Шахматовым, что в Москве, а следовательно, и в говорах Подмосковья «мягкого к» никогда не было [211, 240—242], то следует признать, что в коломенских говорах это явление возникло либо до присоединения Коломны к Москве, когда Коломна входила в Рязанское княжество, либо в результате последующего воздействия южнорусских говоров.

Л. Э. Калнынь считает, что «изменение к в к' в коломенских говорах не является результатом органического процесса, а распространилось под влиянием ю-в-р говоров», так как «говоры с изменением к в к' сосредоточены преимущественно на юго-западной и юго-восточной окраинах коломенской территории, т. е. в местах, менее связанных с Москвой, там, где южное влияние в наименьшей степени встречало сопротивление Москвы». «Появление неорганического смягчения к в коломенских говорах как раз и следует связывать с интенсивным влиянием ю-в-р говоров на говоры северо-восточной Руси, имевшим место в XVI—XVII вв.» [80, 42]. Л. Э. Калнынь, однако, не учла при этом того, что современные данные не отражают прежнего распространения этой черты в коломенских говорах. Как указывалось, по данным конца XIX — начала XX в., это явление было распространено во всех коломенских говорах. Между тем, как указывает Л. Э. Калнынь в другой связи, «в коломенских говорах... не южновеликорусские особенности продвигаются на север, а, наоборот, северновеликорусские — на юг» [80, 52]. Поэтому предположение о том, что [к'] после мягких согласных в коломенских говорах возник после присоединения Коломны к Москве в результате влияния тульских и рязанских говоров, должно быть нами отвергнуто в пользу предположения о том, что это явление возникло в коломенских говорах до присоединения Коломенской земли к Московскому княжеству. Присоединение это произошло в 1300 г.⁸⁸ Поэтому прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] в южнорусских говорах возникло

⁸⁷ Ср.: [139, карта 1].

⁸⁸ См.: [139, 140].

до 1300 г.⁸⁹, а так как оно не могло, как указывалось выше, возникнуть в XII в. и ранее, то, следовательно, время его возникновения — XIII в.⁹⁰

При этом надо учитывать, что некоторые разновидности явления могли сложиться не сразу, а спустя определенное время. Так, в южнорусских говорах смягчение [к] после [ч'], видимо, возникало позднее, чем после парных мягких согласных, в XIV или даже XV в., когда [ц'] > [ц] и фонемы /ч/ — /ц/ стали противопоставляться как «мягкая» «твердой».

3.1. Такой вывод, однако, возможен только в том случае, если признать, что в Москве данного явления не было, как нет его и сейчас. Если же оно было распространено и в Москве и только впоследствии произошел отход от [к'] после мягких согласных и вновь здесь восстановился [к] (так считал Д. К. Зеленин [72, 530—531]), то в коломенских говорах явление могло возникнуть под московским влиянием. Таким образом, важное значение приобретает вопрос о наличии [к'] после мягких согласных в языке Москвы.

Д. К. Зеленин подтверждает свое предположение о «существовании м.к в говоре гор. Москвы XVI-го века» ссылкой на «акты 1517 и 1521 г., писанные, по-видимому, московскими писцами» [72, 530]. В этих актах отмечены написания *Степанкя*, *Володкю*, *Наскя* и др. [72, 24—25]. «Но, — писал А. А. Шахматов, — конечно, прямых указаний на московское происхождение писцов обоих этих документов мы не имеем» [211, 339—340]⁹¹.

В написанном в Москве Чудовском сборнике 1540 г., как показало исследование Т. А. Сумниковой, встречаются примеры, «свидетельствующие о наличии в говоре писца прогрессивной ассимиляции заднеязычных по мягкости»: *горьке* (нарекание) — 5 раз, *горке* — 3 раза, *го(р)ке* — 2 раза, *горькюю*, *горькюу*, *горькею*, *го(р)кяго*, *деньгами* — 3 раза [182, 169]. Однако на основании сравнения орфографии сборника с показаниями других московских памятников Т. А. Сумникова пришла к выводу, что «говорить о том, что писец сборника 1540 г. был москвичом по происхождению, не приходится. Вероятнее всего, он происходил из ближайшего юго-западного Подмоскovie... или юго-восточного» [176].

⁸⁹ Ср. у Р. И. Аванесова: «Территория Коломенской земли по одним изоглоссам полностью или в значительной степени примыкает к рязано-тульскому юго-западу... по другим... — полностью или по преимуществу к северу; некоторые изоглоссы... делят эту землю пополам. Это свидетельствует о том, что некоторые диалектные различия уже были налицо в конце XIII и начале XIV в., а другие появились позднее» [1, 166].

⁹⁰ В середине XIV в. к Московскому княжеству отошли земли в бассейне р. Протвы: Новый Городок, Боровск, Лужа, Верея и др., а также Калуга, около 1371 г. — Медынь [139, 134—135, карта 1]. На всех этих территориях в конце XIX — начале XX в. было распространено прогрессивное ассимилятивное смягчение [к].

⁹¹ О южнорусском, не московском происхождении писца грамоты 1517 г., очевидно, говорят написания *-ть* в глаголах 3-го лица: *прикажутъ* и т. п.; см.: [72, 24].

Таким образом, возможно, что в Москве XVI в. среди ее неоднородного, смешанного населения некоторая часть жителей знала произношение [к'], а возможно, и [г', х'] после мягких согласных⁹². Однако вряд ли эта черта была господствующей в московском говоре; позднее же в результате нивелировки она и вовсе была вытеснена произношением твердых задненебных в этой позиции.

3.2. В качестве подтверждения того, что в Москве было «мягкое к», Д. К. Зеленин приводит написание *Тимонкю* в Можайской грамоте 1500 г. и считает, что эта грамота «не оставляет сомнения в том, что на рубеже XVI в. в старом Можайском, ныне Рузском у. м.к было известно, хотя теперь этой черты там нет» [72, 530]. «Едва ли, однако,— считает А. А. Шахматов,— показания одного акта достаточно для подобного утверждения; писец грамоты мог быть и не из Можайска» [211, 540].

Факты, приведенные Д. К. Зелениным, могут быть дополнены данными ряда исследований, вышедших после книги Д. К. Зеленина. Так, Н. Н. Дурново отметил смягчение к «под влиянием предшествующего мягкого звука» в слове *з'ёр'т'йла* из *з'ёр'к'ьла* в д. Парфенки Рузского у. [67, 71]. В трех рузских грамотах (1534—1535, 1561—1562 и 1563—1564 гг.), принадлежащих ранее Иосифо-Волоколамскому монастырю, В. В. Иванов отметил написание *Ва(с)кк*, *Нико(л)скк* [77, 267]. В. М. Марков обнаружил в «Расходной книге» Волоколамского монастыря 1547—1561 гг. написание *Иванкя, сенкя, панкя, феткю, четверьгь* [116, 181].

Считая вслед за М. Н. Тихомировым, что «Расходная книга» отражает московский говор [165, 166, 173 и др.], В. М. Марков, сравнивая точки зрения Д. К. Зеленина и А. А. Шахматова, предлагает «компромиссное решение вопроса, т. е. допущение раннего существования в московском говоре мягкого к» [180]. Между тем больше оснований считать, что «Расходная книга» отражает не московский, а волоколамский говор середины XVI в. Так, в памятнике очень широко отражено аканье: «... Трудно было бы найти другой документ XVI века, в котором эта фонетическая особенность отразилась бы так полно и разносторонне. В нем буквально на каждом шагу можно встретить написание, характеризующиеся взаимным смешением букв а и о» [116, 167]. Но если случаи отражения аканья в московских памятниках XVI в. сравнительно

⁹² Р. И. Аванесов писал: «Известно, что Московское княжество уже в конце XIII — начале XIV в. было одной из наиболее населенных территорий; оно меньше подвергалось нападениям со стороны татар, чем другие части Ростовско-Суздальской земли, не говоря уже о Муромо-Рязанской. Поэтому «сюда сбивалось население разоренных татарами русских княжеств». Это делало более разнообразным состав населения по этническому происхождению и, надо думать, по диалектам. В том же направлении действовали начавшиеся с самого начала XIV в. территориальные приращения, которые продолжались с нарастающей силой по мере усиления Московского княжества...» [2, 137].

редки ⁹³, то, по свидетельству В. В. Иванова, волоколамские «граммоты XVI в. одни в большей, другие в меньшей степени дают многочисленные примеры, подтверждающие широту распространения этого явления. При этом количества случаев написания *a* на месте *o* беспрерывно возрастает все более заметно ко второй половине XVI в.» [77, 237]; «можно думать, что акающее произношение развилось в волоколамских говорах ранее, чем в Москве» [240]. Рассматривая написания букв *ѣ* и *e* на месте исконных /ѣ/ и /e/, В. М. Марков приходит к выводу о том, что «в исследуемом говоре звук *ѣ* и звук *e* не различались» [116, 172]. Однако, как известно, в московском говоре фонема /ѣ/ сохранялась вплоть до XVIII в. ⁹⁴ В волоколамских же говорах «уже в XVI в. шел усиленный процесс утраты [ѣ] во всех положениях» ⁹⁵.

Приведенные примеры дают возможность предположить наличие [к'] после мягких согласных в XVI в. в можайском, рузском и волоколамском говорах. Такое предположение согласуется с современным состоянием и историей этих говоров.

На юге Можайского у. и соседнего Верейского у. это явление отмечалось в конце XIX — начале XX в., сохранилось оно в ряде населенных пунктов там и до сих пор (см. карту 9). Можайские говоры, как пишет К. А. Федорова, хотя и «близки другим подмосковным говорам вплоть до говоров пригородов Москвы», но «характеризуются большим «удельным весом» южновеликорусских черт в своей системе, чем говоры ближнего Подмоскovie» [195, 8]. Территория Можайского у. была присоединена к Москве в самом начале XIV в. (1303 г.), однако на можайские говоры, окончательно сложившиеся «не позже начала XV в.» [11], Москва «в XIV—XV вв. едва ли могла оказать заметное влияние» [10]. Что же касается южнорусских черт, то «они приобретали все большее значение в формировании собственно-можайских говоров» именно в XIV—XV вв., когда «диалектные особенности выходцев с Оки получают... известный перевес над говорами исконного населения края» [10].

В волоколамских говорах «самостоятельные пути развития могли сохраняться еще дольше, ибо по существу Волоколамский уезд стал простой составной частью Московского княжества лишь в первой четверти XVI в..., оставаясь до 1513 г. все же самостоятельным уделом, имеющим в своих пределах крупный местный культурный центр, сохранявший свое значение на всем протяжении XVI в. Это могло обусловить тот факт, что несколько самостоятельные пути развития волоколамских говоров сохранялись довольно долго. В частности, эта самостоятельность, как видно, отразилась

⁹³ Так, например, московские граммоты 1500—1550 гг., исследованные Б. Унбегауном, свидетельствуют об акающем произношении их писцов [190, 17].

⁹⁴ См.: Л. Л. Васильев [44], [45].

⁹⁵ В. В. Иванов [77, 236].

в том, что южновеликорусское влияние на эти говоры было сильнее, нежели на московский; в этом сыграло роль, вероятно, то, что удельный вес южновеликорусов в Волоколамской земле оказался больше, чем в Москве»⁹⁶.

Таким образом, наличие примеров, отражающих произношение [к'] после мягких согласных, в памятниках Можайска, Рузы и Волоколамска XVI в. может быть связано, так же, как и в Москве, со смешанностью населения этих территорий, где, наряду со старым, севернорусским населением, в этот период большое место (даже большее, чем в Москве) занимали выходцы из южных областей.

Произношение мягких заднеязычных после мягких согласных в Москве и, возможно, в Волоколамске могло в XVI в. возникать не только в результате южнорусского влияния, но и в результате влияния севернорусского. Об этом могут свидетельствовать примеры *деньгами* в Чудовском сборнике и *четверзь*⁹⁷ в Волоколамской «Расходной книге». Произношение [г'] после мягких согласных — явление, не свойственное южнорусским говорам и распространенное только в северно- и среднерусских говорах.

4

1. Д. К. Зеленин считал, что прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных имеет южнорусское происхождение, а позднее оно оттуда было занесено и в севернорусские говоры [72, 531—534]. Эту точку зрения поддержал и А. А. Шахматов [211, 357]⁹⁸. Однако большие основания имеет предположение о том, что в севернорусских говорах рассматриваемое явление развилось самостоятельно, без южнорусского воздействия. Об этом говорит, во-первых, распространение явления на большой территории севернорусских говоров и сплошной охват им говоров на этой территории, во-вторых, разница в структуре явления: смягчение в южнорусских говорах только [к], а в севернорусских — и других заднеязычных согласных, а также отсутствие в ряде севернорусских говоров смягчения [к] после [ч'] и [j] и, в-третьих, то, что предпосылки для возникновения данного явления были одинаковы в южнорусских и во многих севернорусских говорах. Кроме того, севернорусские говоры, знающие прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных, не отличаются от остальных севернорусских говоров наличием еще и других черт южнорусского происхождения. Но в таком случае неясно, почему указанные севернорусские говоры заимствовали из южнорусских

⁹⁶ В. В. Иванов [77, 280—281].

⁹⁷ Если буква *ь* на конце здесь обозначает мягкость заднеязычного, а не только указывает на конец слова.

⁹⁸ Ср. также: Н. П. Гринкова [61, 261—262].

только прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных и не заимствовали других южнорусских черт.

2. Если очевидно, что все собственно южнорусские говоры раньше были охвачены прогрессивным ассимилятивным смягчением [к], то вопрос о распространении в прошлом подобного смягчения [к] и других заднебных в севернорусских говорах может быть решен лишь весьма предположительно.

Сложившиеся после падения редуцированных условия для смягчения [к], а в части говоров и других заднебных были, вероятно, одинаковы во всех древнерусских диалектах. Как указывалось, таким условием было отсутствие противопоставления «твердых» и «мягких» «заднебных» фонем, фонологическая несущест-венность твердости и мягкости заднебных звуков ⁹⁹.

Чем же может объясняться, что прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных распространено в настоящее время только на части восточнославянской территории? Объяснений этому может быть несколько.

2.1. Возможно предположение, что прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных ранее было свойственно всем восточнославянским диалектам, а затем в большей их части произошел отход от данного явления, в результате чего на месте мягких заднебных восстановились твердые ¹⁰⁰.

В современных русских говорах и литературном языке заднебные перед мягкими согласными, как правило, произносятся твердо: [к] себе, [к]рест, мо[к]нет, [г]реть и т. п. Однако по говорам встречается и мягкое произношение заднебных в такой позиции: ля[к']те, и[х']ний и т. п.; ср. также Лу[к']ьянов ¹⁰¹.

Указания на мягкость заднебных перед мягкими согласными имеются и в ряде памятников: ср., например, написания *къ нему*, *къ Юрью*, *къ Елисю*, *къ Якову* в деловых документах XVII в. северо-восточной Руси ¹⁰² или написания *новок'рещеных*, *к'пресечению*, *иг'рин'ского*, *хох'рякова* и др. в некоторых вятских

⁹⁹ Свидетельством такой системы является, в частности, происшедшее в древнерусских диалектах изменение [кы, гы, хы] > [к'и, г'и, х'и]; см.: Л. Л. Касаткин [87, 66—69].

¹⁰⁰ О том, что во многих костромских говорах произошел такой отход, свидетельствует распространение в этих говорах имени *Олья* (подробнее об этом см. стр. 69). Эти говоры, возможно, отличаются от окружающих активизацией некоторых языковых процессов. Так, в этих говорах известна утрата и такой севернорусской черты, как оканье. Переход к аканью, происшедший в так называемом Чухломском акающем острове, совершается в настоящее время и в ряде других костромских говоров; ср.: Р. Ф. Пауф о ш и м а [140, 10—11].

¹⁰¹ Ср. у О. Брока: «Где перед палат. зубной стоит гортанная, наблюдатель опять часто колебался. х бесомненно было палатализованным в х'l'ef. Колеблющимся остался я насчет к в кг'os крест, kl'êtkа, насчет г в gd'e, gг'еу грел... «Мягкость» слога в историческом отношении доказывает-ся тем, что его е не перешло в 'о (p'ekl'i и др.)...» [34, 87].

¹⁰² См.: И. И. Назаров [127, 127].

документах XVIII в., в которых знаком ['] обозначалась мягкость согласных ¹⁰³.

Известно, что в русском литературном языке, начиная с конца XIX в., происходит отход от результатов регрессивного смягчения согласных. Если в XIX в. в ряде сочетаний произносился перед мягким согласным только мягкий согласный, то сейчас в одних случаях такое произношение факультативно (например, [д']верь и [д]верь, [с']нять и [с]нять, ка[р']тина и ка[р]тина и т. п.), а в других случаях уже является нелитературным (например, мягкие губные перед [к']: де[ф']ки, ла[п']ки и т. п.) ¹⁰⁴.

Аналогичные процессы в русских говорах специально не изучались. Однако в материалах атласов русских говоров (в том числе и в таких материалах, которые собирались опытными диалектологами), а также в некоторых описаниях диалектов ¹⁰⁵ отмечено на разных территориях произношение твердых согласных (часто наряду с аналогичными мягкими) перед мягкими согласными.

Возможно, что такой отход захватывает разные согласные одновременно (ср. в московском произношении более раннее отверждение перед мягкими согласными губных, чем переднеязычных). Не исключено, что произношение мягких заднеязычных ([к']леть и т. п.) ранее было свойственно всем русским говорам, а затем заменилось произношением твердых заднеязычных в этой позиции в связи с общим отходом от произношения мягких согласных перед мягкими, проявившимся, возможно, раньше всего в группе заднеязычных.

Причины отхода от результатов регрессивной ассимиляции согласных по мягкости неизвестны. Неизвестны также причины происходящего в настоящее время отхода от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных. Ясно только, что эти причины не заложены во влиянии литературного языка. Это влияние может только способствовать более быстрому вытеснению произношения [к', г', х'] после мягких согласных произношением [к, г, х]. Но это вытеснение происходит, очевидно, и без влияния литературного языка.

Поэтому возможно, что регрессивная и прогрессивная ассимиляция согласных по мягкости в русском языке не только были связаны общими причинами возникновения, но и в дальнейшем переживали аналогичную судьбу. А если так, то можно предположить и повсеместное распространение в прошлом в восточнославянских диалектах не только регрессивной ассимиляции согласных по мягкости, в том числе и смягчение заднеязычных, но и прогрес-

¹⁰³ См.: Е. В. Матвеева [120, 11].

¹⁰⁴ См., например: Г. О. Винокур [46, 63—64]; Р. И. Аванесов [12, 79 и след.].

¹⁰⁵ См., например: А. Грандильевский [60, 39]; О. Брок [34, 84—88].

сивной ассимиляции по мягкости задненебных согласных, а затем отход от результатов такой ассимиляции на части территории.

Надо, однако, сказать, что в настоящее время нет достаточных оснований для того, чтобы доказать эту гипотезу, так же, как, впрочем, и для того, чтобы ее опровергнуть.

2.2. Точно так же не может быть пока обоснована и следующая гипотеза. Возможно, что для осуществления прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных недостаточно было только того, чтобы отсутствовало противопоставление «твердых» и «мягких» «задненебных» фонем. Возможно, что необходимы были еще какие-то условия. Однако эти условия отсутствовали в говорах большей части восточнославянской территории, поэтому указанного смягчения и нет в современном украинском и белорусском языках и в части севернорусских говоров.

2.3. Возможно также и такое предположение (оно представляется мне наиболее реальным), что указанных условий было достаточно для осуществления прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных. Но к тому моменту, когда в одних говорах оно начало осуществляться, в других говорах указанные условия уже отсутствовали.

Современная территория распространения в севернорусских говорах результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных и территория говоров, не знающих этого явления, очень близки — первая к территории Ростово-Суздальской колонизации, а большая часть второй — к территории колонизации Новгородской.

В связи с тем, что падение редуцированных закончилось в севернорусских говорах примерно на столетие позднее, чем в южно-русских, прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, видимо, происходило там не в XIII в., как в южно-русских, а в XIV в. Однако в новгородском диалекте XIV в. уже существовало противопоставление «мягких» и «твердых» «задненебных» фонем. Об этом говорят написания причастий *ръка*, *поверьга*, *сверга* и т. п. в новгородских памятниках XIV в.¹⁰⁸ Поэтому в новгородском диалекте и не могло осуществиться прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных.

¹⁰⁸ См.: А. А. Шахматов [215, 553]. Ср. также то, что писал Р. О. Якобсон о юго-восточных украинских говорах, в которых «*i* был внеграмматическим комбинаторным вариантом *i*, обусловленным положением после твердого согласного» [220, 71]. В этих говорах «возникло сочетание мягких задненебных с *i* из *uo* (*k'in*)», мягкие задненебные перед *i* из *y*, в противоположность первым, стали твердыми (*k'i* > *kī*...), таким образом, мягкость задненебных стала фонологической категорией, поскольку в одной и той же позиции перед одной и той же фонемой... стали одинаково возможны и мягкие и твердые задненебные» [64].

СПИСОК КАРТ

Карта 1. Территория атласов русских говоров центральных и западных областей РСФСР	5
Карта 2. [к'] после мягких согласных	8—9
Карта 3. [к'] после мягких парных и твердых согласных и гласных	20—21
Карта 4. [к'] после мягких парных согласных и / $\frac{ш}{ж}$ /	20—21
Карта 5. [к'] и [к] после парных мягких согласных и звуков, выступающих на месте этимологического ч'	24—25
Карта 6. [к'] и [к] после парных мягких согласных и [j]	36
Карта 7. [к', г', х'] после мягких согласных	42
Карта 8. Распространение имени <i>Оля</i>	44
Карта 9. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных по данным атласов и по данным Д. К. Зеленина	70—71

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р. И. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, вып. 2.
2. Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9.
3. Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестник МГУ», 1947, № 1.
4. Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка. — ВЯ, 1952, № 6.
5. Аванесов Р. И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. «Докл. и сообщения филол. фак-та МГУ», вып. 2, 1947.
6. Аванесов Р. И. О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии. «Труды Постоянной комиссии по диалектологии рус. языка», вып. 9, 1927.
7. Аванесов Р. И. О долгих шипящих в русском языке. «Докл. и сообщения филол. фак-та МГУ», вып. 6, 1948.
8. Аванесов Р. И. О качестве заднебной фриктивной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке. «Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», № 2. М., 1952.
9. Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры. «Материалы и исследования по рус. диалектологии», т. I. М.—Л., 1949.
10. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
11. Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. — ВЯ, 1955, № 5.
12. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 3. М., 1958.
13. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. Изд. МГУ, 1956.
14. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. [Рец.] Диалектологический сборник под редакцией А. С. Ягодинского, I. Вологда, 1941; II. Вологда, 1942. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1946, вып. 6.
15. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
16. Атлас русских говоров северо-западных областей СССР. Рукопись; хранится в секторе диалектологии Ин-та рус. языка АН СССР.
17. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.
18. Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы. Рукопись; хранится в секторе диалектологии Ин-та рус. языка АН СССР.
19. Атлас русских говоров юго-западных областей РСФСР. Рукопись; хранится в секторе диалектологии Ин-та рус. языка АН СССР.
20. Vallu Ch. Le langage et la vie. Paris, 1926.
21. Баскаков Н. А. Структура слога в тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1, Фонетика. М., 1955.

22. В æ s k l u n d А. The names of women in medieval Novgorod. — Сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956.
23. Б е р н ш т е й л С. Е. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
24. Б ё т л и н г О. Грамматические исследования о русском языке. «Уч. зап. АН по 1 и 3 отделениям», т. I, вып. 1. СПб., 1852.
25. B i e l f e l d t H. H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958.
26. Б о б р я к о в Н. А. К истории фонемы *в* в говорах Киренского района Иркутской области. «Научные докл. высшей школы. Филол. науки». М., 1960, № 1.
27. Б о г о р а з Л. И. О нейтрализации и архифонеме в связи с согласными архифонемами русского языка. «Проблемы структурной лингвистики. 1963». М., 1963.
28. Б о г о р о д и ц к и й В. А. Диалектологические заметки. IV. Московское наречие двести лет назад. Казань, 1902.
29. Б о д у э н д е К у р т е н е И. А. Кашубский «язык», кашубский народ и «кашубский вопрос». — ЖМНП, ч. СССХI, 1897, май.
30. Б о д у э н д е К у р т е н е И. А. Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка. «Филол. записки». Воронеж, 1882, вып. II—III.
31. Б о р к о в с к и й В. И., К у з н е ц о в П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
32. Б р о к О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
33. Б р о к О. Об исчезновении междугласного *i, j*. «Сборник, посвященный ... Ф. Ф. Фортунатову». Варшава, 1902.
34. Б р о к О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. «Сб. ОРЯС», т. LXXXIII, 1907, № 4.
35. Б р о к О. Очерк физиологии славянской речи. «Энциклопедия слав. филологии», вып. 5. 2. СПб., 1910.
36. Б у б р и х Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирской губ.). — ИОРЯС, т. XVIII, 1913, кн. 4.
37. Б у д д е Е. Ф. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора. — РФВ, т. XXVII, 1892, № 2.
38. Б у д д е Е. Ф. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии Казань. 1896.
39. Б у д д е Е. Ф. Лекции по истории русского языка. Изд. 2. Казань, 1913 (на обл. 1914).
40. Б у д д е Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. «Сб. ОРЯС», т. LXXVI, 1904, № 3.
41. Б у д д е Е. Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX век). «Энциклопедия слав. филологии», вып. 12. СПб., 1908.
42. Б у л и ч С. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Ч. I. СПб., 1893.
43. V a n W i j k N. Die großrussische pronominale Genitivendung *-vo*. «Streitberg Festgabe». Leipzig, 1924.
44. В а с и л ь е в Л. Л. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV—XVII веках. — ИОРЯС, т. X, 1905, кн. 2.
45. В а с и л ь е в Л. Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквою *е* в памятниках XVII века, употребляющих эти буквы в слог под ударением по-древнему при замене в слог без ударения буквы *ѣ* буквою *е*. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3.
46. В и н о к у р Г. О. Русское сценическое произношение. М., 1948.
47. Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

48. В ы с о т с к и й С. С. О говоре д. Лека. «Материалы и исследования по рус. диалектологии», т. II. М.—Л., 1949.
49. В ы с о т с к и й С. С. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных. «Бюлл. диалектол. сектора Ин-та рус. языка АН СССР», вып. 6. М.—Л., 1949.
50. Г е д е о н о в С. А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. «Зап. АН», т. II, кн. 2, Приложения. СПб., 1862.
51. Г е р а с и м о в а Ф. Ф. Некоторые лексические особенности говора деревни Малой Стрелки. «Диалектол. сборник», под ред. А. С. Ягодинского, ч. I. Вологда, 1941.
52. Г е р к е Е. Д. О говорах Малмыжского. Сарапульского и Елабужского уездов. «Материалы для изучения великорус. говоров», вып. X, «Сб. ОРЯС», т. ХСІХ, 1921, № 2.
53. Г л и с о н Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. М., 1959.
54. Г о л у б и н с к и й Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
55. Г о л у б и н с к и й Е. Е. История русской церкви. Т. II. 2-я половина тома. М., 1911.
56. Г о р ш к о в а К. В. Из истории московского говора в конце XVII—начале XVIII века. Язык «Писем и бумаг Петра Великого». «Вестник МГУ», 1947, № 10.
57. Грамматика русского языка, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952.
58. G r a m m o n t M. Notes de phonétique générale. VIII. L'assimilation. «Bull. de la Société de linguistique de Paris», vol. XXIV, fasc. I, 1923.
59. G r a m m o n t M. Traité de phonétique. Paris, 1933.
60. Г р а н д и л е в с к и й А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. «Сб. ОРЯС», т. LXXXIII, 1907, № 5.
61. Г р и н к о в а Н. П. Воронежские диалекты. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 55. Л., 1947.
62. Г р и н к о в а Н. П. Очерки по русской диалектологии. 2. О говорах с.-в. части Моложского у. Яросл. губ. — ИОРЯС, т. XXX, 1925.
63. Г р о т Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1899.
64. Диалектологический материал по Новгородской губернии, собранный Новгородским Обществом любителей древности. «Труды МДК», вып. 3, 1914.
65. Д у р н о в о Н. Н. Введение в историю русского языка, ч. I. Врно, 1927.
66. Д у р н о в о Н. Н. Диалектологическая карта Калужской губернии. «Сб. ОРЯС», т. LXXVI, 1903, № 1.
67. Д у р н о в о Н. Н. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903.
68. Д у р н о в о Н. Н. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924.
69. Е в г е н и й, митрополит Киевский. О личных собственных именах у славянорусов. «Труды и летописи Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те», ч. III, кн. II. М., 1827.
70. Е р м о л о в А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. I. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901.
71. Ж и р м у н с к и й В. М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1954.
72. З е л е н и н Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непременным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.
73. З и н д е р Л. Р. Общая фонетика. Изд. ЛГУ, 1960.
74. З и н д е р Л. Р. О звуковых изменениях. — ВЯ, 1957, № 1.

75. Зиндер Л. Р. О минимальных парах. «Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии, 20—23 мая 1963 года. Тезисы докл.». М., 1963.
76. Зиндер Л. Р. Фонетическая сущность долгого палатализованного [š:] в русском языке. «Научные докл. высшей школы. Филол. науки», 1963, № 2.
77. Иванов Вал. Вас. Из истории волоколамских говоров XV—XVIII вв. К вопросу о складывании и развитии средневеликорусских говоров на территории вокруг Москвы. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIX. М., 1960.
78. Исакин А. Г. Палеографическое описание Пандектов Никона Черногогорца по Ярославскому рукописному списку XIV века. «Труды кафедр рус. языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока». Иркутск, 1960.
79. Исхаков Ф. Г. Об отдельных фонемах татарского языка. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I, Фонетика. М., 1955.
80. Калнынь Л. Э. К истории коломенских говоров. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VII, 1957.
81. Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIII. М., 1956.
82. Калнынь Л. Э. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.
83. Каринская Е. Н. Описание говора деревни Толстовской Молосниковской волости Котельничского уезда Вятской губернии. «Труды Постоянной комиссии по диалектологии рус. языка», вып. 9, 1927.
84. Каринский Н. М. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. — ИОРЯС, т. VIII, 1903, кн. 1, 2.
85. Карский Е. Ф. Белорусы. Вып. 1. М., 1955.
86. Карский Е. Ф. К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии. «Новый сборник статей по славяноведению в честь В. И. Ламанского». СПб., 1905.
87. Касаткин Л. Л. К истории задненебных фонем в русском языке. — ВЯ, 1965, № 2.
88. Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* в русских народных говорах. «Материалы и исследования по рус. диалектологии», Новая серия, т. III. М., 1962.
89. Касаткин Л. Л. Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1965, вып. 6.
90. Китерман Б. П. Явления диссимилиции согласных звуков в русском языке. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. I.
91. Клейменова Е. С. Говоры южной части Калужской области. Автореф. канд. дисс. М., 1956.
92. Коготкова Т. С. Утрата интервокального *ј* и стяжение гласных в русских говорах. Автореф. канд. дисс. Л., 1953.
93. Колесниченко А. К. Говоры западной части Елецкого района Липецкой области (фонетика и морфология). Канд. дисс. М., 1955.
94. Котков С. И. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров. «Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», № 2. М., 1952.
95. Котков С. И. К изучению орловских говоров. «Уч. зап. Орловского пед. ин-та», т. VII. Кафедра рус. языка, вып. 3. Орел, 1952.
96. Котков С. И. Южнорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
97. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
98. Крајчовић R. Zmena *g* > *γ* (> *h*) v západoslovanskej skupine. «Slavia», r. XXVI, 1957, seš. 3.
99. Краткий отчет о диалектологических экскурсиях 1916 года. «Труды МДК», вып. 8, 1919.

100. Кузнецов П. С. К вопросу о фонематической системе современного французского языка. «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та», т. V, Кафедра рус. языка, № 1, 1941.
101. Кузнецов П. С. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. «Докл. и сообщения Ин-та рус. языка АН СССР», вып. 2. М.—Л., 1948.
102. Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии.— ВЯ, 1959, № 2.
103. Кузнецов П. С. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, вып. 1.
104. Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. «Материалы и исследования по рус. диалектологии», т. I. М.—Л., 1949.
105. Кузнецов П. С. Русская диалектология. Изд. 3. М., 1960.
106. Кузнецов П. С. Чередования в общеславянском «языке-основе». «Вопросы слав. языкознания», вып. 1. М., 1954.
107. Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1961.
108. Курс сучасної української літературної мови. За ред. Л. А. Булаховського, т. I. Київ, 1951.
109. Leher-Splawinski T. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. «Rocznik slawistyczny», т. IX, cz. I. Kraków, 1921.
110. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739—1758 гг. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.
111. Ломтев Т. П. Классы позиций согласных фонем в современном русском языке, различающиеся по соотношению релевантных и нерелевантных дифференциальных признаков. «Слав. филология», вып. 5, изд. МГУ, 1963.
112. Луппова Е. П. О мягких шипящих *ш*, *ж* в говорах Кировской области. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 15, вып. 4, 1956.
113. Макарий, архиепископ [Булаков]. История русской церкви, т. VII. СПб., 1874.
114. Мансикка В. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии. «Труды МДК», вып. 3, 1914.
115. Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ.— ИОРЯС, т. XVII, 1912, кн. 2.
116. Марков В. М. Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря (материалы к истории московского говора в XVI веке).— Сб. «Памяти В. А. Богородицкого». Казань, 1961.
117. Мартин А. Принципы экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). Пер. с франц. А. А. Зализняка. М., 1960.
118. Martinet A. Un ou deux phonèmes? «Acta Linguistica» (Copenhagen), 1939, vol. I, fasc. 2.
119. Марчук (Бовтрук) Н. Й. Форми 1-ої особи однини дієслів теперішнього часу в українських говорах. Сб. «Українська диалектологія і ономастика». Київ, 1964.
120. Матвеева Е. В. К вопросу о мягких согласных в вятских говорах XVIII века. «Труды Вятского пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. III, вып. 2, 1928.
121. Медьников Е. И. О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 г.— Сб. «Слав. языкознание». М., 1959.
122. Милославский И. Г. Сочетания переднеязычных шумных согласных фонем в современном русском языке. «Научные докл. высшей школы. Филол. науки», 1963, № 3.
123. Мирославская А. Н. К истории развития русских имен. «Уч. зап. Калининградского пед. ин-та», вып. VI, 1959.
124. Миртов А. В. К вопросу о палатализации заднеязычных в донских (казачьих) говорах. «Краеведение на Северном Кавказе». Ростов н/Д, 1928, № 3—4.

125. Миртов А. В. К истории консонантизма донских диалектов. «Изв. Северо-Кавк. гос. ун-та», т. I (XIII). Ростов н/Д, 1928.
126. Мораховская О. Н. Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VII, 1957.
127. Назаров И. И. О некоторых северных особенностях языка челобитных и иных деловых документов XVI века. «Вопросы теории и методики изучения рус. языка», вып. 3. Йошкар-Ола, 1964.
128. Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.
129. Нахтигал Р. Славянские языки. Пер. со словенск. Н. М. Елковой. М., 1963.
130. Novák L'. Neznáme nemecké vplyvy na západoslovanský, východoslovanský a maďarský konsonantizmus. «Linguistica Slovaca», 1—2, 1939/1940.
131. Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Указатель к первым шести томам. Пг., 1915.
132. Новопокровская В. Н. Диалектные особенности рязанских говоров XVII в. (по рукописям Рязанского обл. архива УМВД). Канд. дисс. Рязань, 1955.
133. Обносский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
134. Орлова В. Г. Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та рус. языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950.
135. Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.
136. Орлова В. Г. К итогам диалектологического изучения Рязанской области. «Докл. и сообщения филол. фак-та МГУ», вып. 8, 1949.
137. Орлова В. Г. Работы диалектологов марковского направления («Воронежские диалекты» Н. П. Гринковой).—Сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». М., 1951, ч. I.
138. Оссовецкий И. А. К диалектологии говоров Рязанской области. «Бюлл. диалектол. сектора Ин-та рус. языка АН СССР», вып. 5. М.—Л., 1949.
139. Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. в двух частях. Ч. 2, XIV—XV вв. М., 1953.
140. Пауфощима Р. Ф. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Автореф. канд. дисс. М., 1965.
141. Пеньковский А. Б. Ассимилятивные изменения согласных по твердости — мягкости в говорах Западной Брянщины. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 173, 1958.
142. Пеньковский А. Б. Об изучении процессов развития в живой диалектной речи. «Тезисы докл. на X диалектол. совещании 11—14 мая 1965 г.». М., 1965.
143. Петровская Ю. В. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. «Сб. ОРЯС», т. ХСІХ, 1922, № 6.
144. Писцовые книги, издаваемые Русским географическим обществом. Ч. I. Указатель. СПб., 1895.
145. Плотникова З. К. К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. муж. в среднего рода местоимений и сложных прилагательных.—ИОРЯС, т. XXIV, 1922, кн. 1.
146. Погодин М. П. О частной жизни князей в древности до нашествия татар. «Москвитин», 1853, т. III, № 11, июнь, кн. 1, отд. III.
147. Православный церковный календарь.
148. Преображенский А. Приход Станисловский на Сити Ярославской губернии Моложского уезда. «Этногр. сборник», вып. 1. СПб., 1853.
149. Программа собирання сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.—Л., 1947.

150. Пруссак А. В. О говорах Брянского и Ливенского уездов. «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. X, «Сб. ОРЯС», т. ХСІХ, 1921, № 2.
151. Пурто В. А. Ассимиляция в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1954.
152. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1960.
153. Реформатский А. А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования и их варьирование в современном русском языке. «Докл. и сообщения Ин-та языковедения АН СССР», № 8, 1955.
154. Реформатский А. А. Язык, структура и фонология. «Prace filologiczne», т. XVIII, cz. I. Warszawa, 1963.
155. Росинд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена).— ВЯ, 1965, № 3.
156. Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
157. Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
158. Самуйлова Н. И. К вопросу о возникновении соотносительной пары [в] — [ф] в русском языке.— Сб. «Вопросы теории и методики преподавания рус. языка иностранцам». Изд. МГУ, 1963.
159. Свод материалов, собранных Комиссией. «Труды МДК», вып. 3, 1914.
160. Свод материалов, собранных Комиссией. «Труды МДК», вып. 8, 1919.
161. Свод материалов, собранных Московской диалектологической комиссией. «Труды постоянной комиссии по диалектологии рус. языка», вып. 10, 1928.
162. Свод материалов, собранных Комиссией по диалектологии русского языка. «Труды Комиссии по диалектологии рус. языка», вып. 11, 1930.
163. Свод материалов, собранных Комиссией по диалектологии русского языка. «Труды Комиссии по диалектологии рус. языка», вып. 12, 1931.
164. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921.
165. Селищев А. М. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. «Slavia», г. VII, seš. I, 1928.
166. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. «Уч. зап. МГУ», вып. 128. Труды кафедры рус. языка, кн. 1, 1948.
167. Смирнов А. И. Песни и предания, записанные в селе Иудине Александровского уезда Владимирской губернии.— РФВ, т. I, 1879.
168. Смирнов В. А. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края. «Труды Костромск. научного об-ва по изучению местного края», вып. 33, 1924.
169. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 2. СПб., 1891.
170. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907.
171. Соболевский А. И. Новые данные о муромском говоре.— РФВ, т. LVIII, 1907, № 3.
172. Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии, вып. 1. СПб., 1897.
173. Соколов П. А. Особенности ростовского наречия. «Ярославские губернские ведомости», 1868, № 38—40.
174. Солодовников Ф. О старооскольском народном говоре. «Филол. записки». Воронеж, 1867, вып. 2, 3—4.
175. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
176. Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. I—III. «Зап. АН», т. II, кн. II, Приложения. СПб, 1862.
177. Стеблин-Каменский М. И. Об одной норвежско-шведской фонологической тенденции (альвеолярные и какуминальные в норвеж-

- ском и шведском). «Уч. зап. ЛГУ», № 321, серия филол. наук, вып. 67, Скандинавская филология, Scandinavica, II, 1963.
178. Стеблин-Каменский М. И. Одна проблема исторической фонологии исландского языка. «Уч. зап. ЛГУ», № 308, серия филол. наук, вып. 62, Скандинавская филология, Scandinavica, I, 1961.
 179. Стойков Ст. Българска диалектология. София, 1962.
 180. Строганова Т. Г. К изучению говоров междуречья Оки — Клязьмы. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VII, 1957.
 181. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений..., ч. X. Изд. 2. М., 1787.
 182. Сумникова Т. А. Чудовский сборник XVI века (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника № 264). «Материалы и исследования по истории рус. языка». М., 1960.
 183. Голкачев А. И. Об изменении *-ого > -ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка». «Материалы и исследования по истории рус. языка». М., 1960.
 184. Тредьяковский В. К. Разговор между Чужестранным человеком и Российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748.
 185. Trnka B. O analogii v strukturálním jazykozpytu. «Slovo a slovesnost», т. II, č. 4. Praha, 1936.
 186. Trubetzkoy N. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. «Zeitschrift für slavische Philologie», B. I, 3/4. Leipzig, 1925.
 187. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Пер. с нем. А. А. Холодовича. М., 1960.
 188. Trubetzkoy N. Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen. «Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863—1933)». София, 1933.
 189. Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, изданным Археографическою комиссиею, Отд. 1, т. II. СПб., 1898.
 190. Unbegaun B. La langue russe au XVI-e siècle (1500—1550). I. La flexion des noms. Paris, 1935.
 191. Ward D. Is there a phoneme γ in Russian? «La maîtrise phonétique», troisième Série, N 112, juillet-décembre, 1959.
 192. Ушаков Д. Н. Звук γ фрикативный в русском литературном языке в настоящее время. «Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского». — «Сб. ОРЯС», т. CI, 1928, № 3.
 193. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964.
 194. Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, B. II. Heidelberg, 1955.
 195. Федорова К. А. К истории говоров Западного Подмосковья (Можайские говоры). Автореф. канд. дисс. М., 1951.
 196. Фортунатов Ф. Ф. Об ударении и долготе в балтийских языках. — РФВ, т. XXXIII, 1895.
 197. Хааг К. О границах диалектов. Сб. «Немецкая диалектография». М., 1955.
 198. Халле М. Фонологическая система русского языка. Лингвистико-акустическое исследование. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962.
 199. Хомутова Е. Д. О говорах Вологодского, Грязовецкого и Тотемского уездов. «Материалы для изучения великорус. говоров», вып. X, «Сб. ОРЯС», т. XCIX, 1921, № 2.
 200. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3. М., 1962.
 201. Чернышев В. И. Говор города Осташкова. «Материалы и исследования по рус. диалектологии», т. II. М. — Л., 1949.

202. Чернышев В. И. Краткие сведения о некоторых говорах Дмитровского, Богородского и Егорьевского уездов. «Материалы для изучения великорус. говоров», вып. VII. СПб., 1903.
203. Чернышев В. И. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по Старому Московскому тракту. Верейский, Звенигородский и Московский уезды. СПб., 1909.
204. Чернышев В. И. Несколько сведений о быте и говоре «шуваликов» Верейского уезда.— ИОРЯС, т. X, 1905, кн. 2.
205. Чернышев В. И. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов. «Сб. ОРЯС», т. LXXI, 1901, № 5.
206. Черри, Е., Халле М., Якобсон Р. К вопросу о логическом описании языков в их фонологическом аспекте. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962.
207. Шайтанова Г. В. Говоры по верхнему течению реки Костромы (Говоры по северной границе акающего острова в Костромской области). Канд. дисс. М., 1952.
208. Шаумян С. К. Современное состояние двухступенчатой теории фонологии. «Исследования по фонологии». М., 1966.
209. Шаумян С. К. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962.
210. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.
211. Шахматов А. А. [Ред.] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей колонизации. СПб., 1913.— ИОРЯС, т. XX, 1915, кн. 3.
212. Шахматов А. А. [Ред.] Евгений Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896 г. Стр. 377 + II. 8°. «Сб. ОРЯС», т. LXVI, № 2, 1898.
213. Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. I. Смягченные согласные. СПб., 1898.
214. Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916.
215. Шахматов А. А. Курс истории русского языка (Читан в Петербургском Университете в 1909/10 уч. г.). Ч. II [литограф. изд. СПб., 1910].
216. Шахматов А. А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии.— ИОРЯС, т. XVIII, 1913, кн. 4.
217. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия слав. филологии», вып. 11.1. Пг., 1915.
218. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
219. Юналиева Р. А. Об ассимилятивном смягчении заднеязычных в русских говорах северо-восточной Башкирии. «Уч. зап. Казанск. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина», т. 117, кн. 9. Общеунив. сб., вып. 1, 1957.
220. Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, TCLP, 2, 1929.
221. Jakobson R. Russian conjugation. «Word», vol. 4, N 3. New-York, 1948.
222. Jakobson R. [Ред.] F. Trávníček. Příspěvky k nauce o českém přízvuku (Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně, č. 7), 1924, str. 52. «Slavia», r. IV, seš. 4, 1926.
223. Якобсон Р. О. Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью [литограф. изд.]. Прага, 1927.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения задне- небных согласных в современных русских говорах	7
Результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [к]	7
1. [к'] после парных мягких согласных (7). 2. [к'] аналогического происхождения (8): 1. [к'] после отвердевшего согласного (8); 2. [к'] после исконного твердого согласного (10); 3. [к'] после гласно- го (13); 4. [к'] после мягкого согласного, выступающего на месте эти- мологического твердого (15); 5. Распространение и частотность [к'] аналогического происхождения (18). 3. [к'] после $\left\{ \begin{smallmatrix} ш \\ ж \end{smallmatrix} \right\}$ (20). 4. [к'] и [к] после звуков, выступающих на месте этимологического ч' (23): 1. [к'] после звуков, выступающих на месте этимологического ч' (23); 2. [к] после звуков, выступающих на месте этимологического ч' (23): 2.1. В западных южнорусских говорах (24); 2.2. В восточ- ных южнорусских говорах (25); 2.3. В новгородских и ленин- градских говорах (26); 2. 4. В ярославских и прилегающих к ним говорах (26); 3. [к'] нефонетического происхождения на террито- рии групп, указанных в 2.1 — 2.4.(27). 5. [к'] и [к] после /j/(29): 1. [к'] после /j/ в южнорусских говорах (29); 2. [к'] и [к] после /j/ в севернорусских говорах (29); 3. Анализ материала и определение территории распространения [к'] после /j/ и тер- ритории распространения [к] после /j/ в севернорусских гово- рах (32). 6. Частотность [к'] после разных согласных (38).	
Результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения [г, ɣ, х]	40
1. Смягчение [г, х] (40). 2. /j/ в слове <i>Олья</i> — результат прогрес- сивного ассимилятивного смягчения [ɣ] в слове <i>Ольга</i> (43): 1.0. [г] и [ɣ] в слабой и сильной позициях в русских говорах (46); 1.1.1. /ɣ/ в современном русском литературном языке (46); 1.1.2. /ɣ/ в литературном языке XVII—XIX вв. (47); 1.2. /ɣ/ в современ- ных севернорусских и среднерусских говорах (48); 2.1. Вопрос о происхождении ɣ в разных славянских языках (49); 2.2. /ɣ/ в древнерусском языке (50); 2.3. Происхождение /ɣ/ в литератур- ном языке и севернорусских и среднерусских говорах (52); 3. Исто- рия употребления русскими имени <i>Ольга</i> (54).	
Некоторые особенности реализации прогрессивного ассимилятивного смягчения заднебных согласных в современных русских говорах	56
1. Произношение гласных звуков переднего ряда после [к', г', х'] и переход в мягкую разновидность склонения существительных и прилагательных с [t'к', t'г', t'х'] в конце основы (56). 2. Произ-	

ношение в одних и тех же говорах после мягких согласных не только [к', г', х'], но и [к, г, х] (58). 3. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных как фонетический закон (59). 4. Наличие в современном русском языке коррелятивных «твердых» фонем /к, г, х/ и «мягких» фонем /к', г', х'/ (62): 1. Возможность произношения после мягких согласных [к', г', х'] и [к, г, х] в одних и тех же словах (63); 2. Произношение [к', г', х'] после этимологических твердых согласных (63); 3. Произношение [к', г', х'] после отвердевших согласных (63); 4. *п'ек'бш, б'ер'ег'бш* и т. п. (64). 5. Морфологизация и лексикализация результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднебных (66). 6. Сопоставление карты Д. К. Зеленина с картой, составленной на материалах атласов (70).

Глава II. Причины, условия и история прогрессивного ассимилятивного смягчения заднебных согласных в русских говорах

73

Причины и условия возникновения в русских говорах прогрессивного ассимилятивного смягчения заднебных согласных

73

1—5. «История вопроса»: 1. Объяснение Д. К. Зеленина (73). 2. Объяснение А. В. Миртова (74). 3. Д. К. Зеленин, С. И. Котков, В. Г. Орлова об отсутствии смягчения [к] после этимологического ч' в западных южнорусских говорах (76). 4. Объяснение, данное мною в статье [88] (79): 1. Отсутствие смягчения [к] после звуков, выступающих на месте этимологического ч' (79); 2. Отсутствие смягчения [к] после [j] (82). 5. Объяснение С. И. Коткова (84). 6. Фонологическое объяснение (85): 1. «Механизм» ассимиляции (86): 1.1. На фонетическом уровне (87); 1.2. На фонологическом уровне (88); 2. Ассимиляция согласных по звонкости и глухости в русском языке (90); 3. Ассимиляция согласных по мягкости и твердости в русском языке (92); 4.1. Отсутствие прогрессивного ассимилятивного смягчения [ʏ] в южнорусских говорах (93); 4.2. Отсутствие прогрессивного ассимилятивного смягчения [x] в южнорусских говорах (95); 5. Влияние на заднебные предшествующих согласных (96): 5.1. Парные мягкие (97); 5.2. $\left| \begin{smallmatrix} \text{ш} \\ \text{ж} \end{smallmatrix} \right|$ (97); 5.3. Звуки, выступающие на месте этимологического ч' (97): 5.3.1. Воплощенные в звуках [ч'] — [ц] фонемы /ч/ — /ц/, противопоставленные как «мягкая» и «твердая» в одних говорах и как «шипящая» и «свистящая» в других (98); 5.3.2. Фонемы /ч, ц/, воплощенные в твердых звуках (99); 5.3.3. [ц'] при мягком показе; фонологическое содержание сочетания [шч] (100); 5.4. [j] (104).

История прогрессивного ассимилятивного смягчения заднебных согласных в русских говорах

108

1. Данные памятников письменности (108): 1. Примеры в памятниках (108); 2. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных не могло при своем возникновении отразиться в письменных памятниках (110). 2. Невозможность возникновения явления до падения редуцированных (111). 3. Возникновение явления в южнорусских и некоторых среднерусских говорах (112): 1. Взгляды Д. К. Зеленина, А. А. Шахматова, Н. П. Гринковой, В. Г. Орловой, С. И. Коткова (112); 2.1. Явление возникло на ранних этапах развития аканья (114); 2.2. Явление возникло до присоединения Коломны к Москве (116); 3.1. Данные о наличии его в XVI в. в Москве (117); 3.2. Данные о наличии его в XVI в. в Можайске, Рузе, Волоколамске (118). 4. Возникновение явления в севернорусских говорах (120): 1. В севернорусских

говорах явление возникло самостоятельно, без южнорусского влияния (120); 2. Возможные причины отсутствия явления в ряде севернорусских говоров (121): 2.1. Мог быть отход от явления, распространенного ранее и в других севернорусских говорах (121); 2.2. Кроме отсутствия противопоставления «твердых» и «мягких» «задне-небных» фонем необходимыми могли быть еще какие-то условия (123); 2.3. В ряде севернорусских говоров были противопоставлены «твердые» и «мягкие» «задне-небные» (123).

Список карт	124
Литература	125

Леонид Леонидович Касаткин

**Прогрессивное ассимилятивное смягчение задне-небных согласных
в русских говорах**

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства А. Н. Знаменская

Художник Ю. Н. Юрьев. Технический редактор Н. П. Кузнецова

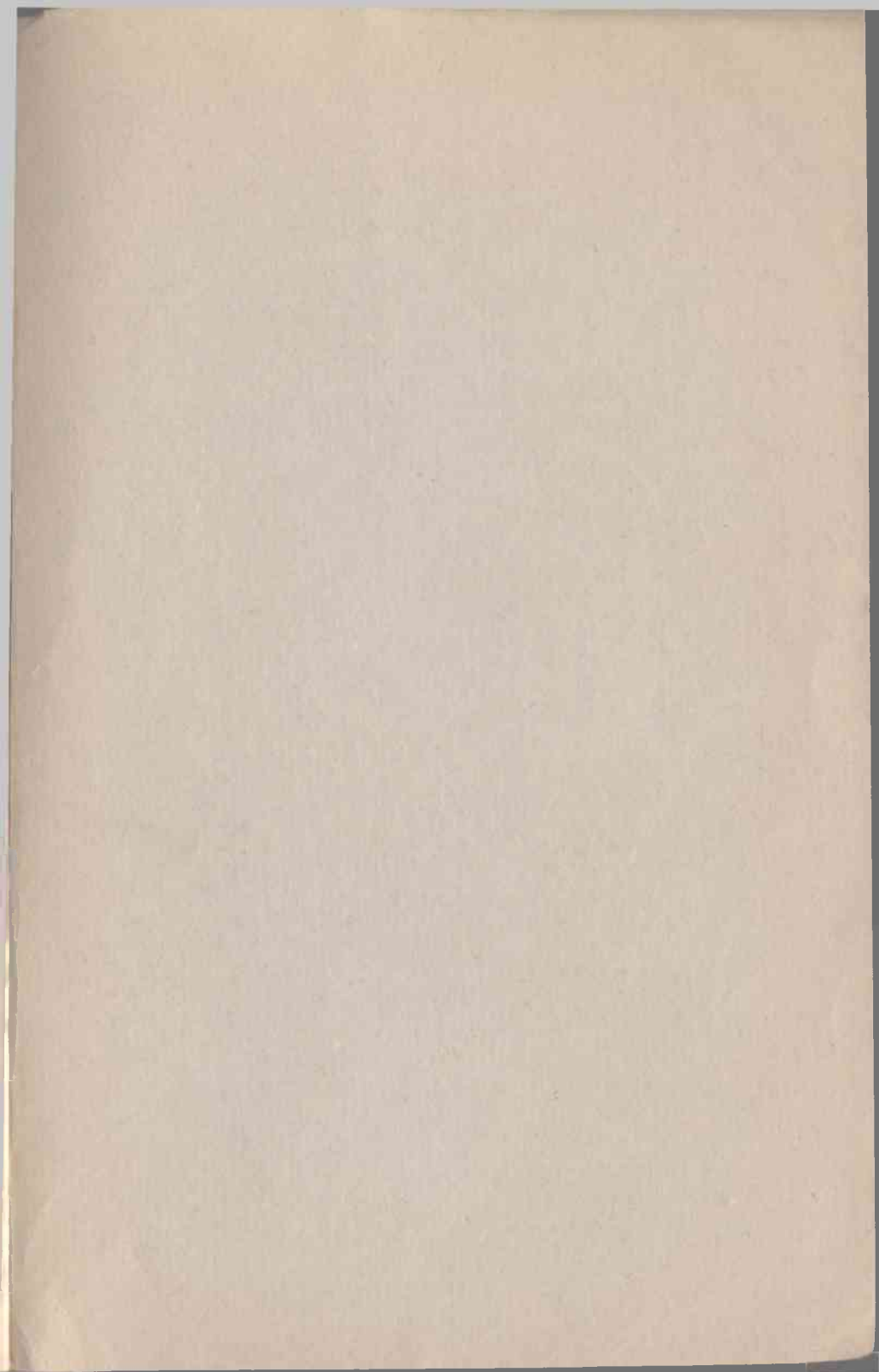
Сдано в набор 14/XII 1967 г. Подписано к печати 23/IV 1968 г. Формат 60×90^{1/16}

Бумага № 2. Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 3000 экз. Т 06190

Тип. зак. 33. Цена 56 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

56 коп.